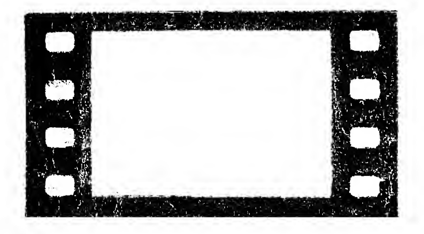
БИБЛИОТЕКА КИНОДРАМАТУРГА

Евгений Петров

СЦЕНАРИИ

ГОСКИНОИЗДАТ
МОСКВА 1943

БИБЛИОТЕКА КИНОДРАМАТУРГА

Евг. ПЕТРОВ

ВОЗДУШНЫЙ ИЗВОЗЧИК

•

Евг. ПЕТРОВ и Г. МУНБЛИТ

МУЗЫКАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

•

Евг. ПЕТРОВ и Г. МУНБЛИТ

АНТОН ИВАНОВИЧ СЕРДИТСЯ

ГОСКИНОИЗДАТ
Москва. 1943

На обложке: кадр из фильма „Воздушный извозчик"

СОДЕРЖАНИЕ

Редактор В. ЛУЧИНОВ

Л34180. Подписано к печати 14/V 1943 г.
Тираж 3000 экз. Печ. л. 8.5. Уч.-изд. л. 9,1
Зн. в 1 п. л. 42800.

Типография „Красный печатник", Москва,
ул. 25 Октября, 5. Зак. 185

К. Симонов

ВОЕННЫЙ КОРРЕСПОНДЕНТ

(Памяти Евгения Петрова)

Это не статья и не воспоминания — это просто несколько страниц из дневника, касающихся человека, чудесного товарища и попутчика на фронтовых дорогах,— человека, потерю которого я, как, наверное, и многие другие, все еще не могу себе представить.

Нигде так быстро не узнаешь человека, как на фронте. И мало того, что узнаешь близко, главное узнаешь верно — таким, как он есть на самом деле. Мне пришлось пробыть бок о бок с Евгением Петровичем Петровым всю его последнюю фронтовую поездку — поездку на Север, из которой он вернулся. Мне хочется рассказать об этом месяце, проведенном с ним вместе, потому что, хотя до этого я был знаком с ним несколько лет, но узнал его по-настоящему только здесь.

Поезд идет в Архангельск. Мы едем втроем и потому не скучаем. На одной из станций Евгений Петрович случайно встречает знакомого, также едущего на Карельский фронт. Через полчаса знакомый перетащен в наш вагон, еще через пять минут он уже сидит у нас в купе, ему весело и уютно, и вдвоем с Петровым они, сме-

ясь, принимаются за мелкое дорожное портняжество. Через сутки — станция, на которой сходить знакомому. Лес, маленький перрон и перспектива прождать сутки, до пересадки. Мы едем дальше. Знакомому грустно расставаться с нами и не хочется вылезать на этой станции, где он не знает ни души. Мы прощаемся с ним в вагоне, но Петров выходит на платформу, стоит там с ним до самого отхода поезда, потом вскакивает на подножку и еще долго машет фуражкой. Мы едем дальше вместе, а знакомый остался один, Петрову не хочется, чтобы человеку было неуютно.

Архангельск. Мы задерживаемся на сутки в ожидании дальнейших средств передвижения. Вечером мы идем по городу. На улицах много грязи: они запущены. У пристаней свален мусор. Завтра нам, очевидно, предстоит уезжать на фронт и, казалось бы, нам мало дела до архангельского коммунального хозяйства. Но Евгений Петрович не может говорить ни о чем другом. Он рассержен: ему очень нравится этот северный город и поэтому его особенно раздражают неряшливость и грязь. Он говорит о том, как просто все это убрать и привести пристани в приличный вид. Мы проходим целый квартал в молчании. Потом Евгений Петрович, оказывается, обдумывавший, как следует привести город в порядок, добросовестно начинает развивать план этого мероприятия. И вдруг спрашивает:

— Как вы думаете, мы завтра уедем наверняка утром?

Я говорю, что, может быть, вечером.

— Если вечером,— говорит Петров,— то я напишу фельетон в нашу газету.

«непременно напишу», как обычно говорим мы, а просто — «напишу», это у него всегда значит — обязательно. Фельетон обдуман, и назначен час прихода в газету. Это не может быть выполнено только потому, что мы уезжаем на рассвете.

— Если будем возвращаться через Архангельск,— говорит Евгений Петрович,— все равно напишу.

Один участок пути мы едем в санитарном поезде, в кригеровском вагоне для тяжело раненых. Сейчас вагон пуст. Петров просит проводника поднять подвесные койки и, примериваясь, ложится на одну из них.

— А им низко лежать, видимо. Голова низко.

Проводник показывает, как поднимается изголовье.

— Ну, а выпасть они не могут?

Проводник прилаживает приспособление, предохраняющее от этого. Петров внимательно следит за ним и задает еще несколько вопросов, касающихся удобств, которыми обеспечены раненые в этом вагоне. Получив ответы, он присаживается к столику и, дружелюбным взглядом окинув вагон, говорит удовлетворенно:

— Хороший вагон. удобный.

И видно, что ему очень нравится этот вагон, в котором все приспособлено так благоразумно, что ни к чему не придерешься.

На перепутье мы проводим несколько часов в редакции фронтовой газеты. Поэт Коваленко уже двенадцатый месяц безвыездно работает на этом отдаленном участке фронта. Петров, хотя Коваленко не говорит об этом, чувствует, что человек страдает оттого, что стихи его не дохо-

[illegible] до Москвы, до товарищей по литературе, что некоторые из них написаны не для газеты и просто остаются лежать у него. Потребовав, чтобы Коваленко непременно тут же прочитал стихи, Петров, не откладывая в долгий ящик, договаривается об издании книжки-библиотечки «Огонек».

Мурманск. Переправившись через залив, мы едем по дороге, идущей к линии фронта. Метет мокрая весенняя метель. Из-за неисправности в машине нам приходится просидеть час в крошечной землянке регулировщика. Телефонист, согнувшись над крохотным столиком, передает вперед и назад по линии сведения о количестве пришедших машин. Хитрый телефонист при помощи несложного приспособления так ловко устроился с телефонами, что при разговоре у него свободны обе руки, чтобы вести запись приезжающих машин. Регулирование движения тут, видимо, поставлено хорошо. Петров очень доволен.

— Вот и молодец,— говорит он, выходя из землянки.— Мелочь, а насколько удобнее работать. Ох, как часто у нас нехватает именно вот такой пустяковой сообразительности!

С того места, где кончается автомобильная дорога, до штаба части нам приходится шесть или семь километров итти через скалы. Итти довольно трудно, особенно с непривычки. Мы с проводником одеты налегке, в фуфайках, а Петров — в шинели. Кроме того у него тяжеленная полевая сумка с обстоятельно упакованными предметами первой необходимости и фляга. На подъемах он задыхается — дает себя знать не особенно здоровое сердце. По праву молодости,

сначала я, а потом наш проводник уговариваем Петрова отдать нам хотя бы сумку и фляжку. Но все уговоры напрасны. Пыхтя и отдуваясь, Петров все-таки сам «с полной выкладкой» добирается до штаба и там, освободившись от всей амуниции, еще с легкой одышкой, но с заметным торжеством в голосе говорит:

— Вот и все в порядке — и дошел, и не отстал. И очень правильно. А то все — на машинах, да на машинах. А здесь и пешочком, а все-таки выходит.

В этих словах чувствуется удовольствие от того, что ни пятнадцать лет разницы, ни больное сердце, ни отсутствие такого рода тренировки не могут помешать ему ходить и лазать наравне с молодыми.

Петров был человеком точным и предельно увлеченным своими делами. И на фронте при самых разных обстоятельствах ему всегда особенно нравились люди точные, отвечающие за свои слова; наряду с этим ему нравился тот особенный азарт, который рождается у людей любовью к своей профессии, к своему роду оружия. Я помню, его привел в восторг начальник артиллерии — немолодой полковник, который вместе с нами карабкался на наблюдательный пункт, расположенный на гребне горы со странным названием «Зубец». Полковник лез на свой собственный наблюдательный пункт так, словно он собирался явиться к командующему армией: шинель у него была застегнута на все пуговицы, сапоги начищены, ремни аккуратно натянуты. В левой руке он бережно нес большой канцелярского вида портфель, который ни на минуту не выпускал, даже когда приходилось ка-

рабкаться, цепляясь одной рукой за камни, хотя это было неудобно в пути. Но зато, когда мы поднялись на вершину и полковник стал рассказывать обстановку, вынутые из портфеля карты были аккуратны, они, можно сказать, сияли свежестью, и все на них было нанесено точно и красиво, как будто на экзамене по черчению. Петров потом с удовольствием вспоминал этот портфель и, если не ошибаюсь, даже написал о нем в одной из своих корреспонденций в Америку.

Но особенно мне запомнился наш следующий приход на тот же наблюдательный пункт. На этот раз мы были здесь с моим старым знакомым — подполковником Рыкисом, человеком, влюбленным в артиллерию и известным тем, что он добился от своих артиллеристов прямо-таки снайперской стрельбы.

Подполковник корректировал огонь нескольких батарей. Время от времени он уступал нам свой восьмикратный бинокль, в который были видны немецкие укрепления и передвижение немцев по дороге. Они были очень далеко, и в бинокль часто было трудно отличить серые пятна дзотов и дотов от серых валунов. Холодный ветер обжигал пальцы, и я, грешным делом, иногда не разобрав толком, говорил, что уже вижу укрепления, хотя и не был вполне уверен, дот ли я вижу или камень. Но Петров со свойственной ему добросовестностью подолгу смотрел и до тех пор упрямо говорил, что он не видит, пока и в самом деле не находил в поле бинокля того крохотного пятнышка, на которое обращал наше внимание подполковник. Вдруг посредине этого занятия одна из немецких ба-

тарей, очевидно, обнаружившая наблюдательный пункт, начала вести по нас огонь.

Вершина горы, на которой мы находились, была гладка, как стол, а сам наблюдательный пункт представлял собой сверху ничем не закрытую круглую стенку, сложенную из камней до половины человеческого роста. В этих условиях, когда после первой пристрелки снаряды один за другим стали ложиться то впереди, то сзади — совсем близко от нас, дальнейшее пребывание на наблюдательном пункте представлялось не слишком приятным занятием. Подполковник дал несколько команд с целью подавить немецкую батарею, но она все еще продолжала стрелять. Тогда, повернувшись к нам, подполковник посоветовал спуститься вниз. Петров пожал плечами.

— А для чего же мы шли? — сказал он.— Мы же для этого и шли.

И в его глазах я увидел то же выражение азарта, какое было у подполковника. Я понял, что Петров почувствовал себя в эту минуту артиллеристом. Ему посчастливилось присутствовать при артиллерийской дуэли, и в таком наглядном виде, как сейчас, это, кажется, было с ним впервые. Он не мог уйти отсюда, потому что это было ему очень интересно. Подполковник, перестав обращать на нас внимание, всерьез занялся немецкой батареей. Он во что бы то ни стало решил подавить ее. Команды следовали одна за другой, потом пауза,— и снова то спереди, то сзади, то слева, то справа от нас рвались немецкие снаряды.

В неприятные минуты опасности как-то всегда, желая себя правильно вести, наблюдаешь за тем, как ведут себя другие. Мне очень хоро-

шо запомнился в эти минуты Петров. Он был совершенно увлечен дуэлью и, видимо, старался понять систему, по которой подполковник делал поправки и корректировал стрельбу. Петров старался понять, как это все происходит, и я видел, как он, очевидно, желая до конца войти в курс дела, несколько раз порывался спросить подполковника, но в последнюю секунду удерживался, не желая мешать работе.

Один снаряд упал совсем близко от нас, второй — еще ближе, впереди, и стереотрубист, флегматичный украинец, сказал ленивым голосом:

— Ну, вот теперь он нас, значит, в вилку взял. Тот сзади, этот впереди, теперь аккурат в нас будет.

В ответ на это малоутешительное заявление, несмотря на серьезность минуты, Петров рассмеялся и шопотом, наклонившись к моему уху, сказал:

— Как вам нравится этот стереометрист? Как ни странно, такая форма пророчества успокаивающе действует на нервы, а?

И он снова засмеялся. Этот смех не был нервным смехом бодрящегося человека: Петрову действительно понравилось такое спокойствие украинца.

Дуэль продолжалась. Несколько раз после залпов наших батарей подполковник прислушивался и говорил:

— Ну, больше не будет.

Но немцы, к его негодованию, снова посылали очередной снаряд. В одну из таких пауз Петров опять рассмеялся.

— Чему вы смеетесь? — спросил я.

— Ничего, потом скажу.

Наконец, немецкая батарея была подавлена, и мы спустились под гору, в палатку подполковника. Там, присев у железной печки на покрытые плащ-палаткой кучи хвороста, мы закурили.

—' Знаете, почему я смеялся? — сказал Петров.— Только не обижайтесь, товарищ подполковник. Мне на секунду во время этих пауз вспомнилось, как мы мальчишками норовили ударить друг друга, ударить и крикнуть: «А я последний!» Было что-то такое в вашей артиллерийской дуэли от этих мальчишеских воспоминаний. Как по-вашему?

И подполковник, несмотря на абсолютную серьезность только что происходившего, почувствовал юмор этого сравнения и тоже рассмеялся.

Мы возвращались в сильнейшую пургу, по силе небывалую в это время года — в мае. Из-за пурги два или три раза нам пришлось отсиживаться там, где мы совсем не предполагали задерживаться. И здесь я понял то свойство Петрова, из-за которого с таким интересом читались многие его корреспонденции и из-за которого с таким интересом слушались его рассказы о виденном на фронте — слушались даже теми, кто сам много видел и сам бывал в местах, о которых говорил Петров. Любой час, проведенный на фронте, никогда не казался ему потерянным временем. Он не был прямолинеен в своих наблюдениях, его интересовало все, что он видел, все детали, все мелочи фронтовой жизни.

— Вы же не понимаете, как все это интересно,— часто говорил он. — Вы проходите иногда мимо самого любопытного. Можно сказать редакции, что я напишу то-то и то-то, но никогда

нельзя сказать этого себе. Уезжая, вы никогда не можете знать, что вы увидите и о чем сможете написать. Иначе, если вы поедете с готовым подходом, с готовой меркой, с готовым кругом интересов, вы пропустите много чрезвычайно важного.

Он упорно повторял это и не в шутку сердился, когда с ним не соглашались. У него абсолютно отсутствовало то безразличие — послушают тебя люди или нет,— которое часто есть в нас. Если он что-либо считал правильным, то обязательно хотел убедить в этом своего собеседника, хотел добиться, чтобы его собеседник, убедившись сам в том, что это правильно, делал это так, как нужно делать. Его расстраивало, когда люди, даже далекие от него и, казалось бы, безразличные ему, делали что-то не так, неправильно жили и работали; расстраивало, потому что в конце концов ни один человек, с которым он сталкивался, не был для него безразличен.

На обратном пути в машине произошел шумный спор с ехавшим с нами фотокорреспондентом Кноррингом.

— Нет, вы скажите, почему вы на войне снимаете только войну, и не хотите снимать жизнь? — кричал Петров.— Почему? Ведь люди же не только воюют, они и живут.

Кнорринг отвечал, что редакция неохотно печатает бытовые снимки с войны.

— А вы сами хотели бы снимать? — спросил Петров.

— Да.

— Так вы докажите, что это правильно, это ваш долг. А не напечатают в газетах, я напеча-

таю у себя в «Огоньке» полосу. Нет, целый разворот фотографий напечатаю о военном быте. Извольте мне их сделать. Я знаю, почему вы не хотите снимать быт,— вы боитесь, что если привезете много бытовых снимков, скажут, что вы сидели по тылам. А вам должно быть наплевать, что о вас скажут, вы должны делать свое дело. Я вот приеду и напишу специально о быте, и пусть думают, что хотят: в тылу я сидел или не в тылу. А я напишу, раз я считаю это правильным.

На вынужденных из-за метели остановках Петров много и дотошно расспрашивал о самых разных вещах и потом, вспоминая об этих как будто внешне малоинтересных разговорах, делал из них неожиданные острые и интересные выводы.

— Вот мы с вами полдня просидели из-за метели в штабе. Вы скучали, а я наблюдал за полковником, начальником штаба. Вы знаете, помоему, он прекрасный человек и, наверное, хороший солдат. Было очень интересно наблюдать за ним. С утра он был один в штабе, а затем приехало высокое начальство, так. А потом оно уехало, он опять остался один. Но что интересно? Интересно то, что он весь день — и до приезда начальства, и во время его пребывания, и после его отъезда — вел себя совершенно одинаково: одинаково двигался, одинаково говорил, был одинаково спокоен. Он не волновался, ожидая, не суетился, принимая, и не вздыхал с облегчением, проводив. Это значит, что в нем есть большое чувство собственного достоинства, что он уверен в том, что правильно делает все, что делает, что ему не за что ни перед кем волноваться. Это хорошо, это не все умеют, и об этом

нужно где-то написать. А вы вот сидели и скучали, ждали, когда же можно будет ехать дальше. Это неверно. Ну, скажите, ведь неверно?

И он добивался того, чтобы его собеседник сказал, что действительно неверно.

На фронте мы все, за очень редкими исключениями, стали хорошими товарищами. Этому товариществу научила нас война. Но Петров был особенно чудесным товарищем и попутчиком. Он умел интересно говорить и внимательно, превосходно слушать; война занимала все его мысли, и он любил говорить о ней. Но о лично пережитом, о всяческих военных событиях и эпизодах, свидетелем которых он был, он говорил всегда с удивительным тактом. Он хорошо понимал, что все, с кем ему приходится разговаривать, тоже бывали в переделках, видели и кровь и опасности, что им были знакомы чувства риска и страха, и поэтому, рассказывая, никогда не останавливался на своих переживаниях, не говорил «я пошел», или «мы лежали под огнем», или «в это время — как ударит рядом мина»,— нет, он говорил о виденном только то, что могло быть интересно всем, то, что казалось ему любопытным; забавным, смешным. И когда один из наших попутчиков,— человек очень храбрый и хороший, но имевший привычку злоупотреблять рассказами о том, как они лежали, как шли и как по ним стреляли,— начинал разговор на эти темы, Петров с комическим ужасом поднимал руки и со своей милой лукавой улыбкой говорил:

— Опять боевые эпизоды!

Это было забавно, убедительно и нисколько не обидно, и рассказчик тотчас же смолкал.

Вообще же Петров был очень внимателен и
уток к людям.

Уже перед самым отъездом с Севера мы бы-
и на базе подводного флота. Одна «малютка»
олько что вернулась из удачного, но тяжелого
лаванья. В непосредственной близости от нее
азорвалось около трехсот глубинных бомб, в
: корпусе было несколько десятков вмятин и
ечей. По традиции подводников, после прихода
а базу внутрь лодки пригласили командира
ригады, а заодно и нас с Петровым. В тесноте,
а не в обиде был устроен на скорую руку
банкет» из оставшихся после похода продук-
ов. Жестяные кружки с водкой и консервы пе-
едавались из рук в руки. Люди сидели бук-
ально друг на друге, но было шумно и весело.
3 разгаре веселья кто-то уронил кружку; она
грохотом упала. Сидевшие за столом подвод-
ики — люди испытанной храбрости — вздрогну-
и. Это был рефлекс: только что двадцать че-
ыре часа подряд они слышали грохот взрывов,
ни измучились до предела и едва держались
а ногах от усталости.

Когда «банкет» был закончен, молодой мото-
ист потащил Петрова в свой отсек и стал ему
то-то показывать. После огромного напряже-
ия и усталости, выпив всего сто граммов вод-
и, моторист был уже несовсем трезв и со
трашной тщательностью старался показать и
ать пощупать Петрову непременно все до одной
мятины, которые были в его отсеке. Петров добро-
овестно ползал и лазил с ним в разные закоулки
одки, ударяясь о всякие приборы. Продолжа-
юсь это примерно полчаса. Наконец, я не вы-
ержал и постарался выручить Петрова.

— Подождите, — сказал он почти сердито.— Подождите, я еще не все посмотрел.

И он лазил с мотористом еще минут пятнадцать, пока тот не был полностью удовлетворен. Когда мы вышли на воздух, Петров сказал мне:

— Как вы не понимаете! Конечно, мне незачем было смотреть все эти вмятины. Но этому парню так хотелось показать их мне непременно все и рассказать, как они пережили эти последние кошмарные сутки. Разве я мог его торопить!

Я понял, что по-человечески, конечно, был прав он, а не я.

Мы летели обратно в Москву белой северной ночью. Километров шестьсот самолет шел вдоль линии фронта. Евгений Петрович сначала дремал, а потом, удобно пристроившись в уголке, взял у меня томик Диккенса «Приключения Николая Никкльби» и с увлечением стал читать.

Полет окончился благополучно. А через две недели вечером в гостинице «Москва» Евгений Петрович зашел ко мне в номер, сказал, что, очевидно, завтра утром летит в Севастополь и спросил, нет ли у меня плаща. Я достал ему плащ. Примерив его, он, улыбнувшись, сказал:

— Ну, если вы гарантируете неприкосновенность мне, то я гарантирую неприкосновенность вашему плащу. В общем, или не ждите никого, или ждите нас обоих.

Это была последняя улыбка, осветившая его умное, лукавое лицо, последняя шутливая фраза, которую я от него услышал.

Г. Мунблит

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О ЕВГЕНИИ ПЕТРОВЕ

Некоторые думают, что писать вдвоем вдвое легче, чем одному. Бог им судья — этим приверженцам элементарной арифметики. Другие, отдавая дань таинственности и сложности творческого процесса и неизменно вспоминая при этом о двух пешеходах, которым, чтобы пройти километр вдвоем, нужно пройти его каждому порознь, готовы признать, что писать вдвоем так же трудно, как в одиночку. И только те, кто сами писали вдвоем, знают, что это ровно вдвое труднее.

Мне пришлось в этом убедиться на практике, когда мы с Петровым принялись за писание «Музыкальной истории».

Дело было зимой 1939 года. В комнате, где мы работали, было холодновато, музыкальных сценариев мы до этого не писали, а срок сдачи нашего первенца был угрожающе близок. Все это не способствовало лучезарности нашего настроения.

Несколько помогало делу то, что мы сразу же нашли мальчика для битья, чтобы вымещать на нем все наши напасти. На эту почтенную роль единогласно были выбраны те, кому предстояло решать судьбу нашего будущего

творения. Причем, так как этих людей мы то-
да еще совсем не знали, нам открывалась пол
ная свобода наделять их любой степенью глу
пости и злонравия. Страшно подумать, каки
монстров создало из них в первую же недел
работы наше раздраженное воображение.

Их было почему-то семеро, все они был
разумеется, физическими уродами, и их отноше
ние к искусству было по меньшей мере пробле
матично. В музыкальных сценариях они, коне
но, не смыслили ничего.

— Можете себе представить, как отнесетс
к этому тот, косой, — сардонически вопроша
мы друг друга, когда нам, по нашему мнени
удавалось придумать что-нибудь смешное.

Косой был начисто лишен чувства юмора, чт
не мешало ему считать себя непогрешимы
экспертом по вопросам смешного.

Словом, работа не клеилась.

Потом дело пошло лучше, монстры из вооб
ражаемого сценарного отдела стали упоминат
ся реже, и установилось нормальное рабоче
настроение с нормальным чередованием успехо
и неудач.

Но не следует думать, что нравы при это
достаточно сильно смягчились. Суровость п
прежнему царила в холодной комнате. Ни одн
решение не принималось без ожесточенных д
батов, ни одна фраза не ложилась на бума
в том виде, в каком кто-нибудь из нас ее пре
лагал.

★

Надо сказать, что Петров был громогла
ным, горячим, восторженным человеком. В обы

те человеческих установлений от студенческих общежитий и до Лиги наций — так и сыпались из него.

В работе же им овладевал какой-то демон осмотрительности. Насупившись и в тысячный раз протирая рукавом и без того блистающий чистотой полированный кожух пишущей машинки, он без конца перебирал все возможные варианты каждого сюжетного положения, каждой ремарки, каждой реплики действующего лица. Как бы ни был удачен первый проект решения любого вопроса, он принимался только после того, как бывали придуманы десять других и с очевидностью установлено, что они хуже первого.

Вначале эта осмотрительность пугала меня. Кому не известна прелестная легкость, которая по временам овладевает пишущим человеком, когда фразы послушно следуют одна за другой, а недавние колебания сменяются спокойной уверенностью, что все идет хорошо. Что до меня, то я в ту пору привык дорожить такими минутами, и даже несмотря на то, что частенько на другой день мне случалось вымарывать целые страницы, написанные с «прелестной легкостью», я любил отдаваться этому настроению ради отдельных мелких удач, которые обычно ему сопутствуют.

Петров был решительным противником такой работы. И, к счастью, мне не потребовалось много времени, чтобы убедиться в его правоте.

— Работать должно быть трудно! — повторял он всякий раз, когда мы обсуждали этот вопрос.

И опыт неизменно показывал, что чем труднее нам давался тот или иной кусок, тем лучше он получался.

Дни шли за днями, герой «Музыкальной истории» Петя Говорков быстрыми шагами приближался к успеху и счастью, а наши споры не прекращались. Правда, теперь уже эти споры велись не о том, как писать, и меня уже не покидала уверенность, что они приносят несомненную пользу нашей работе. Но некоторое беспокойство вызывал у меня ожесточенный характер, какой они по временам принимали.

Петров, видимо, заметил это, и однажды, когда на какое-то его предложение я миролюбиво кивнул головой, он, вместо того чтобы отстучать на машинке очередную фразу, подозрительно скосил на меня глаза. Потом, минуту помолчав, он спросил:

— Почему вы не спорите? Я же вижу, что вам не нравится.

Я попытался уверить его, что он ошибается, мысленно представляя себя плывущим по воздуху в белых одеждах и с пальмовой ветвью в руке.

Тогда он по-настоящему рассердился и произнес горячую, великолепную речь о соавторстве. Из этой речи следовало, между прочим, что нигде лучше, чем в совместной писательской работе, не применимо древнее выражение о спорах, рождающих истину.

— Знаете, как мы спорили с Ильфом?— гремел он. — До хрипоты, и не до фигуральной хрипоты, а до настоящей, которая называется в медицине катаральным воспалением голосовых связок! Мирно беседовать мы с вами будем

трудно? Работать должно быть трудно!

И мы продолжали спорить.

К концу того дня, когда мы, наконец, кончили писать «Музыкальную историю», программа было выполнена полностью. Катаральное состояние голосовых связок было налицо. И мирную беседу, которая завершила собой последний этап работы, мы вели голосами, напоминающими звук скверных пастушьих свирелей.

☆

Сейчас, вспоминая те дни, я отчетливо вижу фигуру Петрова, слегка наклоненную вперед, с приподнятым правым плечом и руками, заложенными за спину. Он ходил взад и вперед по комнате, и проекты, один другого увлекательнее, громоздились на его пути — проекты, долженствовавшие сделать счастливыми нас самих, наших сограждан и всех остальных жителей земного шара.

Эти проекты ничем не напоминали воздушные замки записных фантазеров и отличались чрезвычайной практической продуманностью и деловитостью. Во всяком случае излагались они с таким блеском, что у слушателя неизменно возникала потребность, засучив рукава, немедленно взяться за их осуществление.

Он очень любил делать прогнозы. И совершенно по-детски радовался, когда они сбывались. Усмехаясь, он сам называл себя «пикейным жилетом» и по временам действительно напоминал своими пророчествами тех старичков, которых они с Ильфом некогда изобразили в «Золотом теленке». Лучшим способом подшутить

над ним в этих случаях было сделать вид, что не помнишь о его прогнозе· который сбылся. Страшно волнуясь, он начинал вспоминать мельчайшие обстоятельства, при коих был сделан прогноз, а заметив улыбку на лице собеседника, но еще боясь поверить, что все это только шутка, начинал упрашивать его отнестись к разговору серьезней и так при этом томился и горевал, что только закоренелый злодей способен был бы довести до конца злую шутку.

★

Есть люди, которые, поселившись в комнате, кем-то до них обжитой, так и живут в ней, оставив все на своих местах. Такой человек в лучшем случае переставит письменный стол поближе к свету или сдвинет с места кресло, чтобы сделать шире проход. В других областях своей жизни и деятельности эти люди ведут себя так же. Легко входя в новую для них область, они живут в ней, подчиняясь до них созданному порядку вещей, не стремясь ничего изменить, дорожа своим и чужим спокойствием.

Петров был не таким человеком. Представляя себе его переезд в новую комнату, я отчетливо вижу, как он, поставив на пол чемодан и критически оглядев обстановку, начинает, кряхтя, передвигать тяжелый платяной шкаф, требует, чтобы вынесли вовсе какую-нибудь не понравившуюся ему кушетку и убеждает заглянувшего на шум соседа произвести в своей комнате точно такие же изменения.

Он был полон стремлением все вокруг себя перестроить, всех вокруг убедить в необходимо-

сти такой перестройки, во все вмешаться, все переделать своими руками.

Когда мне пришлось вместе с ним войти в жизнь кинофабрики, я убедился в этом воочию.

Кстати, решали судьбу нашего сценария люди совершенно разумные, и период так называемого «прохождения сценария в производство» не был отмечен ни одним из тех колоритных и злых разговоров, какие мы рисовали себе в начале работы.

Колоритные разговоры начались потом.

Режиссер, которому была поручена постановка, по привычке, установившейся издавна, под видом режиссерской трактовки переписал сценарий по-своему. Как он объяснил нам, сделано это было не потому, что сценарий ему не нравился, а потому, что «так» он ему нравился больше.

Тут-то и началась перестановка мебели в кинокомнате. Ознаменовалась она тем, что озадаченный режиссер выслушал речь об авторском праве, в которой Петров камня на камне не оставил от трактовки этого самого права на кинофабриках в те времена. За речью последовала кипучая деятельность, приведшая к тому, что этот вопрос подвергся обсуждению на большом собрании киноработников. И, наконец, после того как была одержана полная победа, сценарий был переделан так, как этого хотел режиссер, но переделан нами самими и только в тех местах, где мы признавали справедливость его требований.

Режиссер недоумевал.

— Зачем было поднимать такой шум? — го-

поладили и без шума.

Разумеется, поладили бы. Но Петрову не этого было нужно. И если теперь автор киносценария встретит на фабрике внимательное и уважительное отношение к своей работе и вместо насильственных, чужой рукой внесенных в нее изменений, сможет сделать ее так, как он сам найдет это нужным, пусть он знает, что этим он обязан Петрову, который любил во все вмешиваться и мало заботился о сохранении своего спокойствия.

☆

Незадолго перед войной мы с Петровым начали писать сценарий, который должен был называться «Беспокойный человек». Героиня этого сценария — молодая девушка, окончившая философский факультет, — одержима идеей немедленной перестройки мира на разумных основаниях и поэтому бросает научную работу, чтобы ввязаться в практическую деятельность. В сценарии описаны многие ее трагикомические похождения, которые по замыслу должны были завершиться полной ее победой, впрочем, не приносящей ей никакого успокоения.

Из всех наших замыслов ни один не вызывал у Петрова такой горячности и энтузиазма, как этот. Похождения Наташи Касаткиной — так звали героиню «Беспокойного человека» — мы обсуждали, как будто она была реально существующим и обоим нам близким и милым человеком.

Ее споры с отцом, который не одобрял ее поведения и настаивал на том, чтобы она вер-

нулась к занятиям философией, давались нам особенно трудно, потому что мы были целиком на стороне Наташи и никак не могли придумать убедительных реплик для ее оппонента.

Судя по всему, для Петрова эти размышления были в значительной мере автобиографичными. Стремление к практической деятельности было у него всегда неистощимо сильно и по временам вступало в настоящую борьбу с любовью к писательству. Однажды он признался мне, что ему до смерти хотелось бы хотя бы год позаведовать большим универсальным магазином. Со своей стороны, могу заверить читателя, что если бы мечта Петрова когда-нибудь осуществилась, это был бы лучший универсальный магазин в Советском Союзе.

☆

Давным-давно кто-то из наших кинодеятелей, побывав в Америке, написал подобие отчета о своей поездке. В отчете этом, помимо других диковинок, какие ему случилось увидеть в Голливуде, он восторженно описывал такое достижение американской кинематографии: оказывается, в голливудских киностудиях, прежде чем приступить к съемкам кинокартины, сценарий ее отпечатывают в множестве экземпляров и раздают для ознакомления всем участникам будущей работы. Кинодеятель, восторженно описывая это достижение американских кинематографистов, настоятельно рекомендовал нашим работникам кино использовать их ценнейший опыт в своей работе.

Судьбе было угодно, чтобы этот отчет попал в руки Петрова.

Я не буду приводить эпитетов, которыми с
характеризовал автора отчета, прочтя до этоı
места его творение, так как это отняло бы слиı
ком много места. Читателю придется предст
вить их себе самому. Но при этом ему следуе
принять во внимание, что Петров сам побывал
Голливуде и очень горячо относился к идее и
пользования американского опыта нашей кин
матографией.

Причем надо сказать, что в отличие от а
тора упомянутого отчета он сумел увидеть
американцев то основное, чему нам следовало
них поучиться. И этим основным были сроı
производства кинокартин.

Они описали с Ильфом в «Одноэтажной Ам
рике» способы, какими американцы «выстрелив
ют» свои картины. Но, как всегда, описать ем
было недостаточно. Его активная натура треб
вала действий практических и решительных.

Осуществить кое-что в этой области ему уд
лось, когда мы работали над сценарием об А
тоне Ивановиче.

Все это предприятие было несколько амер
канизированным. Предложение написать еı
один музыкальный сценарий было сделано на
внезапно. Никаких предположений о его сюже
и характере у нас не было. Сроки, поставле
ные нам, были до чрезвычайности сжаты. И в
же Петров настоял на том, чтобы взяться
эту работу.

Несколько дней мы провели, блуждая по тр
пинкам подмосковного леса, где Петров жил
даче. Я полагаю, что люди, встречавшие нас
лесу в эти дни, имели все основания принима
нас за опасных маньяков, удравших из сум

сшедшего дома. Мы кричали, размахивали руками, а по временам даже в лицах представляли сцены, подвергавшиеся обсуждению.

К вечеру третьего дня перед нами стали вырисовываться контуры будущего сценария.

Антон Иванович уже был тогда органистом, Сима была певицей, но вот Мухин был не композитором, а полным профаном в музыке. И именно этим он вызывал ярость у отца своей возлюбленной. По нашему замыслу, Сима должна была научить его понимать и любить музыку и таким образом помирить со своим отцом.

Когда придумывание сюжета дошло до этого пункта, Петров внезапно остановился, преградив мне дорогу. Мы шли друг за другом по узкой тропинке.

— Сколько, по-вашему, нужно времени на то, чтобы научить человека понимать и любить музыку,— спросил он, повернувшись ко мне лицом,— если до этого человек был в музыке, как кусок дерева?

— Если как кусок дерева,— малодушно ответил я, ощущая в груди неприятный холодок,— тогда, по-моему, год!

— Три года! — отчеканил Петров.— И вы это знаете не хуже меня. Давайте думать сначала!

Я сделал еще одну попытку спасти наш замысел:

— Ну, а что, если у Мухина это произойдет, как у испуганной орлицы? Помните «Пророк»: «Открылись вещие зеницы, как у испуганной орлицы».

Говоря это, я чувствовал, что голосу моему нехватает твердости.

Петров ухмыльнулся:

— Удивительно, каким вы становитесь хит-
рый, когда речь заходит о том, чтобы начать работу сначала. Как вы сказали? Как у орлицы? Интересная мысль!

Я пристыженно замолчал, и мы стали придумывать дальше.

Не буду рассказывать о дальнейших этапах нашей работы. Важно другое. Сценарий был написан ровно за месяц и, перепечатанный на машинке, сдан точно в назначенный день.

И уж тут в разговорах с кинофабрикой Петров не поскупился на американские параллели. Напирая на то, что сценарий был написан так же быстро, как это делают в Голливуде, он просто требовал, чтобы картина была снята такими же темпами. Нет, он не только требовал, он убеждал, угрожал, что-то высчитывал на бумажке, предлагал свою помощь в качестве помощника режиссера, словом, переставлял мебель со всей доступной ему энергией.

Трудно сказать, в какой именно степени помогли делу его уговоры, но картина была снята довольно быстро. И его склонность принимать активное участие во всех областях работы, через которые ему случалось проходить, получила новое подкрепление.

Последний свой сценарий — «Воздушный извозчик» — он написал меньше чем в месяц.

Во время войны мы встречались с Петровым реже, чем раньше. И после долгого перерыва я увидел его в номере московской гостиницы, где он остановился, вернувшись из очередной поездки на фронт.

В комнате было сильно накурено, на письменном столе стояла пишущая машинка с вло-

женным в нее листом бумаги, рядом на стуле лежал трофейный немецкий автомат.

— Садитесь. Курите. Я сейчас кончу.

Он сел за стол и, громко кряхтя, что было у него признаком напряжения, с длинными остановками после каждой фразы, дописал до конца корреспонденцию в американскую газету. Потом прочел мне ее.

Это был короткий рассказ о виденном на фронте в последние дни с отчетливо выраженным стремлением описать все как можно более точно. В рассказе были зимний лес, дымящиеся развалины оставленных немцами деревень и непоколебимая уверенность в победе.

Рассказ мне понравился. Говорить об этом мне было не нужно, он и так меня понял, и мы помолчали. Потом он порылся в ящике стола и протянул мне продолговатый кусок картона с маленькой фотографической карточкой в правом углу. Это было удостоверение члена фашистской партии, закончившего свою жизнь и деятельность несколько дней назад где-то в районе Ржева. С фотографии на меня глядело худосочное, наглое, прыщавое личико с белесыми глазками. Такое лицо могло бы быть у блохи, если бы она мечтала о мировом господстве.

— Гегемоны! Поработители! — проворчал Петров, бросая карточку в ящик стола. — Те из них, с которыми я говорил, не годятся даже на роли околоточных надзирателей. Ну, да чорт с ними! Что сегодня в опере?

Но в оперу мы не пошли, а отправились ко мне и всю ночь продежурили на чердаке, застигнутые воздушной тревогой. Вместе с нами

фонического оркестра.

К середине ночи Петров очень с ним подружился и, размахивая руками, прочел ему целый доклад о том, как следует исполнять четвертую симфонию Чайковского, а потом спел чуть ли не с начала до конца оперу Верди «Отелло».

Под утро, когда Петров ушел к себе в гостиницу, мой сосед, проводив меня до моей двери, сказал:

— Знаете, он очень интересно говорил о четвертой симфонии. А «Отелло» он знает гораздо лучше меня.

Это была моя последняя встреча с Петровым

☆

Не знаю, удалось ли мне хоть сколько-нибудь дать читателю представление о том, какой человек был Петров. Помог ли я читателю увидеть Петрова таким, каким его помнят те, кто с ним встречался,— всегда взволнованным и вместе с тем ироническим, всегда готовым ввязаться в спор и вместе с тем удивительно сдержанным и корректным, всегда готовым взяться за любое дело, куда угодно поехать, подружиться с человеком, если он, стоил того или повздорить, если для этого были причины.

Почувствует ли читатель, как великолепно этот человек был приспособлен для жизни, для работы, для борьбы, как жадно он жил, работал, боролся.

И как многому можно было научиться, работая вместе с ним и следуя за ним по тем неизменно трудным дорогам, которые он избирал.

Евг. ПЕТРОВ

ВОЗДУШНЫЙ ИЗВОЗЧИК

На фоне большого пассажирского самолета, несущегося сквозь туман, появляются титры:

ВОЗДУШНЫЙ ИЗВОЗЧИК

Действующие лица:

Иван Кузьмич Баранов — пилот гражданского воздушного флота, 48 лет.

Коля Нестеренко — второй пилот
Миша Синицын — бортмеханик
Маруся — стюардэсса
} экипаж самолета Баранова

Наташа Куликова — молоденькая певица.

Матильда Карповна Куликова — ее мать, молодящаяся дама.

Матвей Матвеевич Куликов — суфлер оперного театра, ее отец.

Марина — старуха, живущая в доме Баранова. Зовется няней.

Ананий Павлович Пяткин (по сцене Светловидов) — популярный оперный тенор.

Захар Соломонович Задунайский — администратор оперного театра.

пилотском месте Иван Кузьмич Баранов. Это громадный, уже порядком немолодой человек. Он мужиковат, но элегантен в своем отлично вытюженном костюме летчика гражданского воздушного флота. Однако безупречный крахмальный воротничок явно сдавливает его могучую шею и стесняет движения. Огромные толстые пальцы легко держат штурвал. Иван Кузьмич сосредоточен и недоволен. Рядом с ним — второй пилот Коля Нестеренко.

Ив. Кузьмич: Как там дела, Коля?

Коля: Харьков не пускает, Иван Кузьмич! Там тоже туман.

Ив. Кузьмич: Может, сразу махнем в Орел?

Коля: Нехватит горючего.

Ив. Кузьмич: Понятно. Ну, что ж делать? Вызывай Ростов. Полетим обратно.

Аппарат надвигается на Колю, оставляя Ивана Кузьмича за рамкой.

Коля: Ростов! Ростов! Оглохли там? Ростов! Говорит Л-127. Говорит Л-127. Говорит Л-127. Ростов! Ростов!

Аппарат проходит дальше. Теперь виден бортмеханик Миша Синицын. Он сладко спит в своем кресле. Дальше видна дверь, ведущая в пас-

ся. На ней кокетливый мундирчик с вышитой на карманчике монограммой «ГВФ». Из карманчика торчит шелковый платок. Маруся секунду слушает голос Коли, все еще вызывающего Ростов с интонациями, которые становятся устрашающими. Потом смотрит на спящего Мишу и подкладывает ему под голову подушечку.

Крупно. Коля видит эту сцену. Продолжая вызывать Ростов, с преувеличенным ужасом качает головой и закатывает глаза.

Маруся подходит к широкой спине Ивана Кузьмича и останавливается.

Маруся *(почтительно):* Иван Кузьмич, пассажиры волнуются.

Ив. Кузьмич *(не оборачиваясь):* Вот как? Интересно!

Маруся *(еще более почтительно):* Смотрят в окошки и волнуются. Говорят — туман.

Ив. Кузьмич: Разъясните им, Марусечка, что на курортной линии Сочи — Москва туман считается самой летной погодой.

Маруся: Есть разъяснить про туман. Они, Иван Кузьмич, боятся опоздать в Москву. Артисты. Там один такой чудаковатый суслик... *(Хихикает.)*

Ив. Кузьмич: Сколько раз я вам гово-

Маруся: Так я ж обслуживаю, Иван Кузьмич.

Ив. Кузьмич: Идите Исполняйте.

Маруся: Есть итти исполнять.

Поворачивается и берется за ручку двери.

Пассажирская кабина. В мягких креслах полулежат человек двадцать пассажиров. Некоторые спят. Некоторые читают. Некоторые смотрят в окна.

Входит Маруся. Взоры бодрствующих обращаются к ней.

Крупно. В одном из кресел Пяткин-Светловидов. Его горло замотано шерстяным кашне. Он бледен. В руке он держит пергаментный конвертик. Очевидно, это и есть тот самый «чудаковатый суслик», о котором говорила Маруся.

Светловидов *(голосом умирающего):* Ну, что он сказал?

Маруся: Граждане, не волнуйтесь. Погода самая летная.

Аппарат немного отъезжает. Теперь в рамке, кроме Светловидова, видны Наташа Куликова и администратор Задунайский.

Задунайский: Но вы сказали ему, что мы боимся опоздать к открытию зимнего сезо-

снимут голову, если я не привезу их в Москву сегодня к вечеру.

Маруся: Граждане, не волнуйтесь, наш самолет всегда приходит по расписанию.

Наташа: Скажите, пожалуйста, а кто наш летчик?

Маруся: Наш летчик, гражданка, командир экипажа Иван Кузьмич Баранов. Наверно, слышали?

Наташа: Н-нет.

Маруся: Очень даже странно, тем более, что он самый лучший пилот в мире.

Наташа: Он поставил какой-нибудь рекорд?

Маруся *(строго):* Он всегда приходит по расписанию. Понятно?

Наташа *(сконфуженно):* Понятно.

Маруся *(гордо):* Может, кто желает нарзану и бутербродов? Есть пиво.

Светловидов: Ох! *(Стонет.)*

Маруся подходит к нему и прикасается рукой к его лбу.

Маруся: Ничего. Потерпите немного. Часа через четыре прилетим.

Светловидов: Ох!

Маруся: Может, дать вам таблетки «Аэрон»? Очень помогает в таких случаях.

В эту минуту самолет проваливается, Светловидов стонет и закатывает глаза.

Самолёт в густом тумане.

Кабина управления. Иван Кузьмич внимательно вглядывается в приборы.

Ив. Кузьмич: Как там Ростов?

Коля: Не принимает, Иван Кузьмич! Туман. Харьков приказывает садиться в поле.

Ив. Кузьмич: Вот логика! Сколько раз я садился на аэродром в тумане и ничего. Так вот нельзя. А в поле — пожалуйста! *(Иронически.)* Они там не сказали, на какое поле садиться — на картофельное или кукурузное?

Коля: Ничего не говорили, Иван Кузьмич.

Иван Кузьмич смотрит на альтиметр. Альтимер показывает 1 200 метров. Иван Кузьмич становится очень серьезным.

Ив. Кузьмич: Иду на посадку. Скажи Марусе. Пусть предупредит пассажиров.

Коля: Здоровая мысль.

Иван Кузьмич двигает штурвал от себя.

Самолет в тумане идет вниз.

В пассажирской кабине.

Маруся *(держась за кресло в накренившемся самолете):* Граждане пассажиры, застегните ремни. Идем на посадку.

Как? Уже приехали?

Маруся *(иронически):* Приехали.

В пилотской кабине. Иван Кузьмич напряженно смотрит вперед и вниз.

Альтиметр показывает 600. Потом 500, 400, 300, 200, 150...

На лбу Ивана Кузьмича вздувается вена, похожая на рогатку.

Сквозь туман видны какие-то деревья, колокольни, телеграфные столбы.

Альтиметр показывает 100, 90, 80... 60, 40...

Самолет проходит над самой колокольней, чуть не задевая ее.

Альтиметр показывает 30, 20, 10...

В кабине самолета. Пассажиры начинают подпрыгивать на своих местах. Очевидно, самолет катится по кочковатому полю. Потом он останавливается.

В пилотской кабине. Иван Кузьмич вытирает пот.

Проснувшийся Миша протирает глаза.

Иван Кузьмич выпрыгивает из самолета. За ним выпрыгивают Коля и Миша.

Иван Кузьмич идет вдоль самолета, внимательно оглядывая его. Как видно, все в порядке.

Открываются двери пассажирской кабины самолета. Оттуда выпрыгивает Маруся. За ней

не аэропорт, а обыкновенное недавно сжатое пшеничное поле. Лесенки нет, и приходится совершать прыжок метра в полтора.

В дверях появляется Наташа. Она стоит некоторое время, согнувшись и не решаясь прыгать.

К ней быстро подходит Иван Кузьмич.

Ив. Кузьмич: Позвольте, я вам помогу.

Не дожидаясь ответа, он осторожно вынимает Наташу из самолета, как воробушка из гнезда, и ставит ее на землю. Когда ее лицо оказывается на уровне его лица, их глаза встречаются.

Наташа: Благодарю вас.

Ив. Кузьмич: Пожалуйста.

Наташа: Куда это мы приехали?

Ив. Кузьмич: Вы хотите сказать — прилетели? Могу вам сказать точно. Мы прилетели на поле близ деревни Никитовки.

Наташа: А-а!.. Спасибо.

Ив. Кузьмич: Вот уже, действительно, не за что благодарить.

Наташа: Вы наш летчик?

Ив. Кузьмич: Так точно. Ваш извозчик. А вы, вероятно, актриса?

Наташа: Да. То есть я в театре первый сезон. И мне обещали большую партию.

Наташа: В опере так называется роль. В общем обещали первую роль. Но в общем это еще неизвестно. В общем мы теперь давали концерты в Сочи.

Администратор Задунайский подбегает к Марусе.

Задунайский: Кто здесь главный? Этот? *(Указывает на Ивана Кузьмича.)* Как его имя-отчество?

Маруся *(растерянно)*: Иван Кузьмич...

Задунайский: Мерси. *(Подбегает к Ивану Кузьмичу, хватает его за руки и заглядывает ему в глаза.)* Иван Кузьмич! Голубчик! Ты же нас без ножа режешь! Если я не привезу Светловидова сегодня к открытию сезона, с меня снимут голову. Ну, скажи честно: разве тебе будет приятно, если с меня вдруг снимут голову?

Ив. Кузьмич *(не ожидавший такой стремительной атаки)*: Гм... Я не совсем понимаю.

Задунайский: Короче,— когда мы отсюда выберемся?

Ив. Кузьмич: Если туман рассеется...

Задунайский: Он рассеется. За это я отвечаю!

Ив. Кузьмич: ...и если немного разровнять межу...

ников. Кстати, вы не знаете, как имя-отчество председателя колхоза? *(Стремительно убегает в сторону деревни, которая виднеется невдалеке.)*

Затемнение.

Из затемнения. Под крылом самолета довольно большая толпа колхозников с лопатами. В кругу, который они образуют, сидят на стульях скрипач, виолончелист и кларнетист. Они настраивают инструменты. Задунайский обращается к колхозникам с речью.

Задунайский: Разрешите, товарищи, поблагодарить вас за помощь. Поверьте, мы никогда этого не забудем. На ваше счастье, туман еще не совсем рассеялся, и мы можем без ущерба для производства отблагодарить вас небольшим концертом. Первой выступит наша молодая певица Наталья Матвеевна Куликова. Просим. *(Наташе, которая выходит на середину круга.)* Только давайте что-нибудь коротенькое и в хорошем темпе, а то туман, кажется, рассеивается.

Наташа *(сильно волнуясь)*: Я спою вам арию кумы из оперы Чайковского «Чародейка».

Начинает петь «Где ж ты, мой желанный».

Колхозники внимательно слушают.

Задунайский смотрит на часы и переминается с ноги на ногу.

мотора. Вдруг его взор падает на...

...стюардэссу Марусю и второго пилота Колю, головы которых выглядывают из окошечка пассажирской кабины. Эти головы расположены очень близко друг от друга: так влюбленные в саду слушают соловья.

Миша с преувеличенным ужасом качает головой и закатывает глаза. Совсем так, как это делал Коля, когда Маруся подкладывала под голову Мише подушечку.

Рядом с древним стариком-колхозником стоит во весь свой могучий рост, сложив руки на груди, Иван Кузьмич.

Наташа поет, глядя прямо на него: «Приходи же, мой друг, приходи поскорей». Она поет со страстью.

Иван Кузьмич смущен. Он смотрит по сторонам. Неужели эта прелестная молодая девушка обращается к нему, пожилому, скучному человеку, каким он себя считает?! Но ни рядом с ним, ни позади него нет никого, кроме дряхлого старика.

«Приходи же, ангел милый» — поет Наташа, продолжая глядеть на Ивана Кузьмича.

Желая проверить себя, Иван Кузьмич отходит немного в сторону. Увы! Взгляд Наташи прикован именно к старику-колхознику. Это ему

мой свет, мы умчимся с тобою от зол и от бед». Произошла обыкновеннейшая вещь: молодая, неопытная певица, еще не умея держаться на сцене, подобно тому, как утопающий хватается за соломинку, впилась взглядом в первое попавшееся лицо и уже не может от него оторваться.

Наташа закончила арию. Она смущенно улыбается.

Все аплодируют. Задунайский подходит к ней, аплодируя на ходу.

Задунайский: Имейте в виду, Наташа, никаких бисов. Если мы не вылетим через пять минут, мы пропали. *(Обращается к колхозникам.)* А теперь выступит заслуженный деятель искусств орденоносец Ананий Павлович Светловидов! Пожалуйста, Ананий Павлович! *(Светловидову, который выходит на середину круга.)* Ананий, умоляю тебя, если ты не хочешь моей смерти, что-нибудь коротенькое.

Светловидов поет русскую песню «Что затуманилась, зоренька ясная».

Колхозники слушают.

Задунайский смотрит на часы.

Крупно. Часы, показывающие 2 ч. 30 м. Неожиданно на них вспыхивает солнечный луч.

Сквозь туман пробилось солнце.

дит на кресле пилота и держит штурвал. Над ней наклонился Иван Кузьмич.

Ив. Кузьмич: Теперь делайте так. *(Накрывает Наташину лапку своей ручищей и тянет штурвал к себе.)*

Наташа: Это значит — брать на себя? Да?

Ив. Кузьмич: Вы делаете успехи. Ну, а что делает самолет, когда ручку берут на себя?

Наташа: Он идет вверх? Правда?

Ив. Кузьмич: Истинная правда. Вы зарываете в землю талант летчика.

Наташа: Нет, летчицей я никогда не смогу быть. Слишком трудно тянуть.

Ив. Кузьмич: Это на земле. Зато в воздухе так легко, что и ребенок сможет. Вы очень хорошо поете.

Наташа: Да? Вам понравилось?

Ив. Кузьмич: Я плохо понимаю музыку. Мне медведь на ухо наступил. Но мне очень понравилось. Красивая такая вещица. Это кто сочинил?

Наташа: Я же говорила,— Чайковский.

Ив. Кузьмич: Как-то летаешь все время, некогда в театр сходить. А если идешь, то в драму. Я, знаете, предпочитаю Художественный театр. А в опере не был, ей-богу, лет тридцать. Пошел как-то с отцом. Помню какие-то

[illegible] ногами... Не понравилось, и с тех пор не хожу.

Н а т а ш а: Это ужасно.

Ив. К у з ь м и ч: Я и сам чувствую, что ужасно.

Н а т а ш а: Приходите сегодня на открытие сезона.

Ив. К у з ь м и ч: А если сегодня не прилетим?

Н а т а ш а: Вы всегда прилетаете по расписанию.

Ив. К у з ь м и ч: Откуда вы знаете?

Н а т а ш а: Знаю.

В кабину врывается Задунайский.

З а д у н а й с к и й: Иван Кузьмич! Милый! Ты что, хочешь, чтобы с меня сняли голову? Наташенька, хоть вы на него повлияйте.

Ив. К у з ь м и ч: Советую вам влиять вот на него. *(Показывает на Колю, который сидит за радиоаппаратом.)*

К о л я *(отрываясь от аппарата):* Иван Кузьмич, Харьков принимает!

З а д у н а й с к и й: Принимает? Ура! Дайте я вас поцелую! *(Целует Колю, потом высовывается к окно и кричит.)* Харьков принимает! Ура! Летим!

К этому времени Светловидов кончил петь.

Актеры прощаются с колхозниками.

Винты самолета начинают работать.

Директорская ложа в Большом театре. Посредине сидит Иван Кузьмич. Кроме него, в ложе нет ни души. Он чувствует себя не совсем ловко в этом торжественном одиночестве. Он сидит над самым оркестром и может наблюдать то, что обычно скрыто от зрителей — будни оркестра.

Идет спектакль. Иван Кузьмич видит, как арфистка взасос читает какой-то роман, лишь изредка отвлекаясь от него, чтобы взять несколько аккордов. Контрабасисты читают «Вечернюю Москву». Оркестранты совершенно равнодушны к тому, что происходит на сцене. Знакомый по самолету скрипач машет Ивану Кузьмичу смычком. Иван Кузьмич немного сконфужен, но ему приятно. Он улыбается оркестранту.

Занавес опускается. Светловидов выходит раскланиваться.

По среднему проходу партера к сцене бегут девушки с безумным криком: «Светловидов! Светлови-идов!»

Этих девушек человек пятьдесят. Они воинствующие почитательницы талантливого Светло-

валившись на барьер оркестра, устраивают своему любимцу кошачью овацию.

Светловидов — маленький человек с небольшим животиком, в трико, которое обтягивает его толстенькие ляжки, и в ботфортах с желтыми отворотами — томно раскланивается.

Увидев Ивана Кузьмича, кланяется ему особо

Иван Кузьмич польщен.

За спиной Ивана Кузьмича появляется Наташа. Она слегка трогает его за плечо. Он поворачивается и, увидев ее, роняет программку

Наташа: Пойдемте, Иван Кузьмич! Ведь вы хотели посмотреть, как у нас за кулисами Коллектив приглашает вас.

Ив. Кузьмич: Удобно ли, Наталья Матвеевна?

Наташа: Вот вы, оказывается, какой. Застенчивый. Идемте, идемте...

Ив. Кузьмич: А вы почему не пели сегодня?

Наташа: К сожалению, моя единственная коронная роль — это горничная в «Травиате». И пою я там два слова. Ну, идемте.

Светловидов, продолжая раскланиваться смотрит на Наташу довольно ревнивым взглядом.

мир опускающихся и поднимающихся декораций, пожарных, голых балетных спин, пудры, суетящихся помощников режиссера и всего прочего, что поражает человека в первый день, становится для него обычным через неделю и надоедает через месяц. Иван Кузьмич, высокий, негнущийся, идет мимо всего этого, как большой спокойный пес, попавший в курятник.

Наконец, открывается обитая железом дверь, и они попадают в артистический буфет. Там полно народу. Иван Кузьмич при всем желании не может узнать своих друзей в костюмах и гриме.

Задунайский: Вот он, наш спаситель!

К Ивану Кузьмичу протягиваются руки и губы (актеры любят целоваться).

Пожилая, довольно основательно загримированная актриса бросается к Ивану Кузьмичу, целует его, оставив след своих губ на его щеке.

Актриса: Если бы не вы, мы бы все погибли на этом ужасном поле!

Ив. Кузьмич: Что вы! Помилуйте!

Актриса: Нет, нет, не говорите так! Мы были на волосок от смерти. Это было так интересно. Вы нас спасли!

Ив. Кузьмич: Уверяю вас... Тут какое-то

Актриса: Он скромен. Это благородно. Ордена вы не носите тоже из скромности?

Ив. Кузьмич: Увы! У меня нет орденов.

Актриса: А это что за штучка?

Ив. Кузьмич: Эта штучка за налет миллиона километров.

Наташа подводит к Ивану Кузьмичу своего отца — Матвея Матвеевича Куликова.

Наташа: Познакомьтесь. Мой папа.

Ив. Кузьмич: Очень рад. Вы тоже артист?

Куликов *(гордо):* Я суфлер. Спасибо вам за Наташеньку. А уж как жена волновалась! Ведь девочка в первый раз на самолете, и вдруг такая катастрофа.

Ив. Кузьмич: Да уверяю вас, меня совершенно не за что благодарить. Скорее я должен поблагодарить вас всех, товарищи, за прекрасное знакомство и за ваш концерт и за сегодняшний спектакль. *(Жмет руку Светловидову, который вошел в рамку.)* Просто стыдно сознаться,— слышал вас сегодня в первый раз Вы так замечательно пели.

Светловидов *(скромно):* Что вы! Я сегодня не в голосе.

Ив. Кузьмич: И вообще, товарищи, для

остая обстановка, но есть чудесная нянька и очонок хорошего кавказского вина.

Затемнение.

Из затемнения. Столовая в квартире Ивана ;узьмича. Она обставлена с той стандартной ростотой, с какой обставлены почти все столоые в новых домах: большой стол, скучный дуовый буфет, диван, над диваном книги, несколько кресел, радио и фортепьяно.

Пир в разгаре. Четверо актеров, стоя у форепьяно, поют юмористический квартет, подракая колоколам. Мрачный бас необыкновенно еловито и без малейшего оживления на своем линном лице, уперев подбородок в широкий оротник, выводит низкое «бам-м», «бам-м-м».

Собравшиеся аплодируют. Тут все те, кто ыл в самолете. Не видно только Наташи и тюардэссы Маруси. Второй пилот Коля и борттеханик Миша в полном восторге.

Коля: А теперь какую-нибудь русскую песю. Люблю русские песни.

Квартет затягивает «Ноченьку». Гости подевают.

Светловидов не выдерживает и начинает сомировать.

Иван Кузьмич сидит рядом. Он сияет. Он

Ив. Кузьмич: Выпьем за искусство!

Светловидов: Выпьем за летчиков!

Все чокаются.

К Ивану Кузьмичу подходит Задунайский.

Задунайский: Ваня, дай я тебя поцелую. Ты гениальный летчик. *(Целуются.)*

В дверях появляется Маруся. Она уже не в форме, а, так сказать, в штатском — на ней простенькое, но милое платьице.

Маруся: Товарищи! Только просим нас не ругать. Какой вышел — такой вышел. *(Торжественно становится у открытой двери.)*

Кухня в квартире Ивана Кузьмича. Няня Мариша — маленькая круглая старушка — и Наташа (она в передничке и в наскоро повязанной косынке) вынимают из духового шкафа пирог.

Наташа *(волнуясь)*: А вдруг недопекся? А, нянечка?

Няня: У такой красавицы — и вдруг недопекся! Оба вы румяные.

Голос Маруси: Что же вы?

Наташа: Сейчас!

Пока няня выкладывает пирог на блюдо, Наташа быстро снимает косынку и передник и по-

В столовой. Появление Наташи встречается риветственными криками. Наташа ставит пирог а середину стола.

Наташа: Теперь, товарищи, разрешите отрыть вам одну тайну, которую Иван Кузьмич щательно скрывал, и мы с Марусей узнали ее лучайно от нянюшки. Оказывается, среди нас аходится новорожденный. Стыдно, Иван Кузьмич, ни слова нам не сказали!

Общий крик возмущения и радости.

Бас *(подражавший колоколу):* Под такое ело — самое пить.

Задунайский: Ваня! И ты мог! Скрыть! т друзей! Товарищи! Здоровье новорожденно-о! Дай я тебя поцелую. Ты гениальный летчик.

Все чокаются. Общий шум.

Наташа: Нянечка, идите к нам! Садитесь десь. Вот кто старался больше всех.

Ив. Кузьмич: Ни за что не пойдет. Уж я е знаю. Старая школа.

Иван Кузьмич наливает два бокала, поднимается и идет к няне, которая, подперев щеку адонью, стоит у двери. Оба выпивают по бо-алу, целуются.

Няня: Дай тебе бог, Ванечка! *(Вытирает лезы фартуком.)*

Ты же знаешь, что я не люблю.

Няня: Когда-то любил. Всегда праздновал

Ив. Кузьмич: Ой, нянька, не нравишься ты мне в последнее время. Дисциплина ослабла

Няня: Ладно уж. Дисциплина. Иди вот к гостям. Повеселись лучше.

Иван Кузьмич подходит к столу.

Задунайский: Ну, новорожденный, признавайся, сколько тебе лет? Пари держу, что моложе меня.

Ив. Кузьмич: А тебе сколько?

Задунайский: Пятый десяток пошел Сорок два. *(Вздыхает.)*

Ив. Кузьмич: А мне, брат, скоро шестой пойдет. Сорок восемь.

Задунайский: Учитесь, молодые, как надо выглядеть в сорок восемь. Дай я тебя поцелую, Ваня. Ты гениальный летчик.

Коля, Миша и Маруся подходят к Ивану Кузьмичу с бокалами.

Коля *(волнуясь):* Дорогой наш Иван Кузьмич. Вот мы с Марусечкой, весь наш боевой экипаж... Мы... Мы очень вас любим. И гордимся вами. И мы надеемся, что всегда будем с вами. И, если понадобится, будем бить врагов так же чистенько и аккуратно, без аварий как сейчас летаем из Сочи в Москву.

с Марусей посредине. Целуется со всеми.

Ив. Кузьмич: Так что ж, товарищи, раз веселиться, то давайте веселиться! *(Заводит пластинку.)*

Гости танцуют, отодвинув стол.

Наташа, лавируя между танцующими, несет на тарелочке пирог для няни.

Кухня. Наташа вносит тарелку и протягивает ее няне.

Наташа: Это для вас, нянечка. Ну, как, удался?

Няня *(пробует):* Да уж куда лучше. А гостям понравился?

Наташа: Они и не заметили.

Няня: За здоровье новорожденного! Чтоб всегда был такой веселый, как сегодня. Давно я его таким не видела.

Наташа: Неужели вы его самого вынянчили?

Няня: Ну, не такая я уж старуха. Я при его дочке была, Машеньке. *(Плачет.)* Как померла она, хозяин меня при себе оставил. Куда, говорит, пойдешь, нянька, живи при мне. Вот и нянчу его. А жена его померла родами. Очень их любил. Страшно было на него смотреть тогда. Вот уж скоро пятнадцать лет, как жена померла, Евгения Ивановна,— красавица была. А Машенька — через три года после того. Он

говорю, женился, Ванечка, а он на меня посмотрит, да и скажет: «Не ндравишься ты мне, нянька у тебя,— говорит,— вроде дисциплина ослабла».

Голоса: Наташа! Где же вы? Танцовать некому!

Наташа: Иду! *(Целует няню и выбегает из кухни.)*

Бал в полном разгаре.

Маруся танцует с Колей. Их останавливает Миша с часами в руках.

Миша: Ваше время истекло, товарищ второй пилот.

Коля: Еще минуточку.

Миша: Никаких минуточек. Надо делать как условились.

Коля *(с грустью передавая прелестную стюардэссу своему другу):* Ну, смотри, бортмеханик, я засек время. Ровно минуту! И ни секундой больше.

Маруся: Ой, сумасшедшие! *(Танцует с Мишей.)*

Светловидов танцует с Наташей.

Светловидов: Вы сегодня какая-то странная.

Наташа: Вы мне каждый день говорите что я сегодня какая-то странная.

меня, дыхание весны»...

Наташа: Вот это самое лучшее. Если хотите мне понравиться,—пойте...

Маруся танцует с Мишей. Их останавливает Коля с часами в руках.

Коля: Стой, бортмеханик, твое время истекло!

Маруся *(со смехом):* Ой, совсем сумасшедшие!

Квартет в уголке допивает водку.

Бас, изображавший колокол: Когда я беру нижнее фа, дрожат рюмки.

Другой бас: Порфиша, только не ври. Ты же знаешь, я этого терпеть не могу.

Бас, изображавший колокол: Пари на дюжину пива.

Другой бас: Идет.

Ударяют по рукам.

В это время пластинка кончилась, и пока Иван Кузьмич ставит новую, бас, изображавший колокол, берет низкую ноту. Потом понижает ее на полтона.

Другой бас: Соль.

Бас, изображавший колокол, берет ужасную ноту еще на полтона ниже.

Другой бас: Соль бемоль. Ну-ка...

же. В комнате тишина.

Рюмки на столе начинают звенеть.

Другой бас: Правильно. Фа. Рюмки звенят. Ты выиграл, Порфиша. Горе мне, Порфиша

У патефона.

Наташа *(Ивану Кузьмичу):* А вы почему не танцуете, Иван Кузьмич?

Ив. Кузьмич: Честно?

Наташа: Честно.

Ив. Кузьмич: Просто не умею, Наташенька. Не научился. В мое время не танцовали.

Наташа: Давайте, научу.

Ив. Кузьмич: Нет уж, не стоит. Поздно

Улыбаясь, ставит пластинку. Музыка.

Затемнение.

Из затемнения. Пустой московский переулок Рассвет. Идут Иван Кузьмич, Наташа и Светловидов.

Светловидов: В конце концов пора домой. Мы провожаем друг друга уже два часа Да и ваши, наверное, волнуются, Наташенька.

Наташа: Еще немного. Как хорошо в этом московском переулочке. Я никогда здесь не была в такой час, когда еще не взошло солнце.

Иван Кузьмич идет посредине, держа под руки Наташу и Светловидова.

Ив. Кузьмич: Не знаю почему, но я ни

очень люблю Москву. Я часто вижу ее в такой час, когда еду на аэродром.

Наташа. Вы счастливец! У вас такая романтическая профессия!

Ив. Кузьмич: Поверьте, в ней нет ничего романтического. Давно уже прошли времена Блерио и Нестерова с первыми рекордами и мертвыми петлями, когда летчики, отправляясь на аэродром, прощались с родными, как будто шли на казнь, и привязывали к фюзеляжу подкову на счастье. В молодости я был истребителем. Тогда это было интересно. Летали чорт знает на чем. И неплохо летали. Но вот уже пятнадцать лет я летаю на хороших самолетах и в сущности давно уже превратился в воздушного извозчика. Меня так и называют на аэродроме — воздушный извозчик. «Извозчик! В Сочи!» «Извозчик! В Новосибирск!» И я везу. Верите ли, пять лет летал из Термеза в Кабул по самой трудной трассе в мире и, как нарочно, ни одной аварии. Мне так и говорили: «Извозчик! Через Гиндукуш!» Одно время возил живую рыбу для магазинов «Гастроном». Вот вам и вся романтика!

Наташа: Не надо так говорить. Вы не извозчик.

Ив. Кузьмич: Я разновидность извозчи-

обыкновенного извозчика главным образом тем, что у него не одна лошадиная сила, а тысяча шестьсот, если считать в двух моторах.

Наташа: Но ведь и управлять ими в тысячу шестьсот раз труднее.

Ив. Кузьмич *(глядя поверх друзей):* Ах, как хорошо! *(Неожиданно останавливается и обнимает Наташу и Светловидова своими сильными руками.)* Слушайте, дорогие вы мои, я вас хочу о чем-то попросить. Сделайте для меня одну штуку... Да нет, не сделаете!

Светловидов: Но что сделать?

Наташа: Мы сделаем, Иван Кузьмич.

Ив. Кузьмич: Спойте что-нибудь.

Светловидов *(с ужасом):* Как!? Сейчас? На улице? *(Хватается за свое бесценное горло.)*

Ив. Кузьмич: Да. Сейчас. На улице.

Светловидов: Но ведь люди спят, Иван Кузьмич. И потом... Как-то странно, ей-богу... На улице!

Ив. Кузьмич: Да. Странно. Мне и хочется, чтоб было странно. Понимаете? Пусть будет не как всегда.

Наташа: Споемте, Ананий Павлович! Знаете что споем? Как-то Иван Кузьмич говорил, что был в детстве на какой-то опере, где были

ли. Эта опера тогда ему не понравилась. Я сильно подозреваю, что это была «Аида». Давайте «Аиду», дуэт из третьего акта. Может быть, теперь ему понравится.

Светловидов *(начинает смеяться):* Что ж, в конце концов...

Внезапно останавливается и, по-оперному отставив ногу, начинает страстный и драматический вердиевский дуэт: «Опять с тобой, ангел милый, Аида».

Его голос потрясает тихий переулок. Какая-то кошка с ужасом шныряет в подворотню.

Вступает Наташа. Она необыкновенно возбуждена. Она поет свободно. Нет и следа той скованности, которая овладевает ею, когда она поет при публике.

Наконец, оба голоса начинают звучать вместе. Теперь певцы соперничают чистотой и точностью высоких нот.

Первый московский дворник выходит из ворот с метлой и совком. Он останавливается и качает головой.

Появляются еще несколько дворников с метлами. Они цепенеют у своих ворот.

Из-за угла выходит первая молочница.

Молочница *(дворнику):* Ишь, загуляли!

Дворник: Из цирка, наверно.

Трое новых друзей переходят площадь. Дуэт продолжается. Открывается несколько окон. Высовываются заспанные люди. Сперва они недовольно морщатся. Потом слушают с одобрением.

Наплыв.

Улица. Друзья останавливаются у дома Наташи. Последние ноты дуэта.

Ив. Кузьмич: Спасибо. По обыкновению, я был неправ. Эта опера положительно мне начинает нравиться. Ну, Наташенька, спокойной ночи!

Светловидов: Вернее, спокойного утра.

Он разошелся. Неожиданно хватает «до» из «Фауста» — «Здесь добродетель обита-а-а-ет».

Наташа: Приходите.

Ив. Кузьмич: Спасибо. И вообще спасибо.

Наташа: За что вообще спасибо?

Ив. Кузьмич: За все. И главным образом за то, что на свете есть такая вот милая Наташа.

Наташа быстро убегает в подъезд.

Иван Кузьмич и Светловидов с восхищением глядят ей вслед. Они стоят рядышком, во весь рост — большой Иван Кузьмич и маленький Светловидов — и улыбаются совершенно одинаковой, чуточку пьяненькой восторженной улыб-

потом его плечи, потом голову Светловидова. Потом оба они освещены солнцем с головы до ног. *Затемнение.*

Из затемнения. Кабина самолета. За штурвалом сидит Иван Кузьмич. Он изо всех сил, заглушая шум моторов, поет: «Опять с тобой, ангел милый, Аида, к тебе стр-р-реми-ился всеэй душо-о-о-ю».

Кабина залита ярким осенним солнцем.

Коля: Что это вы, Иван Кузьмич, все начинаете «Аида, Аида», а потом переходите на «Все выше, и выше, и выше»?

Наплыв.

Кабина самолета. В стекла стучит дождь. Иван Кузьмич поет ту же мелодию. Он в кожаном пальто.

Наплыв.

Кабина самолета. Стекла заносит снегом. Иван Кузьмич поет ту же мелодию. Он в меховом комбинезоне.

Позади на своих местах Коля и Миша. Между ними Маруся с бутылкой ситро и стаканом. Они значительно переглядываются.

Наплыв.

Раннее лето. Самолет садится на аэродром. Иван Кузьмич вылезает из самолета с корзинкой.

ливает подушка, и он замолкает.

Аппарат отъезжает. Теперь виден Светловидов, зажимающий телефон подушкой. На его лице написано отчаяние. Он в пальто, готовый к выходу.

Входит Задунайский. В руках у него громадная пачка писем.

Задунайский: Вот. Только за одно сегодняшнее утро.

Светловидов: Выкинь их на помойку.

Задунайский: Ананий, помни, что артист должен ценить зрителя, беречь зрителя, а ты... Ты знаешь, как я тебя люблю, Ананий! Ты гениальный певец, но на письма отвечать надо. Вот я подготовил...

Раскладывает на столе сотню фотографий, на которых изображен Светловидов со скрещенными на груди руками.

Светловидов: Опять подписывать?

Задунайский: Опять.

Светловидов: Боже!

В отчаянии хватает ручку и с лихорадочной быстротой пишет на карточках одну и ту же надпись: «На добрую память. Светловидов».

Светловидов: Ну, как мне теперь выйти? Как? Они там?

Задунайский: Штук шестьдесят.

Светловидов выглядывает в окно. Сверху вид-
, как перед подъездом волнуется довольно
льшая толпа почитательниц. Светловидов сто-
г.

Светловидов: Может, можно проскочить
рез черный ход?

Задунайский: Мне не хочется огор-
ть тебя, Ананий, но там они выставили пи-
ты.

Светловидов: Может быть, опять по-
обовать спуститься по пожарной лестнице?

Задунайский: Хватит. Ты один раз чуть
сломал голову и целый месяц не мог участ-
вать в концертах.

Светловидов: Так значит — пропадать?

Задунайский: Пропадать.

Светловидов: Захар, спаси меня! Умо-
ю! Я их просто боюсь, понимаешь, боюсь. Они
ня вчера чуть не убили. И потом они посто-
но отрезают на память кусочки пальто.

Задунайский: Ты знаешь, Ананий, как я
бя люблю, но ты дурак. Они тебе делают ус-
х. Пусть себе понемногу отрезают, чорт с ни-
і. Ты бери пример с Окаянского: он каждый
нь впускает их в дом и угощает чаем. Ка-

ывет. Смотри, некоторые уже начинают уходить от тебя к Окаянскому.

Светловидов: Хорошо, Захар, в последний раз. Придумай что-нибудь. Умоляю!

Задунайский: Ладно. В последний раз. Снимай пальто.

Светловидов снимает пальто.

У подъезда. Толпа почитательниц. Парадная дверь открывается. Оттуда быстро выходит Задунайский в пальто и шляпе Светловидова, глубоко надвинутой на лоб.

Толпа кидается за ним с криком «Светловидов!» и «Ананий Павлович!».

Из парадной двери выскакивает подлинный Светловидов и бежит в противоположную сторону.

Одна из почитательниц *(убедившись, что преследуемый не Светловидов)*: Девочки! Нас предали!

Толпа поворачивается и видит Светловидова, который без пальто и без шляпы, как заяц, вскакивает в автомобиль.

Автомобиль останавливается у подъезда дома, где живет Наташа. Из автомобиля выходит Светловидов.

У подъезда дежурит одна из почитательниц. Увидев Светловидова, столбенеет.

ствуйте, Ананий Павлович!

Светловидов бурей проносится мимо и исчезает в подъезде.

Светловидов, тяжело дыша и держась рукой за сердце, поднимается по лестнице. Звонит у дверей с медной табличкой «Матвей Матвеевич Куликов».

В будке телефона-автомата. Почитательница быстро лепечет в трубку.

Почитательница: Мура! Поймала. Ей-богу!.. Что? Здесь, в Кривоколенном. Ну, да. Поехал к Куликовой, Наташке. Наверно репетировать. Он с ней проходит «Пиковую даму»... Мура! Сними посты. Оставь только один у театра. Ну, пока. Пока.

По улице едет «эмка». За рулем Иван Кузьмич.

Машина подъезжает к дому, где живет Наташа.

У дома уже собралась толпа почитательниц, которые стояли раньше перед подъездом Светловидова. Почитательницы стоят тихо, глядя на окна второго этажа.

Иван Кузьмич вынимает из машины корзинку, в какие на юге упаковывают фрукты, закрывает дверцу ключом и идет к подъезду.

Ив. Кузьмич *(проталкиваясь сквозь тол-*

Какое-нибудь несчастье?

Почитательница: Как раз наоборот, гражданин. Счастье.

Хор почитательниц: Тише, тише!

Теперь явственно слышны голоса Наташи и Светловидова.

Иван Кузьмич поднимается по лестнице и звонит у дверей с медной табличкой: «Матвей Матвеевич Куликов».

Столовая в квартире Куликовых. У фортепьяно, аккомпаниатор, Наташа и Светловидов. Наташа в кресле. Светловидов перед ней на одном колене. Светловидов поет: «Прости, небесное созданье, что я нарушил твой покой, прости и страстного»... Но тут раздается звонок, Светловидов замолкает и поворачивает голову к двери.

Входит Куликов. За ним Иван Кузьмич с корзинкой.

Куликов: Смотри, Наташенька, кто приехал!

Наташа *(вскакивает):* Боже! Иван Кузьмич! Где это вы пропадали? Вас не было целую вечность.

Светловидов *(иронически):* Да, уж по крайней мере, дня три.

Н а т а ш а: Когда прилетели?

И в. К у з ь м и ч: Только что. Я прямо с аэ-одрома. Смотрите, Наташенька, что я вам при-ез.

Н а т а ш а: Боже! Персики! В июне! В 1оскве! Вот это извозчик! Это я понимаю!

Входит Наташина мать Матильда Карповна.

И в. К у з ь м и ч: Здравствуйте, Матильда (арповна, и разрешите доложить — ваши пору-ения выполнены. Швейную машинку я сдал в 'остове вашей тетушке в собственные руки. Вот исьмо.

М а т. К а р п о в н а: Мерси. Надеюсь, вы у ас обедаете сегодня?

И в. К у з ь м и ч: Откровенно говоря, с удо-ольствием. Как в Сочи позавтракал, так с тех ор ничего во рту не было. Но... я, кажется, омешал... Вы репетировали?

Н а т а ш а: Да, поздравьте меня, Иван Кузь-ич. Получила дебют.

И в. К у з ь м и ч: Ну? На какое число при-ажете готовить цветы?

Н а т а ш а: Не беспокойтесь, предупрежу за-лаговременно. Я не гордая. Все-таки дали Ли-у в «Пиковой даме».

И в. К у з ь м и ч: Ну?

Наташа: До сих пор не могу поверить Спектакль будет в самом начале сезона, в сен· тябре.

Мат. Карповна *(значительно):* И Ананиі Павлович так любезен, что не только согласил ся петь с Наташенькой, но даже проходит ‹ ней партию.

Ив. Кузьмич: Так что ж, Матвей Матве евич, пусть молодые репетируют, а мы, так ска зать, старики, займемся любимым делом.

Иван Кузьмич и Матвей Матвеевич садятсı за шахматы.

Наташа и Светловидов продолжают прерван ную репетицию.

Светловидов: Понимаете, Наташенька когда я пою «Прости, небесное созданье», у ва должна быть целая гамма переживаний. Пони маете? Вы сначала сидите отвернувшись, потом закрываете лицо руками и, наконец, начинает внимать. *(Аккомпаниатору.)* Давайте сначала.

Став на одно колено, начинает «Прости, не бесное созданье».

Наташа старательно проделывает то, чем учил ее Светловидов.

Иван Кузьмич играет рассеянно. Он не свс дит глаз с Наташи.

Идет любовный дуэт Германа и Лизы. Ис

Кузьмича.

Старик Куликов, собравшийся было напомнить Ивану Кузьмичу, что ждет его очередного хода, видит, в каком состоянии находится Иван Кузьмич, и, улыбаясь, ждет.

С в е т л о в и д о в *(нервно):* Куда вы смотрите, Наташенька? Слова любви вы должны обращать ко мне. А вы... гм... обращаете их, так сказать... гм... *(Косится на Ивана Кузьмича.)* на зрителя. Ну, давайте повторим.

Наташа и Светловидов повторяют фразу и поют дальше.

Светловидов по ходу действия обнимает Наташу.

Иван Кузьмич, не спуская с Наташи глаз, сгребает с шахматного столика короля и нервно сжимает его.

Старик Куликов некоторое время внимательно смотрит на Ивана Кузьмича, потом поднимается и на цыпочках выходит из комнаты.

Спальня в квартире Куликовых. Матильда Карповна наводит перед зеркалом красоту. Сюда звуки пения доносятся приглушенно.

Входит Куликов.

К у л и к о в: Нам, мамочка, надо поговорить.

М а т. К а р п о в н а: Сколько раз я просила тебя не называть меня мамочкой.

Мат. Карповна: Господи! Когда ты, в конец, научишься называть меня просто Матильда? А мамочка — это мещанство.

Куликов *(кротко):* Зачем тебе, мамочка, понадобилось называться Матильдой, когда всю жизнь была Марьей?

Мат. Карповна: Это не твое дело.

Куликов *(кротко):* Хорошо, мамочка.

Мат. Карповна: Опять мамочка?

Куликов: Я нечаянно, мамочка.

Мат. Карповна: Господи! Ну что, что тебе нужно?

Куликов: Я насчет Наташеньки. Ты знаешь, мамочка, мне кажется, она влюблена.

Мат. Карповна: Я давно это знаю. Трудно придумать лучший брак для нашей дочери.

Куликов: В том-то и дело, мамочка, что ты ровно ничего не знаешь. Она влюблена не в Светловидова.

Мат. Карповна: То есть как это — не в Светловидова? А в кого же?

Куликов: В Ивана Кузьмича.

Мат. Карповна: Что? В этого... извозчика?

Куликов *(кротко):* И, по-моему, он в нее тоже влюблен.

дов — прелесть. А этот... Во-первых, стар. Во-вторых, без положения, даже не орденоносец. В-третьих, каждую минуту может погибнуть. Нет, папочка, ты ошибаешься. Она влюблена в Светловидова.

Куликов: Если тебе, мамочка, нравится Светловидов, это не значит, что он должен нравиться всем.

Мат. Карповна: Во-первых, он мне вовсе не нравится. А, во-вторых, он мне нравится, как и всем женщинам, и я понимаю, почему: во-первых, талант; во-вторых, знаменитость; в-третьих, с ним Наташа будет всегда иметь прекрасное положение...

Куликов: Э, мамочка, что это за арифметика: во-первых, во-вторых, в-третьих! Если человек любит, он никогда не думает о положении, а просто любит и все. Любовь — это не арифметика.

Мат. Карповна: Матвей, ты ошибаешься. Она не любит его. *(Испуганно.)* Быть этого не может.

Куликов: Ты не наблюдательна, мамочка. Вспомни, после той истории с Наташиным полетом Иван Кузьмич — если не в воздухе, то у нас. А ведь так продолжается уже около года. И если его нет два-три дня, Наташенька вол-

достойнейший человек, но ведь Иван Кузьмич тоже не первый встречный. Я считаю так: пусть Наташенька сама решает свою судьбу.

Мат. Карповна: Но он ей в отцы годится! Это скандал! Я не допущу этого. Он старше меня, то есть немного моложе.

Куликов: А впрочем, кто его знает? Может быть, я и ошибаюсь.

Мат. Карповна: Фу, как ты меня напугал! Ну, конечно, ошибаешься.

Куликов: А может быть, и не ошибаюсь.

Затемнение.

Из затемнения. Часы, показывающие три.

Матильда Карповна зевает, прикрывая рот рукою. Потом пожимает плечами и возводит глаза к небу.

Происходит это все в той же куликовской спальне.

Супруги чуточку приоткрывают дверь и заглядывают в столовую. Они видят ужасную картину.

Иван Кузьмич и Светловидов тоскливо играют в шахматы.

Наташа читает книжку.

Ив. Кузьмич: Сдавайтесь, Ананий Павлович. Тут мат в три хода.

Что ж, пожалуй. *(Вяло опрокидывает фигуру.)*

Ив. Кузьмич: Что ж, пора и честь знать.

Светловидов: Наверно, уже поздно. *(Смотрит на часы.)* Три часа.

Ив. Кузьмич: Надо итти. *(Продолжает сидеть.)*

Светловидов: У меня утром репетиция.

Ив. Кузьмич: А мне вылетать.

Продолжают сидеть, тупо глядя друг на друга.

Наташа *(гостеприимно):* Посидите еще. Куда вам торопиться!

Ив. Кузьмич: Так что ж, может, еще партию?

Светловидов: Пожалуй. Только коротенькую. Блиц.

Ив. Кузьмич: Вы всегда говорите блиц, а потом сами же начинаете высиживать.

Расставляют фигуры.

Светловидов: Вам черными.

В спальне. У двери.

Мат. Карповна: Это, наконец, невыносимо. Уже три часа ночи, а они все сидят и сидят. Ну, я понимаю, пообедали. Ну, я понимаю, поужинали. Но нельзя же сидеть до бесконечности. И так каждый день!

Куликов: Но, мамочка, что я могу сде-

из гоголевской «Женитьбы». «Пошли вон, дураки!»

Матильда Карповна открывает дверь в столовую. Вид у нее весьма решительный.

Мат. Карповна: Наташенька, тебе пора ложиться.

Иван Кузьмич и Светловидов вскакивают.

Наташа: Что ты, мама?

Мат. Карповна: А вы играйте, играйте. С вами с удовольствием посидит Матвей Матвеевич. Он такой любитель шахмат!

Светловидов целует Матильде Карповне ручку. Прощается с Куликовым.

Иван Кузьмич пожимает Наташину руку. Смотрит ей в глаза. Потом поворачивается к Матильде Карповне.

Мат. Карповна: Иван Кузьмич, голубчик, привезите завтра из Сочи чернослива и свежей кефали.

Ив. Кузьмич: Есть привезти.

Иван Кузьмич и Светловидов медленно спускаются по лестнице.

Светловидов: Чрезвычайно милая семья.

Ив. Кузьмич: Но мы, кажется, немного засиделись.

У подъезда засидевшихся гостей встречает толпа почитательниц.

Женщины с криком окружают Светловидова и торжественно идут его провожать.

Оставшись один, Иван Кузьмич подходит к своей машине и берется за ручку. Некоторое время стоит в нерешительности. Потом быстро поворачивается, входит в подъезд и поднимается на второй этаж, прыгая через три ступеньки.

Крупно: Иван Кузьмич. Его лицо напряжено. На лбу вздулась вена. Таким мы видели это лицо за штурвалом самолета в минуту опасности.

Слышно, как громко щелкает замок.

Дверь открывается. На пороге Наташа.

Наташа: Это вы, Иван Кузьмич? *(Вглядевшись в его лицо, слегка пугается.)* Что с вами? Что случилось?

Ив. Кузьмич *(хрипло):* Случилось то, что я вас люблю. *(Опускает голову.)*

Наташа стоит, прижав руки к груди.

Иван Кузьмич поднимает голову и видит сияющие глаза Наташи.

Он обнимает и целует ее. Потом бежит вниз, прыгая через три ступеньки.

Наташа стоит, прислонившись к дверному косяку и закрыв глаза.

Автомобиль Ивана Кузьмича мчится по улицам с головокружительной быстротой.

входит в столовую, потом в кабинет, потом в спальню. Останавливается перед портретом жены и ребенка, некоторое время смотрит на них. Задумчиво поворачивается и подходит к зеркальному шкафу.

Он отражен во весь свой могучий рост.

Ив. Кузьмич *(своему изображению):* Такие-то дела, Иван Кузьмич, товарищ Баранов!..

Насвистывая, проходит в столовую и открывает дверь на балкон.

С девятого этажа открывается вид на Москву.

За домами восходит солнце.

Оно освещает сперва голову Ивана Кузьмича, потом его плечи. Потом весь он освещен солнцем.

Он возвращается в комнаты. Подходит к столу и берет в руки настольный календарь.

Крупно: листок календаря — *«1941 год. 21 июня. Суббота».* Рука Ивана Кузьмича переворачивает его. На его месте возникает следующий листок — *«1941 год. 22 июня. Воскресенье».*

Звонок.

Иван Кузьмич открывает дверь. На пороге Матильда Карповна.

Ив. Кузьмич *(холодно):* Прошу вас.

Учтиво пропускает ее в столовую. Матильда Карповна садится в кресло. Иван Кузьмич садится на стул.

Мат. Карповна: Мое посещение вас, вероятно, удивляет.

Ив. Кузьмич: Нет, нисколько.

Мат. Карповна: Вы догадываетесь, зачем я пришла в такой час?

Ив. Кузьмич: Вполне.

Мат. Карповна *(драматическим голосом):* Иван Кузьмич! Не губите мою дочь!

Ив. Кузьмич *(после паузы, тихо):* Почему вы решили, что я способен погубить Наташу? Ведь то, что я ее полюбил, не значит, что я хочу ее погубить.

Мат. Карповна: Ах, Наташа сама не знает, что она делает. Поверьте мне. Я знаю ее лучше, чем вы. Сейчас ей кажется, что она в вас влюблена. Но это не может долго продолжаться.

Ив. Кузьмич: Почему?

Мат. Карповна: Вы пожилой человек. Она молоденькая девушка. Это настолько ясно, что... Просто смешно об этом говорить. Под влиянием минуты она откажет Ананию Павло-

рочка, что... Впрочем, это так ясно, что...

Ив. Кузьмич: Вы хотите, чтобы я отка зался от Наташи?

Мат. Карповна: Да.

Ив. Кузьмич: Вы считаете, что я слиш ком стар для нее?

Мат. Карповна: Боже! Конечно!

Ив. Кузьмич *(после паузы):* Я не согла сен с вами. Я не откажусь от Наташи! *(Радо стно вскочив, опрокинул стул.)* Вы хотите, что бы я отказался от счастья? Ну, нет! Не вый дет! Я слишком долго ждал этого счастья. И. и... Мне очень неприятен этот разговор. Па рочка и вообще... Мне не нравится... Понятно?

Мат. Карповна: Это ужасно! Тако тон... *(Поднимается и идет к двери.)*

Ив. Кузьмич *(провожает ее)*: До сви данья, Матильда Карповна. Я обязательно при везу вам ящик чернослива и свежей кефали.

Матильда Карповна пожимает плечами и вь ходит, хлопнув дверью.

Иван Кузьмич хохочет. Потом зевает, широ ко раскрыв рот и вытянув руки. Подходит зеркалу и подмигивает своему изображению.

Потом, разбежавшись, делает стойку на ру ках.

лет? Что? Отменены все рейсы? Сейчас еду. ть. Есть.

Вешает трубку. Он взволнован.

Наплыв.

На аэродроме гражданского воздушного фло. . У самолета, вытянувшись, стоят Коля, Ми- ı и Маруся. Перед ними Иван Кузьмич.

Ив. Кузьмич: ...и подло напали на Со- тский Союз с суши и с воздуха. Вот какая тория, друзья! Ожидается выступление по ра- о.

Коля: Иван Кузьмич! Что же мы стоим есь? *(Он переминается с ноги на ногу.)* Ведь будем же мы сейчас возить курортников в чи!

Миша: Я думаю, Иван Кузьмич, из нас йдут неплохие ночные бомбардировщики. Ну, ды!.. Ну, разве это люди, Иван Кузьмич?

Маруся: А я куда, Иван Кузьмич? Куда Как же я-то без вас теперь?

Ив. Кузьмич: Спокойненько. Все будет в рядке. Я сейчас пойду проситься в истреби- льную авиацию, ведь я старый истребитель. вы будьте на месте, никуда не отлучайтесь и дите моего возвращения. А не вернусь — жди- приказа.

Ив. Кузьмич: Простите, друзья, но э моя давняя мечта — повоевать на истребителе.

Наплыв.

Иван Кузьмич снимает трубку телефона набирает номер.

Наташа снимает трубку телефона.

Наташа: Слушаю. Это вы? *(Нежно ул бается.)* Нет, не разбудили. То есть разбудил но это неважно. Что? *(Становится серьезно*

Наплыв.

Театральная площадь в Москве. Толпа сл шает речь Молотова по радио.

Голос Молотова из репродукт ра: ...наше дело правое. Победа будет за нах

Взволнованные, напряженные лица людей.

Старик-рабочий сжимает кулаки.

Пожилая женщина. По ее лицу текут слез Зубы сжаты.

Площадь перед микрофоном забита негоду щими людьми.

Наплыв.

По улице идут Наташа и Иван Кузьм Они идут молча, держась за руки, как дети. I мере приближения к зданию ВВС на тротуа все больше летчиков, которые идут со свои женами. Некоторые несут на руках детей.

шенька. Я скоро вернусь. Тут у меня приятель — генерал, вместе учились. Я думаю, он все быстро устроит.

Наташа остается одна. Она садится на диван. К ней обращается соседка — женщина с ребенком.

Соседка: Ваш муж тоже бомбардировщик?

Наташа *(секунду помедлив, серьезно):* Нет, он хочет в истребительную.

Адъютант пропускает Ивана Кузьмича в кабинет.

За письменным столом сидит генерал-майор авиации — старый, лысый, в очках. У него морщинистое лицо крайне утомленного человека. Слева от него — добрый десяток телефонов. Посредине кабинета большой стол, накрытый картой.

Он встает навстречу Ивану Кузьмичу. Старые друзья целуются.

Генерал: Садись, Ваня! Кури.

Ив. Кузьмич *(закуривая):* Хочу, Петруша, снова в истребительную.

Генерал: Ты! В истребители?

Он крайне удивлен. Снимает очки, протирает их и снова надевает.

Ив. Кузьмич: Да, я. Не понимаю, что

в такой момент, когда вся страна...

Генерал. Подожди, подожди, Ваня, ты уже начинаешь сердиться на меня. И совершенно напрасно. Если на что и сердиться, то на наш возраст. Мы, Ваня, старики. Нам не на истребителях летать, а вот... *(Показывает на свои телефоны и карту.)*

Ив. Кузьмич: Но я...

Генерал: Да, нет, ты выглядишь молодцом, что и говорить. Но ты стар. Пойми это. Нельзя тебе в истребители в сорок девять лет. Я отлично понимаю твои чувства и...

Ив. Кузьмич *(упавшим голосом):* Так может в бомбардировщики, Петруша?

Генерал: Да, нет, что ты, голубчик, в пятьдесят-то лет! Этак ты и жениться еще вздумаешь!.. Ты что сейчас делаешь?

Ив. Кузьмич: Да все там же.

Генерал: Извозчик через Гиндукуш! Почем за конец?

Ив. Кузьмич *(печально):* В настоящее время — извозчик в Сочи.

Генерал: Ну, и прекрасно. Гражданскому флоту найдется работы больше, чем ты думаешь. Верно, старик? *(Поднимается с места.)* Ну, прощай, Ваня. Не огорчайся. Давай поце-

Ив. Кузьмич. Прощай, Петруша. Прости, то отнял время.

Наташа ждет в приемной. К ее соседке под-:одит муж, молодой летчик.

Летчик: Ну, Нина, еду на аэродром.

Соседка: Когда?

Летчик. Сейчас.

Они с ребенком быстро выходят из приемной.

Наташа видит, как по лестнице спускается Іван Кузьмич.

Он идет медленно, выпрямившись. У него традальческое лицо. Он никого не замечает. Ю рту у него незажженная папироса, в руке оробок спичек, о котором он, видно, позабыл.

Наташа идет ему навстречу.

Иван Кузьмич видит ее и через силу улыается.

Ив. Кузьмич: Ну, вот все и выяснилось, Іаташенька! Ваша матушка была права.

Наташа: Я не понимаю...

Ив. Кузьмич: И не нужно вам понимать. А нужно вот что — простить меня... Дайте не вашу лапку. *(Берет Наташину руку в свою адонь.)* И еще просьба, Наташенька: пройдет ремя, вы вырастете большая-большая, у вас удут дети, и хороший муж, и большой

Иван Кузьмич Баранов, воздушный извозчик.

Наташа: Иван Кузьмич! Что с вами? Вам плохо?

Ив. Кузьмич: Было бы глупо утверждать, что мне хорошо... Но... Каждому овощу свое время. В том числе и овощу по имени Иван Кузьмич. *(Пауза.)* Ну, Наташенька, прощайте!

Поворачивается и, чуть не сбив с ног молоденького лейтенанта, стремительно уходит.

На лице Наташи недоумение, жалость и обида.

Затемнение.

Из затемнения. Коля, Миша и Маруся в перепачканных комбинезонах заканчивают комуфлирование своего самолета. Теперь это уже не тот серебристый «дуглас», в который так приятно было войти пассажиру. Самолет теперь покрыть пятнами под тон и фактуру листьев.

Иван Кузьмич осматривает пассажирскую кабину. Оттуда выносят последние мягкие кресла.

Наплыв.

Самолет в воздухе. Он несется низко, над самыми деревьями. Это не самолет, а какой-то сумасшедший автомобиль.

ит вперед и вниз. Коля и Миша на своих обыч-
ых местах. Но они уже не в нарядных мун-
ирах ГВФ с воротничками и галстуками, а в
ромасленных комбинезонах. Миша дремлет. Ко-
я следит за воздухом.

Входит Маруся. Она в комбинезоне и пилот-
е. Через плечо у нее сумка с красным крестом.
на подкладывает под голову Миши подушечку.

Коля, увидев это, пожимает плечами и за-
атывает глаза.

Коля *(неожиданно):* Ч-чорт! Иван Кузьмич!
пять «мессер».

Ив. Кузьмич: Вижу. *(Он тянет ручку на
ебя.)*

Самолет резко берет вверх. Слышна пуле-
етная очередь.

Видно, как самолет Ивана Кузьмича входит
облака.

В кабине.

Ив. Кузьмич: Отцепился?

Коля: Отцепился, Иван Кузьмич.

Ив. Кузьмич *(со вздохом):* Никогда не
умал, что придется летать на «Мессершмитта»
перочинным ножом. *(Вынимает перочинный
ож и чистит яблоко.)*

Маруся *(почтительно):* Разрешите доло-

Там один тяжело раненый. Боюсь, не довезем.

Ив. Кузьмич: Довезем. Идите, Марусечка, успокойте его. Пора уже научиться обслуживать пассажиров.

Наплыв.

В самолет Ивана Кузьмича грузят гранаты и ящики с патронами.

Наплыв.

Ночь. Самолет Ивана Кузьмича в воздухе.

В пилотской кабине.

Ив. Кузьмич: Давай! Точно над местом!

Командир парашютного десанта: До свидания, Иван Кузьмич!

Ив. Кузьмич: Счастливо. Дайте им там жизни!

Внутренность пассажирской кабины. Один за другим парашютисты подходят к открытым дверцам и прыгают в звездную темноту. Маруся наблюдает за этой операцией.

В пилотской кабине.

Маруся: Разрешите доложить, Иван Кузьмич. Пассажиров не осталось.

Ив. Кузьмич: Ладно, Марусечка. *(Вглядывается в приборы.)*

Наплыв.

Из самолета на аэродроме выгружают раненых. Маруся распоряжается разгрузкой.

Рука Ивана Кузьмича переворачивает календарный листок. Под ним другой листок — *«1941 год, 1 сентября».*

Шторка.

Дирижер стучит палочкой о пюпитр.

Дирижер: Давайте еще раз. «Уж вечер, облаков...»

Наташа и ее партнерша на сцене у клавесин в своих пальто и шляпках поют дуэт Лизы и Полины из «Пиковой дамы» «Уж вечер, облаков померкнули края...»

Зрительный зал пуст. Там, за столиком, освещенным лампой, сидит режиссура.

В середине дуэта слышится вой сирен. Это воздушная тревога.

Дирижер *(стучит палочкой по пюпитру)*: Товарищи! Воздушная тревога! Минуточку внимания. Пожарным занять посты. После отбоя продолжение репетиции. *(Вынимает из-под пульта каску и надевает ее.)*

Оркестранты с шумом покидают свои места.

Наташа на чердаке. Она в каске и брезентовых рукавицах. В руках у нее щипцы. Она сидит на толстой балке. Рядом с ней — Светловидов в таком же наряде. Слышится грохот зениток. Потом сильный взрыв.

Светловидов: Наверно, двести пятьдесят.

Светловидов: Вы знаете, Наташа, я полюбил эти часы на чердаке. Рядом с вами...

Наташа: Я знаю, вы будете говорить о любви. Не надо.

Светловидов: Но почему?

Наташа: Просто я прошу вас.

Светловидов: Но он уехал. Он не любит вас. Вы сами говорили.

Наташа: Знаете, Ананий Павлович, в мирное время я никогда не сказала бы вам этого. Но здесь, на чердаке, во время бомбежки, хочется говорить правду. Я люблю его.

Сильный взрыв.

Светловидов *(грустно)*: Вот это была полусотка. Где-то близко.

Наплыв.

Репетиция в костюмах и гриме.

На сцене Светловидов, стоя на одном колене, поет: «Прости, небесное созданье, что я нарушил твой покой...»

В это мгновенье раздается вой сирены.

Дирижер надевает каску.

Из суфлерской будки вылезает Куликов, тоже в каске.

На чердаке на своих местах Наташа и Светловидов. На этот раз они в костюмах Лизы и Германа. У нее щипцы. Он со шлангом.

ине темного чердака. «Лиза» и «Герман»
орно тушат зажигательную бомбу.

Светловидов: Но я могу надеяться?

Наташа: Не знаю. Может быть.

Затемнение.

Из затемнения. На аэродроме, в кабинете командира эскадрильи. Командир за столом. Пе- ним в кресле Иван Кузьмич.

Командир: Простите, одну минуточку... *ет телефонную трубку и разговаривает.)*

В это время Иван Кузьмич машинально чи- уголок газеты со стола. Ему попадается глаза заметка: «Сегодня в первый раз в сезоне «Пиковая дама» Чайковского. Пар- Германа поет заслуженный деятель ис- тв Светловидов. Партию Лизы — молодая ца комсомолка Куликова...»

Командир: Да, так вот, изволишь ли ви- , здесь в районе Старой Петровки окруже- наша дивизия. Сейчас мы стремимся про- ься вот тут... *(Показывает на карте. Иван зьмич сличает со своей картой.)* Понятно? Те- следи внимательно. Вот в этом месте, меж- большим лесом и рощей «Молоток», есть по- й аэродром...

Ив. Кузьмич: Я знаю его, как свои пять. двадцать летал.

Iак вот. Ровно в семнадцать пятнадцать должны выгрузить там боеприпасы и взять ı неных. Задание чрезвычайно серьезное и трег ет абсолютной точности.

Ив. Кузьмич: Будет сделано.

Командир: Сейчас у нас... *(Смотрит часы.)* ...пятнадцать пять. Ну, пока нагрузят б припасы... Я уже приказал. Там нагружают. , и вам с ребятами надо покушать и отдохнут Вы когда прилетели?

Ив. Кузьмич: Только что.

Командир: Тем более. Значит, так: вылетаете в шестнадцать ноль ноль. Лету да час с четвертью. Полчаса там. Максимум. сейчас же назад с ранеными. В девятнадц вы будете здесь. Мы дадим ракету.

Ив. Кузьмич: Точно.

Командир: Ну... *(Обнимает Ивана Ку мича.)* До свидания, Ваня! Дело серьезное. П дется летать над немцами. Потом погодка м беспокоит. Не мирное время. Радиокомпа нет. Хорошо, что хоть пулеметы поставили.

Ив. Кузьмич: Прощай, Вася! *(Быстро ходит из кабинета.)*

В приемной ждут Коля, Миша и Маруся.

Ив. Кузьмич: Вот что, Марусечка. Се езная просьба. Как говорится,— раз з жиз

ныи магазин. Купите цветов по своему вкусу отвезите в театр. Передайте лично в руки...

Маруся: Знаю кому, Иван Кузьмич.

Ив. Кузьмич: Да. Нате часы. Чтобы не же, чем через пятьдесят минут, вы были есь. Гоните шофера. Да. Нате деньги. Ну, во! Ф-фу... *(Вытирает платком лоб.)*

Шторка.

Артистическая уборная. Наташа облачается в стюм Лизы. Ей помогает Матильда Карповна. кресле — Куликов.

Мат. Карповна: Ах, я так волнуюсь!..

Куликов: Ты бы ехала домой, мамочка! то, ты только нервируешь Наташеньку.

Мат. Карповна: Но ведь я волнуюсь за е!

Куликов: Еще бы ты волновалась за себя.

Наташа приступает к гриму.

Стук в дверь. С криком «нельзя, нельзя» атильда Карповна бросается к двери и прикрывает ее.

Мат. Карповна: Боже! Ананий Павлович! одите, входите, — она уже оделась.

Входит Светловидов. Он неслыханно красив в стюме и гриме Германа с подтянутым живо- ком. За ним торжественно тащится сверкаюя сабля.

Как вам идет этот костюм! Ну, просто прелесть. Да ты посмотри, Наташенька!

Светловидов: Ну, Наташенька, крепитесь! Все будет хорошо. Нате, выпейте сырое яйцо.

Наташа пьет, покорно улыбаясь.

Куликов: Когда будешь петь «Откуда эти слезы», не смотри на меня. Смотри на прожектор. Не забудь. Ты всегда забывала на репетициях.

Наташа: Спасибо, папа, я постараюсь не забыть.

Входит помощник режиссера.

Помреж: Куликова, там вас какой-то военный спрашивает. Пустить, что ли? Он говорит, что торопится.

В уборную врывается Маруся с букетом. Она в комбинезоне и пилотке, совсем как мужчина.

Наташа: Маруся! *(Бросается к ней.)*

Маруся: Ой, ей-богу, нет времени. Сейчас вылетаем. Это вам от Ивана Кузьмича. *(Передает букет.)*

Наташа: Ну, что он, здоров?

Маруся: Здоров. Спасибо.

Мат. Карповна *(ехидно):* Все в Сочи летает?

ла. В шестнадцать ноль ноль вылетаем. *мотрит на часы. Ахает.)*

Наташа: Куда, куда, вылетаете?

Маруся: В германский тыл, за ранеными.

Наташа: Ах! *(Хватается за сердце.)* Сейс?.. Да погодите, Марусечка...

Бежит за Марусей в коридор.

В коридоре.

Наташа *(обнимая Марусю за плечи):* Что ? Скажите хоть два слова.

Маруся. Эх, Наташа... О чем разговор?! *ытается вырваться.)*

Наташа: Я люблю его. Вы слышите, Масечка, я люблю его.

Маруся *(удивленно):* Это правда?

Наташа *(плачет):* Да, да, Маруся. Это авда. Честное слово.

Маруся *(целует Наташу):* Ой, я пропала! *бегает.)*

На аэродроме. У самолета — готовые к отле- Иван Кузьмич, Коля и Миша. Красноармейı грузят последние ящики с боеприпасами.

Театр. В оркестре настраивают инструменты. Мастер устанавливает и проверяет микрофон ıя трансляции оперы по радио.

Дирижер пробирается между оркестрантами.

руку и помогает Марусе влезть.)

Театр. Дирижер стоит за пультом.

Его рука переворачивает страницу партиту[illegible] с надписью «Пиковая дама».

Палочка стучит о пюпитр.

Дирижер взмахивает руками.

Аэродром. Самолет Ивана Кузьмича отр[illegible]вается от земли.

В пилотской кабине.

Ив. Кузьмич: Ну, как?

Маруся: Все в порядочке, Иван Кузьм[illegible] Передала в собственные руки.

Ив. Кузьмич: Спасибо, Марусечка. Мо[illegible]дец! Я уж боялся, что вы опоздаете.

Маруся: Так интересно, Иван Кузьми[illegible] Прямо по коридорам гуляют в разных кост[illegible]мах. Меня не хотели пускать. Ну, я, конеч[illegible] продралась, меня не остановишь. А там, знач[illegible] вся компания: папаша, мамаша и, конеч[illegible] этот самый... суслик.

Ив. Кузьмич *(нахмурившись):* Ну, лад[illegible] потом расскажете. Спасибо, Маруся! *(Угл[illegible]ляется в карту.)*

Театр. Светловидов поет арию «Я имени не знаю».

ами с боеприпасами — возвышение, на ко-
і стоит Миша. Его голова уходит под
ачный купол турельного пулемета. Он сле-
за воздухом.

аруся взбирается к нему на возвышение и
вывает голову рядом с его головой.

а р у с я: Миша, научите меня стрелять из
иета.

и ш а: Это очень просто. Вы из винтовки
ять умеете?

а р у с я: Ворошиловский стрелок.

и ш а: Тогда это пустяки. Вот так вы при-
ваетесь. Потом нажимаете здесь. Понятно?

а р у с я: Дайте, я разик стрельну.

и ш а: Я вам стрельну!

еатр. Последние аккорды первого акта.
вес закрывается. Аплодисменты.

пилотской кабине самолета. Иван Кузьмич
штурвалом. Он очень задумчив, почти мра-

низу, совсем близко от самолета, стреми-
ю несутся назад верхушки деревьев. Ка-
я, если протянуть руку, то она их кос-
і.

В суфлерской будке — Куликов. Он в о
нии. Показывает рукой, чтобы Наташа не
рела на него.

Наташа поворачивается к прожектору,
бражающему лунный свет.

Куликов удовлетворенно кивает головой

На выходе стоит Светловидов. Он отка
вается и мычит, пробуя голос. Рядом с
Матильда Карповна.

Мат. Карповна: Ну, как вы считае

Светловидов: По-моему, идет хор
Конечно, она немного скована, но так вс
бывает. Потом разойдется.

Публика слушает с явным удовлетворе

В кабине самолета. Иван Кузьмич гл
вниз, сравнивая положение с картой.

Ив. Кузьмич: Пролетаем наш пере
край. Сейчас будут немцы. Я думаю брить
больше.

Коля: Что ж, это правильно, Иван I
мич.

Иван Кузьмич слегка отодвигает шт
от себя.

Альтиметр показывает 80, 70, 60, 50, 4(

Теперь верхушки леса совсем близко о
молета.

Коля: Эх, бомб у нас нет!

Ив. Кузьмич: К сожалению, у них есть :нитки.

Они пролетают над самой зенитной батареей. идно, как немцы с лихорадочной быстротой эосаются к орудию. Ствол орудия поворачиıется.

Коля: Чорта с два!

Слышны сильные выстрелы.

Далеко позади самолета и значительно выe — черные клубочки разрывов.

Ив. Кузьмич: Это было самое паршивое есто.

В кабине появляется Маруся.

Маруся: Иван Кузьмич! Стреляют!

Ив. Кузьмич: Ну? Серьезно?

Маруся: Ей-богу!

Видно, как выскочившие из машин немцы греляют из винтовок по самолету.

Коля стреляет по ним из бортового пулеэта.

Кабина наполняется пороховым дымом.

Театр. Идет картина бала. Пастушок и пагушка исполняют пастораль «Искренность пагушки» — «Мой миленький дружок, прелестный астушок».

навливается рядом с большой палаткой, на к
торой изображен красный крест.

Ив. Кузьмич *(смотрит на часы):* Точн
Семнадцать пятнадцать.

Коля: Летаем по расписанию, Иван Куз
мич.

К самолету бежит дежурный с флажками.
Экипаж самолета соскакивает на траву.

Дежурный *(кричит еще издали):* Сейч
же улетайте! Немедленно! В воздухе зве
«Юнкерсов». Сейчат они будут здесь!

Из палатки выходят и выползают ранены
Они все слышали. Они молча смотрят на Ива
Кузьмича.

Дежурный: Немедленно вылетайте. Инач
вас разбомбят.

Иван Кузьмич смотрит на раненых. На л
его надувается вена.

Ив. Кузьмич *(приняв немедленное реш
ние):* Выгружать ящики! Живо! А ну-ка, тов
рищ дежурный, помогайте!

Коля, Миша и Маруся все понимают — им
надо объяснять. Они бросаются к самолету и
лихорадочной быстротой выгружают ящики.

Иван Кузьмич принимает их и скидывает
сторонку, стараясь рассредоточить.

Iесколько легко раненых тоже пытаются по-огать.

Дело горит в руках работающих.

Но вот выгружен последний ящик.

Ив. Кузьмич: Давайте раненых! Живо! Iаю две минуты!

Раненые идут и ползут к самолету. Коля, Миша, дежурный и Маруся бегом переносят яжело раненых.

Кое-как их впихивают в самолет.

Ив. Кузьмич *(считает пассажиров):* Двадцать два, двадцать три. Стоп! Кончено! Больше нет мест. *(Смотрит на раненых, которые, лядя на него умоляющими глазами, толпятся юзле самолета, и машет рукой.)* Ладно! Берите сех! Только ради бога скорей!

Коля: Как же мы взлетим, Иван Кузьмич? Их сорок один, а взять мы можем никак не больше двадцати трех.

Ив. Кузьмич: Э! Не из Сочи летим! Брал же Молоков, Василий Сергеевич, на паршивый эр пятый одиннадцать человек челюскинцев! Авось как-нибудь поднимусь!

Экипаж запихивает остальных раненых.

Ив. Кузьмич *(поднимается в свою кабину):* Мне бы только взлететь, а там...

В небе появляется звено «Юнкерсов».

подпрыгивая на кочках.

Дежурный с флажками прыгает в щель и ложится там.

В пассажирской кабине Маруся устраивает раненых. Они лежат и сидят кое-как...

Стоны.

Миша вертится на своем месте, двигая пулеметом.

Звено «Юнкерсов» заходит на цель.

В пилотской кабине. Иван Кузьмич изо всех сил тянет штурвал на себя и закрывает глаза.

Самолет отрывается от земли, задевая колесами за верхушки деревьев. Видно, как колеса уходят в свои пазы.

Слышны сильнейшие взрывы.

Над аэродромом поднимаются столбы огня и земли. Летят клочья палатки.

В пилотской кабине. Иван Кузьмич вытирает лоб платком.

Коля: Неплохой взлет, Иван Кузьмич.

Ив. Кузьмич: Надо еще долететь.

Коля: Долетим, Иван Кузьмич. В чем дело!

Ив. Кузьмич: Я думаю этих сволочей-зенитчиков обойти слева.

Коля: Здоровая мысль.

Коля: Так и есть. Сверху «мессер». Может, не заметит? Давайте полный газ.

Ив. Кузьмич: Дальше жать некуда.

Коля: Я все-таки думаю, не заметит.

Ив. Кузьмич: Я нырну в поляну, а потом спрячусь за лесом.

Коля: Здоровая мысль!

В пассажирской кабине. Миша под своим куполом напряженно смотрит в небо, сжимая ручки пулемета. Рядом с ним стоит Маруся.

Миша: Заметил, сволочь! Сейчас будет пикировать! Учитесь, Марусечка!

Видно, как «Мессершмитт» пикирует.

Он совсем близко. Явственно виден летчик в шлеме.

Миша дает длинную очередь.

Миша: Полетел умирать!

Маруся: Где ж полетел умирать? Вот он опять заходит.

Миша снова стреляет. Теперь он стреляет непрерывно, закусив губу.

Миша: Вот сволочь! Храбрый на гражданский самолет кидаться, на раненых!

«Мессершмитт» пикирует. Дает очередь.

Видно, как от крыла отлетает дождь алюминиевых осколков.

Миша: Чорт! Рука не действует. Вы, кажется, хотели стрельнуть, Марусечка? А ну-ка, он снова заходит. *(Освобождает место для Маруси.)*

Маруся сжимает пулемет.

«Мессершмитт» пикирует.

Маруся дает очередь.

«Мессершмитт» теряет управление и падает на землю.

Миша: Ура! Маруся! Падает, сволочь!

Маруся разрезает рукав Мишиного комбинезона и, открыв сумку, перевязывает рану жгутом.

Маруся: Ничего, Миша, рана пустяковая. До Москвы заживет. Теперь отдохните. *(Укладывает его на пол рядом с другими ранеными.)*

В пилотской кабине.

Ив. Кузьмич: Отцепился?

Коля: Подбит, Иван Кузьмич. Плюхнулся на землю, падаль.

Ив. Кузьмич: Молодец, Миша! Представлю к ордену.

Входит Маруся.

Маруся: Разрешите доложить. Бортмеханик товарищ Синицын ранен в руку. Перевязка сделана. Кажется, задета кость. А также под-

)уся! Поцелуй ее, Коля, у меня нет времени.

Маруся: Ну, это ни к чему. *(Возвращается в пассажирскую кабину.)*

Ив. Кузьмич: Который час?

Коля: Восемнадцать десять.

Ив. Кузьмич: Лететь еще пятьдесят минут. Мне не нравится погода.

Коля: Похоже — вошли в туман, Иван Кузьмич. Непонятно, как мы будем ориентироваться в тумане.

Ив. Кузьмич: Ах, беда какая, ай-ай-ай... А обидно-то как! Столько перенесли и теперь погибать из-за тумана. Дам на всякий случай побольше высоты.

Коля: Главное, радиомаяки не работают.

Ив. Кузьмич: Попробуй там, поищи что-нибудь. В таком тумане я не сяду.

Самолет Ивана Кузьмича летит в густом тумане.

В пилотской кабине Коля крутит ручку радиоаппарата. Слышатся обрывки немецкой речи, потом куски каких-то маршей.

Коля: Главная беда, что я не знаю, на какой волне работает сегодня Москва. Тут все немцы, чорт бы их побрал!

Ах, истомилась, устала я,
Ночью и днем, все об одном...

Ив. Кузьмич: Наташа! Коля! Держи волну!

Коля: Есть держать волну.

Театр. Наташа в черном плаще поет арию Лизы у Канавки:

...Где же ты, счастье бывалое...

Она поет прекрасно, с огромным чувством и воодушевлением.

Зрители слушают, затаив дыхание.

Светловидов, стоя на выходе, одобрительно качает головой в ответ на немой вопрос Матильды Карповны.

Старик Куликов вытирает слезы в своей суфлерской будке.

В кабине самолета. Ария продолжается. Иван Кузьмич взволнован. Он тяжело дышит.

Голос чуточку слабеет.

Коля: Держите левее.

Голос становится громче. Потом опять начинает слабеть.

Коля: Теперь правее.

Голос снова звучит с нормальной громкостью.

Коля: Так держать.

Ив. Кузьмич: Тише. Смотри, Коля, не по-
яй волну.

Этот разговор идет на голосе.

Снова театр. Наташа приближается к концу
и.

Дирижер дирижирует с упоением.

Арфистка отбросила в сторону роман и при-
нялась, чтобы лучше слышать и видеть.

Снова в пилотской кабине.

Ив. Кузьмич: Я думаю, мы над Москвой.
ну, спущусь метров на двести. Может, что-
будь и увидим.

Коля: Здоровая мысль. *(Отодвигает штур-
от себя.)*

Самолет идет вниз.

Коля: Иван Кузьмич! Я вижу Шаболов-
ую!

Взлетает ракета.

Снова театр. Наташа заканчивает арию.

Громовые аплодисменты.

Под эти аплодисменты самолет Ивана Кузь-
ча совершает классическую посадку на мо-
овском аэродроме.

К самолету подъезжают санитарные автомоби-
Из легковой машины выскакивает командир.
Навстречу ему идет Иван Кузьмич.

приятельский истребитель. Легко ранен бортмеханик.

Командир обнимает Ивана Кузьмича, потом всех по очереди членов экипажа, в том числе и Мишу, который стоит с перевязанной рукой.

Иван Кузьмич целует Марусю.

Ив. Кузьмич: Приятно, когда героиня еще и хорошенькая.

Маруся: Иван Кузьмич, на два слова.

Отходят немного в сторону. В это время туман рассеялся, и аэродром превосходно освещен заходящим солнцем. Маруся что-то шепчет на ухо Ивану Кузьмичу.

Ив. Кузьмич: Ну?!

Маруся: Ей-богу! Точно!

Ив. Кузьмич: Так и сказала?

Маруся: Так и сказала.

Иван Кузьмич бежит к зданию аэропорта делая громадные прыжки.

Вслед ему смотрят Маруся, Коля и Миша

Маруся (она стоит посредине) обнимает обоих друзей, и они трое медленно идут за Иваном Кузьмичем.

Иван Кузьмич у телефона в кабинете командира эскадрильи.

Сидит, держа трубку у уха и закрыв глаза.

Коридор театра у выхода на сцену.

К телефону подбегает Наташа в костюме ...зы. Берет трубку.

Аэропорт. Иван Кузьмич у телефона.

Ив. Кузьмич: Простите меня, Наташень... , я люблю вас. Не уходите из театра. Я сей...с приеду. Скоро. Очень скоро. Через полча... . Вот только помоюсь и переоденусь.

Наташа стоит у телефона, закрыв глаза и ...аженно улыбаясь. Трубка осталась в ее по...сшей вдоль тела руке.

Мимо нее проходит на сцену Светловидов. ...лышен третий звонок. Одного взгляда на На...шу достаточно, чтобы понять, что произошло. ...ветловидов хватается за голову, потом берет ...бя в руки и проходит на сцену.

Сцена театра. У игорного стола.

Светловидов с рыданьем в голосе поет: ...то наша жизнь? Игра!»

На аэродроме. Иван Кузьмич выходит из ком...аты гладко выбритый, умытый, в новом ко...тюме.

Ему навстречу идет командир эскадрильи.

Командир: А я тебя ищу, Иван Кузьмич. ...ут, понимаешь ты, ранен генерал. Нужно сроч-

как ты.

Ив. Кузьмич: Когда вылетать?

Командир: Сейчас.

Ив. Кузьмич. Разрешите позвонить телефону?

Шторка.

Ив. Кузьмич: Наташенька? Тут подве нулся один маленький полетик. Утром я обя тельно буду у вас. Ничего, если это будет шесть утра? Не рано? Нет, раньше едва ... Целую вас нежно.

Шторка.

Самолет Ивана Кузьмича поднимается аэродрома.

В пилотской кабине.

Ив. Кузьмич: Знаешь, Коля, я дум сейчас дать хорошую высоту. По ночам «мес ры» не летают.

Коля: Здоровая мысль.

На Мишином месте дремлет Маруся.

Коля поднимается и осторожно подкла вает ей под голову подушечку.

Затемнение.

Евг. ПЕТРОВ *и* Г. МУНБЛИТ

МУЗЫКАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

Часть первая

ПОЮЩИЙ АВТОМОБИЛЬ

Музыка антракта к четвертому действию еры «Кармен». На экране — название фильма состав действующих лиц.

Действующие лица:

етя Говорков — шофер такси.
лава Белкина — диспетчер в гараже.
ать Говоркова.
юся — сестра Говоркова, отличница, девочка 12 лет.
льфред Тараканов — шофер ЗИСа.
асилий Фомич Македонский — руководитель оперного кружка в клубе транспортников, бывший оперный певец.
аботники гаража, кружковцы, жители коммунальной квартиры, оперные артисты, оркестранты и т. д.

жи. Оркестр.

В оркестре — суровые будни. Арфистка ч
тает роман. Перелистывает страницу, вытира
глаза платочком, вздыхает. Потом повора
вается к арфе, с печальным видом берет д
длинных арпеджио и снова углубляется в за
мательную книгу.

Фаготист читает «Вечернюю Москву». По
зывает второму фаготисту заметку о новых р
ных трамваях. Оба значительно покачивают л
сыми головами. Потом враз берутся за св
инструменты.

Дирижер с ужасом смотрит в угол оркест
где перед пюпитром сиротливо лежат тарел
Оркестранта, орудующего тарелками, нет.

Дирижер зажмуривает глаза и дает палочк
вступление тарелкам.

В самую последнюю секунду из маленьк
двери выходит оркестрант, берет тарелки и
пунктуальной точностью производит удар.

Дирижер бледно улыбается.

Оркестрант потрясает тарелками, держа
на вытянутых руках, потом, заглушив, остор
но кладет на стул и, согнувшись, уходит
комнату отдыха.

Там его поджидает партнер за незаконч
ной партией в домино.

илькад с плюшевой подушечкой, на которой лежит шпага. Осветитель возится у своего прожектора. В будочке появляется суфлер и раскрывает клавир.

В артистической уборной готовятся к выходу Эскамильо — высокий, тощий баритон и Дон-Хозе — маленький толстый тенор. Звуки музыки теперь еле слышны.

Появляется помощник режиссера.

Помреж: Василий Андреич, Николай Яковлевич, пожалуйте!

Актеры выходят в коридор. Звуки музыки усиливаются.

Зрительный зал. Галерка. Боковые места, откуда все очень хорошо слышно, но виден только кусочек потолка с толстеньким гипсовым амуром.

Василий Фомич сидит с раскрытым клавиром «Кармен» на коленях. Это маленький старичок, отчаянный и бескорыстный почитатель оперы. Таких стариков можно увидеть на галерке любого оперного театра. Занимают они такие места, откуда никак нельзя увидеть и кусочка сцены. Но милым старикам не нужно видеть. Им нужно слышать. В руках у них обязательно клавир, в котором они делают весьма таин-

певиц за последние пятьдесят лет, помнят на
зусть все оперы, искренно радуются чужом
успеху и ужасно страдают, когда певцы фал
шивят.

Василий Фомич слушает доносящиеся со сц
ны музыкальные фразы, блаженно улыбается
дирижирует воображаемым оркестром.

Он задевает рукой сидящего рядом с н
молодого человека, который мечтательно сл
шает, полузакрыв глаза. Молодой человек вздр
гивает и отодвигается.

Василий Фомич, не замечая этого, продо
жает дирижировать. Потом принимается нап
вать. Молодой человек страдает, но терпит.

Зрительный зал.

Сцена.

За кулисами на выходе Кармен. В последн
раз перед выходом она прочищает горло. М
чит. Потом выходит на сцену.

Арфистка перелистывает страницу романа.

Фаготист откладывает «Вечерку» и бер
«Известия».

На сцене Хозе берет высокую ноту.

Молодой человек на галерке бурно аплод
рует. Задевает Василия Фомича. Тот терпит.

Маленький тенор, обращаясь к высокой К

По правде говоря, это довольно комичное :лище. Но на боковых местах галерки, отку- к счастью, ничего не видно, дуэт произво- г ошеломляющее впечатление.

Василий Фомич и его сосед забывают обо ем на свете.

Молодой человек, на лице которого написано :иление, во время слов: «У нас ведь было астье» нежно берет соседа за руку. Но Васи- й Фомич этого не замечает. Он так увлечен 'зыкой, что даже не смотрит в свою партиту- . Полузакрыв глаза и прислонившись к пле- ' соседа, он мечтательно дирижирует левой 'кой.

Внезапно Хозе берет неточную сдавленную)ту. На лицах любителей появляется выраже- 'е страдания. Старик вдруг замечает, что мо-)дой человек держит его за руку и что сам : прислонился к его плечу. Но опера идет льше, и вскоре оба снова чувствуют себя на ршине счастья.

Внешний вид оперного театра. Мимо прохо- іт трамваи. Возле театра выстроились автомо- іли, поджидающие окончания спектакля.

Большой таксомоторный гараж. Справа от код диспетчерская будка с окошечком, выхо-

что лицо ее носит следы несколько излишней косметической изощренности. Совершенно понятно, что вокруг такого существа должны валяться разбитые сердца работников автомобильного транспорта.

Клава удивлена и раздосадована.

Перед ней стоит на одном колене, широко расставив руки, Альфред Тараканов — личность во всех отношениях замечательная. Во-первых, он с усиками. Во-вторых, он в крагах. В-третьих, он в кепке, которая представляет собой последний крик моды. Это сооружение сочетает в себе все достижения кепочной техники: клапаны непонятного назначения, особым образом укрепленные, гигиенические дырочки, предохраняющие от раннего облысения, кожаные ремешки, козырек обтекаемой формы, и еще многие другие изобретения и усовершенствования девятнадцатого и двадцатого веков, для описания которых потребовалось бы слишком много места и времени.

Т а р а к а н о в: Я так скажу. Один интересный брюнет исключительно влюблен в одну интересную девушку.

К л а в а *(в смятении):* Какую девушку?

девушки не скрою: девушка — это вы.
лава *(сдерживая смех):* А брюнет?
араканов: Брюнет, товарищ Белкина, лал остаться неизвестным.
лава: Ну, я пошла. *(Делает движение, и уйти.)*
араканов *(живо передвигаясь за ней на ях):* Спокойненько, Клавдия Васильевна, вор еще далеко не окончен.
лава: Ну, что еще?
араканов: Еще то, Клавдия Васильевна, брюнет мечтает расписаться.
лава: Ну, я пошла.
араканов: А что передать брюнету?
лава: Передайте брюнету, что я люблю динов.
араканов: Этого я ему не могу пере-
.
лава: Как хотите.
араканов: Ой, товарищ Белкина. Я , кто эти блондины. Эти блондины — Петь- оворков...
нутренность театра. Дирижер потрясает па- ой. Переворачивает страницу партитуры. На написано — *«Конец».*
плодисменты.
ирижер вытирает платком потный лоб. От-

уже ни одного человека. Арфа и контрабась закрыты чехлами.

Сдружившиеся любители оперы Василий Фомич и молодой человек идут в толпе, держа галоши над головой.

Вас. Фомич: А помните в «Аиде» это место: ти-ри-ри-ри... *(Напевает.)*

Молодой человек *(подхватывает):* Тара-ра-ра... А это? *(Напевает.)*

Вас. Фомич *(подхватывает):* Ту-ру-ру-ру.

Новые друзья выходят из театра.

Молодой человек *(застенчиво):* А «Князя Игоря» вы знаете?

Вас. Фомич *(гордо):* Запомните, юноша нет такой оперы, которую я не знал бы наизусть.

Наплыв.

В переулке около театра стоит занесенна снегом машина. Она прикована цепью к столб К машине подходят Василий Фомич и его н вый знакомый. Они что-то поют и размахив ют руками.

Молодой человек останавливается возле м шины, вынимает из кармана пробку от радиат ра, пробку от бензинового бака, «дворник» д. очистки ветрового стекла и укрепляет все э на своих местах.

клято!

Зас. Фомич *(разочарованно):* Так вы шо-
... А я думал — музыкант...

Молодой человек: Будешь тут музы-
том!.. Вам куда ехать-то?

Вас. Фомич: Мне недалеко... Я на двух
мваях доеду.

Молодой человек: Садитесь. Довезу
ом. Как любителя музыки.

Вас. Фомич: Бросьте, юноша. Не люблю я
готворительности. У меня есть пять рублей.
цем ехать до тех пор, пока они не кончатся.
потом я доеду на трамвае.

Садятся в машину.

Вас. Фомич: Ну, так что ж, давайте зна-
иться, юноша. Фамилия моя Македонский
силий Фомич.

Молодой человек: А моя фамилия Го-
ков. Все-таки, знаете, приятно познакомиться
таким любителем.

Вас. Фомич: Нужно, юноша, думать, преж-
чем говорить. Я не любитель, милый мой. Я
гист!

Говорков *(испуганно):* Вас куда прикаже-
везти?

ский пейзаж. Снова в автомобиле.

Вас. Фомич: Все, дорогой мой юноша, за висит от того, какой любитель. Есть любители дилетанты. Такой за всю жизнь ноты не взял а нахальства сколько! Обо всем он судит, вс он знает: ах, фортиссимо, ах, пианиссимо, ах Верди, ах, Чайковский! А пойди его поскреб этого любителя. Ни черта не смыслит. А поче му? А потому, что музыку нужно играть, му зыку нужно петь. Музыку нельзя разговари вать. Нет, я не любитель из публики. Я, юно ша, тридцать лет пел на оперной сцене. Тенс ром! Тенором пел! Меня Собинов боялся!

Говорков *(останавливая машину):* Ах, т боже мой. В первый раз в жизни разговарива с оперным артистом. *(Едет дальше.)*

Вас. Фомич: Нет, вы мне скажите вс что. *(Разворачивает и листает партитуру.)* Ка мог этот болван Карабасов в арии «Цвето что ты мне подарила» открыть звук на ля-б моль. *(Напевает.)* Вот как нужно это петь.

Говорков: Правильно!

Вас. Фомич: Что правильно? Что вы та бормочете?

Говорков: Я, Василий Фомич, не зна какой там открытый звук, а какой, я, конечн

Зас. Фомич: Дальше, дальше. *(Кладет крытую партитуру на счетчик и, нежно дизируя, слушает.)*

Снова в гараже.

Наплыв.

Гараканов все еще стоит на одном колене, топырив руки.

Тараканов: Клавочка! Клава! Клавдия ильевна! Товарищ Белкина! Разговор еще не нчен! У него комната в малонаселенной ртире, личный телефон в коридоре, централь- отопление, ванна. Там можно белье стирать.

Клава: Ну, и стирайте!

Тараканов: У вас сердца нет, товарищ ткина.

Звонит телефон.

Клава: Гараж таксомоторов. Машина? Есть. ічас выезжает. Номер машины 79-16. *(Вешает ибку. Выписывает наряд и протягивает его оаканову.)*

Тараканов *(беря наряд)*· Значит, мы тользнакомы?

Клава: Да!

Тараканов: Как странно! *(Гордо улыбает- садится в свой ЗИС и выезжает из гаража.)*

Клава задумчиво смотрит в пространство.

слышен голос певца.

Часы на Спасской башне показывают 12 часов 40 минут.

В гастрономическом магазине спускают шторы.

Снова в автомобиле.

Вас. Фомич: А вот Альфреда я спел в первый раз в 1889 году. *(Закрыв глаза, напевает.)* Помните то место, где Виолетта... помните?.. *(Поет арию колоратурного сопрано.)*

Наплыв.

Говорков поет следующую фразу Альфреда. Василий Фомич поет реплики. Говорков берет си-бемоль.

Машина въезжает на мост. И нота слышна до тех пор, пока машина не проехала мост и не скрылась из виду.

Электрические часы на трамвайной остановке показывают 2 часа 30 минут.

Большой угловой дом, в котором светится одно окно. Свет в нем гаснет.

В автомобиле Говорков поет полным голосом одну арию за другой. Василий Фомич сопровождает его пение всеми возможными видами аккомпанемента, имитируя все инструменты от контрабаса до флейты. При этом он восторженно смотрит на Говоркова.

чком прыгает вперед, чудом огибает препят-
ія и даже переезжает тротуары на углах.

Клавир попрежнему покоится на счетчике.

На ночном столике в чьей-то комнате беше-
звонит будильник. Мрачный человек с обвис-
іи усами, в кальсонах подпрыгивает на по-
ли. Будильник показывает пять часов.

В темном доме, мимо которого проезжает
іас поющий автомобиль, зажигается одно
о.

Чудесное зимнее московское утро. Если бы
было возможно в кино, снег здесь следова-
бы сделать голубоватым.

автомобиле. Говорков берет последнюю но-
арии, которую он только что пел. Эта неж-
и точная нота великолепна. Она поразитель-
еще и тем, что берет ее небритый человек в
стой полосатой кепке, руки которого покоят-
на руле.

Вас. Фомич: Сколько вам лет, юноша?

Говорков: Двадцать два года.

Вас. Фомич *(торжественно):* Через год вы
ете петь в Государственном ордена Ленина
адемическом Большом театре!

Совершенно обалдевший Говорков с ужасом
отрит на Василия Фомича.

котором жирными белыми буквами значится — сто семьдесят восемь рублей.

Часть вторая

КОНЕЧНО, ЛЮБОВЬ

Утро в большой и тесной коммунальной квартире. Кухня — мрачное место квартирных раздоров. С адским гудением горят двенадцать примусов, стоящих на двенадцати кухонных столиках. Варится двенадцать супов. Из кастрюль валит пар. Перед столиками двенадцать домашних хозяек и домашних работниц. Среди них есть круто завитая дама с железными папильотками, в японском халате со страшным драконом на толстой спине и в валенках, старушка в платке, грязная девчонка, стоящая на табуретке, а также дама учительского вида в очках, в английской блузке и галстуке, который лежит на ее громадной груди почти горизонтально. Весь этот пестрый кухонный конгломерат бодро переругивается.

Из-за гудения примусов ничего не слышно но по ужасной жестикуляции спорящих видно что ссора зашла далеко.

Домашние хозяики замолкают. Слышно толь-
гудение примусов.

Дама с драконом: Поет!

Домашние хозяйки, как по команде, повора-
ают краники своих примусов. Примуса гас-
. Теперь в кухне тишина. И в этой тишине
шен голос, поющий песню «Вдоль по улице
елица метет».

Ванная комната в той же квартире. Над
ывальником прибиты двенадцать полочек и на
ждой из них по стакану, зубной щетке и
льнице. Перед умывальником голый по пояс
ется Говорков, опоясанный полотенцем. Он
ет. С намыленным лицом он простирает руки
еред, как будто перед ним толпа восторжен-
х зрителей. Он поет всерьез, полным голосом.
есь, в ванной, нет и следа его обычной за-
енчивости. Здесь он — гордый и счастливый
ловень публики. Когда он берет высокие но-
, он смотрится в маленькое зеркало, висящее
стене между полочками.

Кухня. Пение звучит здесь немного тише.
перь в кухне царит мир. Крупица искусства,
оникшая в эту отравленную дрязгами атмо-
еру, растопила двенадцать ожесточенных сер-
ц. Домашние хозяйки и домашние работницы

роняет на пол иголку для прочистки примуса, и тогда — совершается невероятное — дама с драконом нагибается, поднимает иголку и с лучезарной улыбкой подает ее толстухе.

Продолжается пение. Одна из комнат квартиры. Старичок пенсионерского типа собрался натянуть сапог, но так и не сделал этого. Он слушает пение, держа сапог в руке.

«Ты постой, постой, красавица моя»,— выводит голос.

В другой комнате, которая видна через раскрытую из коридора дверь, застыла с поднятыми вилками в руках завтракающая семья.

«Дозволь наглядеться, радость, на тебя»,— продолжает голос.

Муж смотрит с нежной улыбкой на свою далеко уже не молодую жену.

Снова в ванной. Говорков поет последний куплет песни. Он увлечен своим пением. Взяв последнюю ноту, прижимает руки к груди и грациозно раскланивается, глядя на себя в зеркальце.

Неожиданно раздаются аплодисменты. Говорков вздрагивает.

Аплодируют в кухне и в тех комнатах, где только что слушали пение.

:араясь никому не попадаться на глаза.

Входит в комнату. Строгая девочка двена-
цати лет, сестра Говоркова — Люся, высунув
зык, выводит что-то в своей тетрадке. Потом
іа встает и начинает собирать книги. Она то-
эпится в школу.

Люся *(с явно заимствованными у кого-то
чтонациями житейской мудрости):* Опять на ра-
эту опоздаешь, горе мое.

Говорков *(надевая пиджак):* Ладно, лад-
э, раскудахталась!

В комнату входит мать Говоркова с чайни-
ом. Это та самая старушка, которую мы виде-
и на кухне. После первой же ее фразы ста-
эвится ясно, от кого заимствовала Люся свои
нтонации.

Мать. И спишь не во-время, и ешь не во-
эемя. Небось, вчера опять был в театре, горе
:ое.

Говорков: Ладно, ладно, раскудахта-
ись! *(Торопливо пьет чай.)*

Люся: В нашем классе у Вари Никитиной —
тец стахановец, у Лели Щукиной — брат кри-
оносовец, у Федьки Сибирякова — дядя депу-
ат, а у Нины Медведевой — мама орденоносец...

М а т ь: Правду Люсечка говорит. Посмотри на своих товарищей, приятелей. Пантелей тоже гармонист-любитель, тоже музыкой занимается, доставляет людям удовольствие. А что же? Стахановец. За последний месяц выработал тысячу двести рублей. Мне Аграфена Васильевна говорила.

Г о в о р к о в *(язвительно):* А что вы скажете, мама, если ровно через год ваш сын Петр Васильевич Говорков будет петь в Государственном ордена Ленина Академическом Большом театре.

М а т ь: Никакого тебе ордена Ленина не дадут, если не будешь выполнять план.

Г о в о р к о в *(проникновенно):* Вы, мама, ничего не понимаете. Сказал бы я вам... Пошли, Люська.

Говорков и Люся выходят на улицу.

Затемнение.

В ворота гаража входят шоферы и вешают на табельную доску номерки.

Некоторые из них, те, что помоложе, с тою же деловитостью, с какой они только что вешали номерки, подходят к окошечку Клавы и с поклоном кладут на подоконник свои скромные подношения — кто цветочек, кто шоколадную

люшевого медвежонка, которого она тотчас ırикалывает на грудь. Все это, видимо, ста-ı гараже традицией.

араканов медленно приближается к окошеч-Клавы и торжественно ставит перед ней шой флакон дешевого одеколона.

:лава: Я же вам сколько раз говорила, рищ Тараканов, неудобно делать такие до-е подарки. Вот, ей-богу, не возьму.

'араканов: В части подарков, Клавдия ıльевна, выражение чувств есть обязательное ›вие. Согласно теории сохранения личности ;ругих авторитетов — одеколон не роскошь, ›едмет ширпотреба и культурной жизни.

'араканов с достоинством кланяется и отхо-к своей машине. Это единственный в гара-ЗИС, что, разумеется, делает его водителя :тной фигурой. Тараканов прислоняется к мобилю, стремясь слиться с ним в одно :расное целое. Поза его исполнена мрачного :колепия.

Ю Клава не смотрит на него. Ее взгляд об-ен к двери, в которую входит Говорков. Он ает свой номерок в последнюю минуту. Сто-захлопывает табельную доску.

'оворков робко подходит к Клавиному окош-

одеколоном. Бутылка разбивается.

Тараканов вздрагивает.

Тараканов *(глухо):* Смейся, паяц, над ра: битой любовью!

Клава смеется. Говорков в смущении идет своей машине и поспешно лезет под нее с г: ечным ключом.

Тараканов *(вдогонку):* Изверг рода чел веческого! Петлюра!

Между тем жизнь в гараже идет своим ч редом. В диспетчерской звонит телефон. Кла то и дело берет трубку и кричит в окошко ф милию шофера, и очередная машина выезжа на улицу.

В конце концов в гараже остаются толы Тараканов, который стоит все в той же горд ливой позе, и Говорков, все еще лежащий п машиной.

Звонит телефон.

Клава *(снимает трубку):* Гараж такс моторов. Машина? Есть. Сейчас выезжает. В ходите через семь минут. Сейчас скажу н мер.

Она смотрит в гараж. Видит Тараканова ноги Говоркова, торчащие из-под машины. С кунду думает.

щ Тараканов. Получите наряд.

'араканов *(подходя):* Судьба есть жиз-ый стимул в разрезе научных споров. Но я :оен, понимая свое преимущество. *(Берет от ка испуганной Клавы наряд.)* Пока!

Садится в свой ЗИС и уезжает.

Только теперь Говорков выглядывает из-под шины.

В гараже пусто. Сквозь окна, как в церкви, ают солнечные лучи.

Клава: Петя, идите сюда, я вам вытру ще-Вы немножко запачкались тавотом.

Говорков смущенно подходит. Клава выти-т ему щеку платочком. Говорков Берет Кла-за руку.

Говорков: Клава... *(Пауза.)*

Клава *(замирая):* Что Клава?

Говорков: Клавочка...

Звонит телефон.

Клава *(берет трубку, металлическим голо-):* Нет машин. *(Вешает трубку.)*

Говорков: Клава... Вы не рассердитесь, я вас спрошу?

Клава: А когда я на вас сердилась, Петя?

Говорков: А позавчера?

Клава: Это не на вас, а на Тараканова.

Клава: Ну, говорите.

Говорков: Я давно хотел вам сказать..

Звонит телефон. Клава хватает трубку.

Клава: Машин нет. Не знаю. *(Веша трубку.)*

Говорков: Все хотел и... не решался... Я вас...

Звонит телефон. Клава срывает трубку.

Клава: Нет, это не гараж. *(Бросает тру ку.)*

Говорков *(в полном отчаянии):* ...Я в хотел попросить... Вы тут неправильно написа мне в наряде... — шестнадцатого, а надо семн дцатого.

Клава молча внимательно смотрит на сове шенно уже потерявшегося и глубоко несчастн го Говоркова. Вздыхает.

Звонит телефон. Клава решительно бер трубку.

Клава: Гараж таксомоторов. Машин Есть. Пожалуйста. Сейчас высылаю. Ном 30-01. Выходите через пять минут.

Быстро пишет и протягивает Говоркову наря

Развинченной походкой неудачника он н правляется к своей машине. Садится в нее. I когда он нажимает стартер и машина начина

ны.

Машина делает два круга по пустому гара- и резко останавливается у окошка Клавы.

Говорков *(кричит, открыв дверцу):* Клава! вас люблю!..

Клава потрясена.

Говорков захлопывает дверцу.

Машина с воем выезжает из гаража.

Клава с блаженной рассеянной улыбкой си- т в своей будочке, откинувшись на стуле.

Звонит телефон.

Клава, не глядя, снимает трубку, медленно адет ее на стол и мечтательно произносит, ядя в пространство.

Клава: Машин нет.

Крупным планом на полу осколки тараканов- ого флакона.

Часть третья

ИСКУССТВО ТРЕБУЕТ ЖЕРТВ

В гараже на другой день.

Несколько машин, из-под которых торчат ноги.

Вбегает Василий Фомич. Озирается, потом дбегает к первой машине, разглядывает ноги, ребит их.

Вас. Фомич: Почему не на репетиции? А еще Онегин!

Онегин: Картер испортился, Василий Фомич. Через пять минут буду. *(Бежит в раздевалку, напевая «О, жалкий жребий мой!..»)*

Василий Фомич подходит к следующей машине и вытаскивает за ноги толстенькую девчушку с ужасно перепачканным лицом.

Вас. Фомич: Ай-яй-яй, Настенька! Смена кончилась час тому назад, а вы в таком виде Ведь вам два часа мыться нужно.

Настя: Ух, и люблю же я вас, Василий Фомич! Прямо сил нет. *(Чмокает Василия Фомича в щеку, оставляя на ней черный след.)* Раньше вас буду!

Убегает, напевая «Я не способна к грусти томной».

Василий Фомич трогает щеку, качает головой, улыбается. Потом идет к следующей машине и вытаскивает из-под нее Тараканова.

Вас. Фомич: Вот тебе раз! А где Говорков?

Тараканов: Петька Говорков?

Вас. Фомич: Да! В семь часов репетиция.

Вас. Фомич *(нетерпеливо):* Ладно, ладно, е он?

Тараканов: Тайна, папаша, покрытая ›гком. Но для вас... *(Берет Василия Фомича д руку и ведет за собой.)*

Из диафрагмы.

Целуются Клава и Говорков. Они сидят на :амеечке заснеженного сквера. Когда поцелуй ›нчается, из уст влюбленных валит такой пар, о на секунду заволакивает их лица.

Клава: Чудачок, почему ты сразу тогда : сказал?

Говорков: Я боялся.

Клава: А почему ты потом не боялся?

Говорков: А потом я не боялся.

Клава: А теперь ты не боишься?

Говорков: Теперь я не боюсь. А ты тог- з боялась?

Клава: Я никогда не боялась.

Говорков: А ты меня первого полюбила?

Клава: Помнишь, когда ты только посту- ıл в гараж, я на тебя, как дура, накри- ıла?

Говорков: Мы никогда не будем ссорить- ı. Правда?

Клава: Тебе не холодно?

гда не женюсь.

Клава: А разве ты хочешь на мне жениться?

Говорков: Как? Разве я тебе не сказал? Конечно. Вот спою Ленского, а потом пойдем распишемся.

Клава: Какого Ленского? Где?

Говорков *(скороговоркой):* В «Евгении Онегине», в Государственном ордена Ленина Академическом Большом театре.

Клава: Ты сумасшедший.

Говорков: Ничего я не сумасшедший *(Пауза.)* Есть один старичок...

Диафрагма.

По средине улицы Тараканов за руку веде Василия Фомича. Они подходят к скверу. Тараканов указывает Василию Фомичу на Говоркова и Клаву, сидящих на скамейке.

Клава: Ну, посчитай сам. Ты никогда и четырехсот рублей не вырабатываешь. Да мои двести тридцать. Да твоя мама, да твоя сестра да еще моей бабушке надо посылать в Подольск. Трудно прожить на такие деньги.

Говорков: Ты мне, Клава, скажи прямо ты веришь, что я буду артистом?

Клава: Некоторые в гараже вырабатывают больше тысячи...

у нас в клубе, и тогда все решится. Может, действительно балда. Тогда я брошу думать пении. И деньги буду зарабатывать. Ты, Клачка, главное дело — не беспокойся, нас с той никто никогда не разлучит.

Произнося эти слова, Говорков делает широй жест левой рукой.

Неожиданно из-за кадра протягивается рука асилия Фомича, хватает руку Говоркова и выскивает его из кадра.

Оцепеневшая Клава остается сидеть на скаейке.

Ей видно, как Василий Фомич уволакивает противляющегося Говоркова. Говорков успеват крикнуть ей, показывая на часы:

— Ровно в десять встретимся на балу!

При выходе из сквера Василий Фомич и Говорков проходят мимо Тараканова. Он некоторое ремя смотрит им вслед, потом подкручивает сы и подлой походкой покорителя сердец направляется в сторону Клавы.

Надпись: в клубе транспортников.

Вместе с громкими звуками настраиваемых нструментов на экране возникает театральный ал, где есть настоящая сцена, настоящее глубление для оркестра, ряды настоящих теат-

будке. Но только все здесь маленькое.

Разместившаяся здесь публика представляет собой собрание немного странных, но чрезвычайно симпатичных людей. Среди них седоусые старики, молодые девушки, зрелые мужи и юнцы, не достигшие призывного возраста. Всех их объединяет музыка. Они играют, поют, настраивают инструменты, канифолят смычки, о чем-то спорят над партитурой; некоторые танцуют, разучивая па вальса.

На стене плакат:

> *Репетиция «Евгения Онегина» состоится сегодня в 17 час. вечера. Явка обязательна*

Онегин обходит всех присутствующих, показывая им очень древний и очень пышный лорнет.

Онегин: Семь рублей! Купил в комиссионном магазине. Красота?!

Подходит к зеркалу и начинает практиковаться в обращении с этим инструментом. На его лице нестерпимая важность. Лорнет он держит в кулаке.

Настенька подбегает к нему.

Настенька: Ну, кто так держит? Во

Онегин *(восхищенно):* Откуда она все знает?

Настенька: Знаю, и все! Какой должен ыть Онегин? *(Показывает, каким, по ее мнению, должен быть Онегин.)*

Распахивается дверь и в зале появляются асилий Фомич и Говорков. Все замолкают.

Василий Фомич молча тащит Говоркова через есь зал к фортепьяно.

На лицах кружковцев — удивление и любоытство.

Вас. Фомич *(Говоркову шопотом):* Ну, что юем? «Я люблю вас, Ольга...»?

Говорков: Ей-богу, Василий Фомич... При ублике... Я ведь никогда в жизни... Ведь в ервый раз...

Вас. Фомич *(не слушая Говоркова, кружковцам торжественно):* Друзья мои! Вы присутвуете при рождении таланта! Вам говорит это тарик Македонский! А старик Македонский огда-нибудь ошибался?

Почтительное молчание. Говорков, стыдясь, еременается с ноги на ногу.

Вас. Фомич: Да, ошибался! Но это, друзья мои, ровно ничего не доказывает! Колумб оже ошибался. Ехал в Индию, а приехал в мерику. Но Америка это тоже неплохо? А?

ную Америку, Василий Фомич.

Онегин (всплескивает руками): Откуда она все знает?

Вас. Фомич: Запомните этот день, друзья! (Играет интродукцию к арии «Я люблю вас, Ольга».)

Говорков тихо поет первую фразу.

Василий Фомич аккомпанирует, блаженно полузакрыв глаза. На лицах слушателей благоговение.

Внезапно раздается страшный грохот, подобно обвалу в горах. Все вздрагивают. И без того испуганный Говорков замолкает. Звуки горного обвала продолжаются, но сейчас уже можно разобрать, что с горы катятся тяжелые музыкальные инструменты — геликоны, барабаны, тарелки.

Василий Фомич сидит за роялем, попрежнему полузакрыв глаза. Потом бьет кулаком по клавишам и вскакивает. Лик его ужасен. Он весь как божья гроза.

Онегин: Давить таких надо!!! Мало им что они нашего барабанщика украли!

Кружковцы, размахивая смычками и флейтами, предводительствуемые Василием Фомичом подкрадываются к двери. Онегин пинком ноги распахивает ее.

том «Экономьте электроэнергию» репетирует модеятельный джазбанд. Все джазкружковцы своих обычных костюмах, кроме дирижера, етого с пышностью гостиничного швейцара. а его молодой, ликующей харе устроены испанские бачки, которые, как видно, должны являться символом европейской цивилизации.

Джаз наяривает варварскую переработку той самой арии Ленского, которую только что пел Зворков.

По мере того, как воинство Василия Фомича приближается к эстраде, джаз играет все тише.

Когда Василий Фомич подходит к самой эстраде, адская музыка замолкает и дирижер оборачивается.

Вас. Фомич *(проникновенно):* У вас есть совесть?

Дирижер: Что значит — у меня есть совесть?

Вас. Фомич: Почему вы не хотите репетировать в гимнастическом зале?

Дирижер: Почему в гимнастическом зале?

Вас. Фомич: Потому что вы нам мешаете!

Дирижер: Что значит мы вам мешаем? А вы нам не мешаете?

Вас. Фомич: Хорошая музыка, юноша, никогда никому не мешает.

Джазкружковцы одобрительно смеются.

Вас. Фомич *(визжит):* Потому что у вас плохой джаз! И плохой вкус. Иначе бы вы не кромсали бессмертное творение Петра Ильича Чайковского... *(Задыхается и прикладывает руку к сердцу.)*

Теперь одобрительно галдят оперные кружковцы.

Дирижер: Что значит кромсать Петра Ильича? Лучше сделать из него хороший танец, который будут танцовать широкие массы трудящихся, чем делать плохую оперу, которую никто не придет слушать!

Джазкружковцы берут реванш. Они надрываются от хохота.

Вас. Фомич: Замолчите! Или... или...

Дирижер: Или что?

Онегин *(вырывается вперед):* Или я убью вас!

Вас. Фомич *(рассудительно):* Подождите, мы всегда успеем это сделать. Ему нужно разъяснить. *(Лезет на эстраду и хватает дирижера за серебряный лацкан.)* Дорогуша! Я же сам танцую. Джаз — это здоровое развлечение, и глупо против этого возражать. Но он не дол-

Дирижер: Что значит святого искусства? то значит становиться на пути?

Вас. Фомич *(ледяным голосом):* А то начит, что вы при помощи подлых интриг забрали у нас единственного барабанщика. *(Обращается к ударнику джаза.)* Костя! Сейчас же а репетицию! Слышишь?

Костя — мальчик лет пятнадцати, веснущаый и вихрастый — сидит среди странных предетов своего ремесла: барабана с надписью Автоджаз», треугольников, колокольчиков, трещоток и прочего. Он робко приподымается.

Дирижер: Костя! Сиди на месте!

Костя садится.

Вас. Фомич: Костя, чему ты можешь здесь научиться? Подкидывать палочки? А я научу тебя музыке. Я достану литавры. Я сделаю тебя великим артистом.

Костя приподымается.

Дирижер: Идите, идите, Костя, там вас научат. Идите, мальчик, вы там хлебнете горя. В опере барабанщик — последний человек. А в джазе — это король!

«Король», потоптавшись немного и шмыгнув носом, садится.

Вас. Фомич: Костя! Если ты настоящий

Костя приподымается, но его хватает за плечи саксофонист и усаживает.

Оперные кружковцы с воплями лезут на эстраду и тащат барабанщика за собой.

Джазкружковцы пытаются его отбить. Начинается свалка, в результате которой побеждают численно превосходящие противника оперные кружковцы. Они увлекают Костю в свой зал.

Дирижер: Я буду жаловаться. Я поставлю этот вопрос на правлении клуба.

Он бежит к двери в коридор. Джазкружковцы бегут за ним, размахивая своими инструментами.

Вся компания рысью бежит по коридору, взбегает по лестнице и врывается в зал, над входом в который два человека прикрепляют хвойные гирлянды, образующие слова «Полярный бал».

В зале идут приготовления к сегодняшнему вечеру: развешивают портреты полярников, натирают воском паркет.

Заведующий клубом при помощи пульверизатора перекрашивает в белый цвет чучело бурого ресторанного медведя.

Джазисты окружают заведующего с криком «барабанщика увели!»

илия Фомича. Он ведет репетицию сцены бала з «Евгения Онегина».

Оркестр состоит из трех скрипок, одной виолончели, одного контрабаса, флейты, кларнета, ромбона, трубы, фисгармонии, фортепьяно и туецкого барабана. По существу, здесь даже нечем дирижировать, но экспрессии, с которой Василий Фомич делает свое дело, хватило бы на осударственный симфонический оркестр СССР составе ста тридцати человек.

В момент наиболее бурный и патетический Василий Фомич неожиданно стучит палочкой по пюпитру. Наступает тишина.

Вас. Фомич *(со змеиными интонациями в олосе обращается к первому скрипачу):* Как ы это сыграли, юноша? Сыграйте это один.

Скрипач, старичок бухгалтерского типа, дрожащим смычком играет злополучную фразу.

Вас. Фомич: Теперь я покажу вам, как это нужно сыграть. *(Берет у него скрипку и повторяет ту же фразу.)*

Потом отдает скрипку, и оркестр играет следующую фразу. Через минуту Василий Фомич опять стучит палочкой. Делает страшное лицо.

Вас. Фомич *(виолончелисту):* Что это?

произвели этот позорный звук?

Виолончелист: Виолончелью.

Вас. Фомич: А вы знаете, юноша, что означает по-итальянски ви-о-лон-челло?

Виолончелист *(подумав):* По-итальянски? Не знаю.

Вас. Фомич: Скрипка небес... небес! Вот что это значит. Этот инструмент должен петь, а он у вас хрипит. *(К оркестру.)* Ну, дети, начали! Четыре такта от Пэ. *(Взмахивает палочкой.)*

Музыка продолжается.

Оркестр играет пианиссимо. На лице Василия Фомича разлита нежность. Он дирижирует с лебединой грацией. Он даже слегка подпевает от избытка чувств. Неожиданно барабанщик, который некоторое время шевелил губами, считая такты, решил, что ему пора вступать, и со страшной силой ударяет по своему барабану. В оркестре смятение.

Василий Фомич силится что-то сказать, потом руки его опускаются, и он вдруг начинает плакать.

Оркестранты встают со своих мест и, протягивая вперед смычки и инструменты, кричат жалобными голосами:

— Ну, Василий Фомич! Ну, товарищ Македонский! Ну, он больше не будет.

му залу и видит, как в дверь входит ужас-
я процессия — дирижер джаза, зав. клубом и
казкружковцы. Они подходят к барьеру ор-
стра, и зав. клубом величественно протягивает
ку в сторону барабанщика.

Зав. клубом: Взять его!

Джазкружковцы подхватывают барабанщика
д руки и вытягивают его из оркестра.

Зав. клубом: Стыдно вам, товарищ Маке-
нский, срывать культмассовую работу в день
кого важного мероприятия, как полярный бал.

Вас. Фомич: История нас рассудит, това-
щ Бабашкин!

Процессия уходит. Василий Фомич поворачи-
ется к кружковцам.

Вас. Фомич: Друзья мои! Искусство тре-
ет жертв. Будем репетировать под рояль.

Репетиция продолжается.

Группа кружковцев громко поет, обступив
мяного усатого молодца, который стоит в по-
Афродиты, выходящей из воды: «Мусье Три-
, мусье Трике, шанте ву силь ву пле купле!»

Пока идет эта сцена, Василий Фомич бега-
от пианистки к артистам и обратно. Он вол-
ется, размахивает руками, хватается за свои
зыкальные уши.

часы.

Пианистка играет вступление к куплетам Трике. Василий Фомич дирижирует. Румяный усатый молодец, страшно волнуясь, начинает петь: «О, как приятен этот день...»

Затемнение.

Клава перед зеркалом. Это такая милая и хорошенькая девушка, что ее не могут испортить даже косметические ухищрения, которыми она занята.

Она щурит глаза и, передернув плечом, говорит воображаемому собеседнику:

— Вы с ума сошли!

Затемнение.

Перед зеркалом Альфред Тараканов. Он прихорашивается. Его комнатка наполнена автомобильными частями, которые использованы не по назначению. Автомобильный поршень служит здесь пепельницей, фара заменяет настольную лампу. А «дворник» для очистки ветрового стекла укреплен за окном. Он приводится в движение сложной системой рычагов.

Тараканов заканчивает свой туалет — сложный туалет сердцееда и обольстителя.

Затемнение.

Снова репетиция. Василий Фомич с руководством опытного балетмейстера показывает круж

тся пары.

Василий Фомич показывает Говоркову, как ıжен вести себя ревнующий Ленский.

Говорков тоскливо смотрит на часы.

Затемнение.

В танцовальном зале кружатся в фокстроте ›вые пары.

Клава, стоящая у стены, смотрит на часы.

Затемнение.

Снова репетиция. Говорков стоит возле стула, котором сидит девушка, исполняющая пар-о Ольги, и, поглядев на часы, начинает петь.

Говорков: «Все котильоны, все вальсы с егиным вы танцовали. Я приглашал вас, но л отвергнут...»

Девушка: «Ревнуешь ты напрасно. Мы : болтали с ним. Он очень мил».

Говорков: «Да-а-аже мил...»

Девушка: «Из пустяков ты сердишься...»

Говорков: «Котильон со мной танцуешь ?»

Онегин *(появляясь из-за стула Ольги):* е-э-эт, со мной. Не правда ль, слово вы мне ли?»

Девушка: «И сдержу я слово... Вот вам азанье за ревность вашу...»

Ольга пускается в пляс с Онегиным.

Вместо того, чтобы согласно замыслу А. С. Пушкина и Модеста Чайковского следить за ними ревнивым взором, Говорков смотрит на часы и нетерпеливо переминается с ноги на ногу.

Затемнение.

Полярный бал.

Клава смотрит на часы. Она рассержена. К ней подходит Тараканов, и она, вздохнув, идет с ним танцовать.

Затемнение.

Репетируют сцену ссоры.

Вас. Фомич *(хватаясь за голову):* Ну, кто так ревнует? Так на почте покупают марки *(Отталкивает Говоркова. Показывает. Поет.)* «Пусть господин Онегин мне объяснит свои поступки...»

Говорков: «Пусть господин Онегин мне объяснит свои поступки... Он не желает этого. Тогда пусть примет он мой вызов...»

Онегин: «Вы безумны!»

Говорков: «А вы... вы... вы... бесчестный соблазнитель!»

Все присутствующие на сцене *(под управлением Вас. Фомича):* Ах!

ет Говоркову шоферскую рукавицу на меху к раструбом. И он кидает ее к ногам «бесчестго соблазнителя» — довольно хилого человека взрачной наружности, с горящими глазами.

Затемнение.

Бальный зал.

Клава танцует с Таракановым.

Тараканов: Я, Клавдия Васильевна, в сти семейной жизни человек нежный и катерический и я требую чуткого отношения к човеку.

Клава *(жалобно):* Вы с ума сошли! *(Она смотрит на Тараканова, а водит глазами по лу, ища кого-то.)*

Затемнение.

На сцене Говорков поет арию Ленского «В шем доме». Василий Фомич сияет. Краснощея девушка, исполняющая партию старушки риной, смотрит на Говоркова с восхищением.

Говорков кончает арию. Все ему аплодиру-. Аплодирует даже Василий Фомич.

Вас. Фомич: Отлично, отлично! Теперь ю сцену сначала.

Говорков *(с ужасом смотрит на часы):* силий Фомич, мне пора.

пора?

Говорков *(тоном школьника):* Ей-богу, Василий Фомич, у меня мама больна... и производственное совещание... и...

Вас. Фомич: Стыдно, стыдно, стыдно, юноша! А еще хотите стать певцом. Певцом хотите стать. Певцом. Хорошо. Идите. Я вас не задерживаю.

Кружковцы стоят, потупясь. Говорков колеблется некоторое время, потом снимает с руки часы и прячет их в карман.

Говорков: Так я же ничего не говорю, Василий Фомич. Я пожалуйста.

Все становятся по местам. Василий Фомич взмахивает рукой.

Говорков *(поет):* «Все котильоны, все вальсы с Онегиным вы танцевали...»

Затемнение.

В танцовальном зале Клава танцует с Тара кановым. Полярный бал в разгаре. В зале шум но, тесно и весело. Барабанщик Костя лих орудует принадлежностями своей адской кухни Над головами танцующих теплая вьюга из кон фетти и серпантина.

В зале появляется Говорков. Он блуждае среди танцующих в поисках Клавы.

Тараканов подводит Клаву к стулу, усажи

Из толпы выходит Говорков. Бросается к Клаве. Тараканова он не видит. Музыка играет танго.

Говорков: Я так спешил, Клавочка. Ты давно пришла? Скорей идем танцовать.

Клава: Вы напрасно так торопились. Никуда я с вами не пойду.

Говорков: Не сердись, Клава.

Клава: Я не сержусь.

Говорков: Если бы ты знала, как все хорошо, как я счастлив...

Клава: Даже счастлив?

Говорков: Очень. Что с тобой случилось?

Клава: Ничего не случилось. Только я не люблю ждать.

Говорков: Но ведь я же пришел.

Клава: Могли и не приходить.

Говорков: Брось, Клава. Идем танцовать танго.

Тараканов: В части танго, Клавдия Васильевна обещались танцовать со мной. *(Обнимает Клаву за талию и, уводя ее, бросает Говоркову.)* Занимайте места согласно купленным билетам.

Под печальные звуки танго Говорков бродит

Останавливается у чучела свежевыкрашенного медведя, прислоняется к нему спиной и в муках ревности интенсивно стирает с медведя белую краску.

Тараканов танцует с Клавой.

Тараканов: Я, Клавдия Васильевна, ежедневно работаю над собой. От пяти до шести обедаю, а от шести до восьми работаю над собой. А потом я свободен и культурно развлекаюсь.

Клава: Какой-то вы нудный, Альфред Терентьевич.

Тараканов: Я, Клавдия Васильевна, люблю все красивое. Вот, например, мои отсталые родители дали мне пошлое имя Федор. А я переменил его и теперь называюсь красивым заграничным именем — Альфред. И от любви я тоже требую в первую очередь красоты...

Клава судорожно вздыхает.

Говорков отделяется от чучела.

В том месте, где к нему прикасалась спина Говоркова, медведь стал снова бурым.

Говорков походкой лунатика идет сквозь толпу танцующих. Все оборачиваются ему вслед и смеются.

ВЫСТРЕЛ РАЗДАЛСЯ

Торжественный день первого оперного спек-акля в клубе транспортников.

Все происходит так, как об этом, несомнен-о, мечтал Василий Фомич.

За кулисами тесно, все напряжены, взволно-аны. Кто-то потерял усы. Из девушки, поющей [арину, гримеру никак не удается сделать ста-уху. Онегин сел на свой цилиндр и теперь градает. Василий Фомич ищет усы, помогает римировать Ларину, пытается выпрямить ци-индр Онегина. Пот стекает по его доброму лицу.

Третий звонок.

Василий Фомич лезет в люк, ведущий в ор-естр, и, стоя в нем по пояс, обращается с по-ледним напутственным словом к артистам.

Вас. Фомич: Я знаю, друзья мои, вы сей-ас волнуетесь. Я тридцать лет был на сцене все тридцать лет волновался. Это правильно. [а сцене нужно волноваться. Но перед тем, как ы начнем этот спектакль, я скажу вам: лово «опера» в переводе на русский язык зна-ит — труд. *(Скрывается в подполье.)*

В зрительном зале гаснет свет. Над барье-ом оркестра появляется Василий Фомич. Он гучит палочкой.

Под чуть приглушенные звуки увертюры —
уборная, где одеваются Онегин и Ленский. Говорков, уже загримированный, но без фрака, наливает из графина воду в стакан. Его руки дрожат.

Онегин никак не может натянуть на ногу классический ботфорт с желтым отворотом. Он прыгает по всей уборной на одной ноге, рычит, вращает глазами.

Говорков смотрит на прыгающего Онегина, и в его глазах Онегин то пухнет до невероятных размеров, то становится микроскопическим.

Онегин *(в ярости)*: Я, кажется, сегодня кого-нибудь убью.

Говорков в изнеможении опускается на стул, на котором стоит уже сильно деформированный цилиндр Онегина. Онегин хватается за голову

В фойе, у входа в зрительный зал, напирают опоздавшие.

К билетеру подходит толпа мальчиков. Один из них важно предъявляет контрамарку.

Билетер *(читает)*: «Прошу пропустить ребят из 7-го класса Б. Барабанщик Ф. Полосихин».

Билетер всплескивает руками.

В углу оркестра Ф. Полосихин испуганн считает такты. Бьет в барабан.

Говорков начинает арию «Я люблю вас, Ольга». Но на партнершу он не смотрит. Он смотрит в зрительный зал. Зал маленький, и хорошо освещенная сцена дает возможность ясно рассмотреть всех в нем сидящих.

Перед глазами поющего Говоркова проходят одно за другим лица зрителей. Среди них много родных и знакомых. Все пришли посмотреть на триумф Пети Говоркова. Тут и друзья-шоферы, которые одобрительно ему подмигивают, тут и мама с Люсей, окоченевшие от волнения, и жильцы коммунальной квартиры.

«Я люблю тебя, я люблю-у тебя» — поет Говорков. Но Клавы нет в зале.

Затемнение.

Клава в своей будочке, в гараже.

Клава *(в телефонную трубку, рыдающим голосом):* Сейчас, высылаю. Номер 14-18. Товарищ Карпухин, вам выезжать.

Опершись на свой ЗИС и скрестив на груди руки, стоит Альфред Тараканов.

Клава сдает дежурство другой девушке.

Клава: Скорее, Любочка, скорее, я и так опоздала. *(Выбегает из будки и бежит к воротам.)*

Внезапно дорогу ей преграждает Тараканов.

Тараканов: Клавдия Васильевна, будем

кино «ударник».

Клава: Я иду в клуб.

Тараканов: Клавдия Васильевна, пропадут билеты. Это некультурно.

Клава: Знаете что? Оставьте меня в покое.

Тараканов: Так вы идите, Клавдия Васильевна, а я быстро смотаюсь, продам билеты и тоже приду Петьку слушать.

Клава убегает.

Затемнение.

На сцене кончается бал у Лариных. Любители разошлись, и все идет, как по маслу. Говорков поет с увлечением. Онегин чудится ему Таракановым, Ольга — Клавой. Он по-настоящему ревнует и ненавидит.

Василий Фомич одобрительно кивает ему с дирижерского места.

Действие кончается под гром аплодисментов.

Антракт. Клава пробивается навстречу потоку зрителей, выходящих в фойе.

Она подбегает к барьеру оркестра, где никого уже нет, и только Василий Фомич, тихо топая ногами, трагическим шопотом распекает юного барабанщика.

Вас. Фомич: Ты что, смерти моей хочешь? Ты хочешь опозорить меня на весь мир?

Пользуясь тем, что Василий Фомич отвернулся, мальчик исчезает.

Клава *(перегнувшись через барьер)*: Вы, Василий Фомич. Я знаю...

Вас. Фомич: Завтра, юноша, завтра.

За спиной Клавы возникает фигура Тараканова. Ни Клава, ни Василий Фомич не видят его. Он садится на стул в первом ряду и прислушивается к их разговору.

Клава: Нет, мне нельзя завтра. Мне обязательно надо сегодня его увидеть.

Вас. Фомич *(нетерпеливо)*: Кого увидеть? Меня увидеть?

Клава: Петю. Понимаете? Говоркова. Меня не пустили к вам за кулисы. А я должна его увидеть. Немедленно. Понимаете?

Вас. Фомич: Не понимаю. Случилось какое-нибудь несчастье?

Клава: Хуже. Он все время писал мне письма. Мы поссорились... но это неважно. Сегодня он написал, что если я не приду на спектакль, то он... он... не будет больше меня любить. Но это тоже неважно.

Вас. Фомич: А что же важно?

Клава начинает тихо плакать, вытирая глаза собранным в комочек платком.

Вас. Фомич (*вдруг страшно пугается*). Ну, голубушка, ну, умоляю вас, ну, серьезно... В такой день... Он вернется, ваш юноша.

Клава: Да не он вернется. Я хочу вернуться.

Вас. Фомич: Вот и отлично. Вот и вернитесь после спектакля.

В оркестре появляются оркестранты. Тухнет свет.

В артистической уборной — Говорков, готовый к выходу. Он в плаще и в громадном цилиндре.

В уборную входит Тараканов.

Тараканов: Ай-яй-яй, какие интересные шляпки носила буржуазия.

Говорков: Ладно, ладно, какие надо, такие носила. Тебе чего?

Тараканов: Известная вам Клавдия Васильевна Белкина просит вас, гражданин Говорков, прекратить некультурное отношение.

Говорков: Ой, Тараканов, схлопочешь ты сегодня по морде!

Тараканов: Ноль внимания, фунт презрения.

Говорков: Пошел вон!

Тараканов: И просили передать вам, чтобы вы не утруждались больше писать письма,

Говорков бросается на Тараканова, но тот исчезает.

В оркестре первые такты вступления к сцене дуэли.

Клава сидит в первом ряду. Возле нее пустой стул.

Раздвигается занавес. На сцене — полотняный лес и маленькая мельница. На первом плане деревянный обрубок, покрытый куском ваты. Суровая оперная зима.

Рядом с Клавой садится Тараканов.

На сцену выходит Ленский в сопровождении секундантов. Глаза его блуждают. Но первые несколько реплик картины проходят гладко. Говорков садится на деревянный обрубок и кладет голову на руку.

Оркестр играет интродукцию к арии «Куда, куда вы удалились».

Говорков поднимает голову, смотрит в зрительный зал и сразу же видит — в первом ряду, прямо против него, сидит Клава. Ей что-то нашептывает Тараканов.

Говорков вздрагивает, глаза его стекленеют, и он погружается в прострацию.

Клава *(Тараканову злым шопотом):* Если вы от меня не отстанете, я милицию позову.

ношения.

Клава: Боже, какой идиот!

Тараканов *(самодовольно улыбаетс крутит усики):* Вы так думаете?

Василий Фомич дает знак Говоркову нач нать. Лицо его безмятежно. Он предвкуша триумф своего питомца. Но происходит неч ужасное. Питомец молчит.

Лицо Василия Фомича искажается.

В оркестре смятение и разноголосица.

Суфлер *(громко шепчет):* Куда, куда і удалились.

Говорков *(неожиданно начинает петь р читатив из сцены бала):* «Все котильоны, в вальсы с Онегиным вы танцовали». *(Рыдающі голосом.)* «Я приглашал вас и был отвергнут»

Вас. Фомич *(подсказывает громко):* «К да, куда вы удалились»... С ума ты сошел.

Друзья шоферы из публики *(гро ко кричит):* «Куда, куда вы удалились...»

Клава закрывает лицо руками.

Оркестранты встают и смотрят на сцену.

Тараканов удовлетворенно подкручива усики.

Вас. Фомич: Занавес!

Из-за кулис выбегает разъяренный Онегин

Ленского. Из дула пистолета вырывается сноп пламени. Говорков поднимается, наконец, со своего обрубка, со слепу шатаясь, бредет по сцене и опрокидывает куст. На сцене — полный развал.

Наконец, дают занавес, но правая его половина заедает. Задвигается только левая. Видно, как по сцене в страшной панике бегают люди.

Говорков входит в свою уборную и срывает с себя костюм Ленского. Швыряет цилиндром в графин с водой. Графин опрокидывается. Льется вода.

В комнату вбегает Клава.

Клава: Петенька...

Говорков *(злобно смотрит на нее):* Убирайтесь. Все убирайтесь. Понятно?

Клава резко поворачивается и выбегает.

Уборная наполняется народом. Здесь шоферы — друзья Говоркова, участники спектакля, оркестранты. Все что-то кричат и размахивают руками. Последним входит Василий Фомич. Наступает тишина.

Вас. Фомич *(кротко):* Что вы наделали?

Говорков *(орет):* Ну, чего вылупились? Не нужна мне ваша жалость. Понятно? *(Рыдающим голосом.)* Убирайтесь. Все убирайтесь.

Затемнение.

ДРУЗЬЯ

На следующее утро в комнате Говоркова.

Говорков сидит на неубранной постели, полуодетый, запустив пальцы в растрепанные волосы. Поза его выражает отчаяние. На столе, рядом с кроватью, пепельница, заваленная окурками. Рядом с ней — парик Ленского.

У окна Люся собирает книги, чтобы итти в школу.

Мать сидит за столом и вытирает полотенцем стаканы.

Люся: Скорей одевайся, а то опоздаешь.

Говорков молчит.

Мать: Иди, иди, Люсенька. Петя сегодня в вечерней смене. Верно, Петенька?

Говорков молчит.

Люся уходит.

Мать: Хоть бы чаю выпил.

Говорков молчит.

Мать: Я творог сегодня купила. Хочешь? С сахаром.

Говорков молчит.

Мать: Может, за папиросами сбегать?

Говорков молчит.

По лестнице, где живет Говорков, робко неуверенно поднимается Клава. Останавливаетс

руку, прислушивается, снова хочет позвонить и опять не решается. Начинает медленно спускаться с лестницы. У выхода на улицу она сталкивается с Василием Фомичом. Он уступает ей дорогу.

Снова комната Говоркова. Он сидит в прежней позе.

Стук в дверь. Мать открывает, и в комнату входит Василий Фомич. Он спокоен и деловит.

Говорков сидит в прежней позе, не поднимая головы.

Вас. Фомич *(матери):* Ночь, конечно, не спал?

Услышав голос Василия Фомича, Говорков вскакивает, но Василий Фомич не обращает на него никакого внимания.

Мать: Ну, вот ни капельки не спал.

Вас. Фомич: Отлично. Так и должно быть. Плакал?

Мать: Нет. Плакать не плакал.

Вас. Фомич: Вот это хуже. Наверно, всю ночь курил?

Мать: Курил, одну за другой курил.

Вас. Фомич: Все, как по нотам. Когда я в первый раз провалился в Харькове, я выкурил за ночь сто пятьдесят папирос. *(Искоса поглядывает на Говоркова.)* Форточку надо открыть. А курить совсем бросить.

Вас. Фомич: Правильно, юноша, правильно. И я не знал, что делал, когда провалился в Казани. *(Обнимает Говоркова.)*

Мать на цыпочках уходит из комнаты.

Вас. Фомич *(ласково похлопывая Говоркова по спине):* Итак, юноша, к пяти часам утра вы решили, что жизнь кончена? Правда? Было такое?

Говорков: Было.

Вас. Фомич: А потом вы стали думать, что так все было хорошо раньше: вы ездили в такси, пели песни, знакомые вас похваливали, девушки вас любили... И вдруг появился этот старый дурак Василий Фомич и все испортил. Пообещал с три короба — славу, успех, победу. И обманул вас. Думали так?

Говорков *(со вздохом):* Думал.

Вас. Фомич: Значит, споткнулся и сразу вдребезги?

Говорков: Так ведь трудно мне.

Вас. Фомич: Вот, вот, это самое. Трудно. А вы думали, что стать артистом легко? Собинов проваливался, Баттистини проваливался, Василий Македонский проваливался четыре раза. Один Говорков не хочет проваливаться. Понимаете, не хочет. Так знайте, юноша, что прова

ертвы и обиды. И будет очень много тяжелой боты. Послушайте, что я вам скажу. *(Усажи-ет его на кровать и сам садится с ним рядом.)*

Затемнение.

По лестнице поднимается группа людей. Сре-ь них приятели Говоркова — шоферы, нервный негин, краснощекая юная Ларина, скрипач из кестра.

Первый шофер: Вы подождите, ребята, удобно всем сразу лезть. Человек в таком со-оянии...

Затемнение.

В комнате Говоркова.

Говорков: Вы говорите, учиться. А на ка-е деньги? А работать кто будет? У меня мья на руках.

Вас. Фомич: Да, об этом я не подумал.

Стук в дверь. Входит первый шофер. Он ущен и от смущения развязен.

Первый шофер *(суетливо):* Здорово, Пе-! Интересная у тебя комната. А! Мое почте-е! *(Здоровается со Василием Фомичом.)* Пого-сегодня — прямо весна.

Стук в дверь. Входят Ольга с Онегиным.

Ольга: Здравствуйте, Василий Фомич... Как ожиданно. Ах, как вы высоко живете, това-

ру.) Ах, вы здесь. Погода сегодня...

Онегин: Прямо весна.

Стук в дверь. Входят сразу четыре человека.

Второй шофер: Погодка сегодня... *(Смущенно кашляет.)*

Вас. Фомич: Прямо весна?

Второй шофер: Вот именно.

В дверь без стука вваливаются пять человек.

Говорков: Что ж вы стоите, товарищи, присаживайтесь. Вот только...

Немая сцена рассаживания на трех стульях, кровати и обеденном столе двенадцати человек.

Первый шофер: Так что ж получается, товарищи, налицо все пять членов месткома. Вроде как бы собрание. Будем считать, как говорится, открытым?

Онегин: Валяй, валяй, Малышев, чего там размазывать!

Первый шофер: Так, если позволите, товарищи, я коротенько. Что мы имеем? Мы имеем, товарищи, талант, который, товарищи, как бы сказать, находится среди нас. А к чему, товарищи, зовет нас партия и наше правительство? К тому, чтобы таланты растить и так далее.

Онегин: Правильно.

Первый шофер: Товарищи, не будем иг

оварищ Лисицына.

О л ь г а *(волнуясь):* От имени группы работ-иков нашего гаража № 87 имеется предложе-ие послать товарища Говоркова для обучения в осударственную консерваторию.

Все аплодируют. Говорков стоит совершенно столбеневший.

П е р в ы й ш о ф е р: Так что ж, товарищи, удем считать эти аплодисменты...

Затемнение.

Из затемнения. Листок бумаги, на котором кенская рука заполняет графы шоферской пу-евки.

На листок падает капля. Чернила слегка рас-лываются. Теперь видно, что листок заполняет Клава.

Кончив писать, она протягивает листок в око-ечко, отсылая в очередной рейс очередного шо-ера.

Шофер отходит от окошечка и показывает исток товарищам, кучкой собравшимся у вер-така и что-то обсуждающим.

Ш о ф е р: Плачет!

Шоферы сокрушенно качают головами. Сразу идно, что судьбой Клавы заинтересован весь араж.

развалился на заднем кресле своего ЗИСа и разглядывает себя в карманном зеркальце.

В гараж входит Говорков.

Все взоры устремляются на него. Клава вздрагивает и искоса на него поглядывает. Она очень взволнована. Ей видно, как Говорков подходит к группе шоферов, смеясь, о чем-то говорит с ними, прощается, подходит к своей машине, достает из нее комбинезон и рукавицы. Потом, точно прощаясь с конем, похлопывает машину по радиатору. Наконец, вздохнув, поворачивается и встречается глазами с Клавой. Она отводит глаза.

Говорков решительно направляется в ее сторону.

Весь гараж наблюдает за влюбленными: один из шоферов замер с паклей в руке; жевавший перестал жевать; барабанщик Костя смотрит из-под машины; дверь с надписью «Завгар» приоткрывается и оттуда высовывается усатая голова.

Говорков у окошечка Клавы.

Говорков: Клава, ты послушай... Это, знаешь, трудно сказать. Все как-то перепуталось. Я, конечно, виноват. Но, по-моему, нужно просто. Если ты меня любишь, давай мириться.

Клава на минуту отворачивается. Зрителю

сто мешает примирению влюбленных,— стремление помучить, гордость, потребность укрепить юю власть.

И когда Клава поворачивает свое лицо к Горкову, оно выражает полнейшее равнодушие.

Клава: Ну, а если не люблю?

Говорков оглушен. Секунду он смотрит перед эбой, потом резко поворачивается и быстро выходит из гаража.

Все это так неожиданно для Клавы, что она скакивает с места, хочет выйти из своей буочки, снова садится, снова вскакивает.

Она не бежит за Говорковым только потому, то в этот момент десятки глаз устремлены на ее.

Тараканов вылезает из автомобиля, подходит двери гаража и тщательно ее закрывает.

Тараканов: Расстались гордо мы... *(Он одходит к Клаве.)* Или вы выходите за меня амуж или — одно из двух!

Клава смотрит на Тараканова невидящим зглядом.

Тараканов: Товарищ Белкина! Будьте заимно вежливы!

Клава, не глядя на Тараканова, выскакивает з будки и подбегает к двери завгара.

Клава: Степан Степаныч! Не нашли еще завгара в Подольск? Я поеду!

Затемнение.

Клава с чемоданом и корзинкой выходит из поезда на маленькой станции.

Затемнение.

Комната Василия Фомича. Это типичная комната старого актера — с засохшими венками на стенах, с коробкой из-под цилиндра на большом зеркальном шкафу, со стареньким фортепьяно, над которым висит множество фотографий усатых актеров в гриме и без грима, с надписями. За фортепьяно — Василий Фомич. Рядом стоит Говорков и, зажав во рту карандаш, поет экзерсисы.

Затемнение.

Говорков в своей комнате, стоя у окна, поет экзерсисы. Вечер. Люся сидит за столом, зажав руками уши, и зубрит.

Та дама, которую мы когда-то видели в японском халате с драконом, мечется у себя в комнате из угла в угол, потом подбегает к стене и начинает стучать в нее кулаками.

Затемнение.

Большой консерваторский класс. Это комната с голыми стенами, в которой стоят только два

›дной прической. У рояля, глядя в окно, сто-
Говорков и, придерживая язык ложечкой,
›ет экзерсисы.

Перед ним, за окном, характерный кусочек
›родского пейзажа: чахлое деревцо, верхняя
ıсть водосточной трубы, угол крыши двухэтаж-
›го московского домика, окно этого домика с
.той, положенной между рамами. Этот кадр и
:сколько дальнейших кадров проходят перед
›ителем под монотонные звуки экзерсисов.

На крыше лежит смерзшийся снег. Ветви де-
эва голы. С водосточной трубы свисает боль-
ая сосулька.

Затемнение.

Тот же пейзаж. Снега на крыше уже нет.
:ет и сосульки. На дереве набухают почки. В
ткрытом окне стоит женщина в подоткнутой
›бке и моет стекло. Очень много солнца.

Затемнение.

То же окно с закрытыми шторами. То же
ерево, покрытое листьями. Та же труба. Та же
рыша. На крыше греется кот.

Затемнение.

Экзерсисы все продолжаются. Тот же пей-
аж. Ветер гонит по крыше сухие листья, рас-
ачивает ветви почти голого дерева. Все это

зает.

Затемнение.

То же дерево, теперь покрытое снегом. Но домика уже нет. Вместо него — кирпичная стена нового дома с окнами, забитыми фанерой, в которой вырезаны небрежно застекленные четырехугольники.

Затемнение.

Экзерсисы продолжаются.

На дереве перед окном опять набухли почки. За ним стоит новый дом, белый, светлый, с широкими окнами. Виден балкон, по которому бегает маленькая девочка.

Аппарат отъезжает. Мы видим раму окна, сквозь которую смотрит Говорков, потом самого Говоркова, поющего экзерсисы, потом учительницу, сидящую за роялем, и, как прежде, пустой и холодный консерваторский класс, где ничего не могло измениться. Изменился только Говорков. Он немного возмужал и похудел. Он в другом костюме.

Учительница: Ну, довольно. Теперь давайте Глинку.

Она играет вступление к романсу Глинки «Я помню чудное мгновенье». Говорков поет. Он по

Он кончает, прощается с учительницей и аскрывает дверь в коридор.

За дверью собралась большая толпа консерваторских учеников. Они слушали пение.

Смущенный их вниманием, Говорков проходит сквозь толпу и идет по коридору. Из всех дверей, выходящих сюда, слышна музыка, странная музыка консерваторского коридора: виртуозно исполняемые на рояле гаммы перемежаются с мягким звуком валторны, с ученическим скрипом скрипок и визгливыми голосами певиц.

Говорков выходит из подъезда консерватории и останавливается в раздумье. Ему, видимо, все равно, куда итти.

Он медленно идет вдоль улицы.

Весенняя Москва. Солнце, сверкающее в автомобильных фарах. Корзины с мимозами на углах улиц.

Говорков на перекрестке. Он покупает большую ветку мимозы. Некоторое время колеблется. Потом решительно сворачивает в переулок.

Снова весенние московские пейзажи. Все эти куски, начиная с выхода на улицу, сопровождаются оркестровой разработкой романса «Я помню чудное мгновенье».

Минуту колеблется. Потом входит. Здесь вс попрежнему. Церковный солнечный свет, падак щий из окон. Лужи воды на цементном пол Несколько автомобилей.

К Говоркову подбегает первый шофер.

Первый шофер: А, Ленский! Ну, как де ла? Что ж ты никогда в гараж не зайдешь?

Говорков: Ведь мы же и так видимся. (*замешательстве.)* Ну, а как у вас тут?

Первый шофер: Все попрежнему. Тольк Тараканова нет. Ушел в другой гараж, собак За длинным рублем.

Говорков: Ну?

Из диспетчерской будки слышен телефонны звонок. В окошечко видно, как женская рук берет трубку.

Говорков замирает, прижав ветку мимозы груди. Потом изгибается, чтобы взглянуть окошечко, и видит... хорошенькую девушк Клавиных лет, сидящую на Клавином месте.

Говорков *(шоферу):* А... Белкина, в ве черней смене сегодня?

Первый шофер: Она уже год, как у на не работает. А ты разве с тех пор ее не видел

Говорков: Н-ет, с тех пор не видел.

Затемнение.

Говорков: Белкина Клавдия Васильевна ма?

Женщина: Белкина больше здесь не вет.

Затемнение.

Говорков у будки справочного бюро. Девуш протягивает ему справку. Он читает:

«Клавдия Васильевна Белкина, 19 лет. В Мове не проживает».

Часть шестая

АПОФЕОЗ

Начинается увертюра к «Евгению Онегину». ительный зал оперного театра. Занавес, освенный снизу.

В оркестре — суровые будни. Та же арфика, что и вначале, читает роман. На этот з роман, очевидно, смешной, и она улыбает. Продолжая улыбаться, она поворачивается к фе и берет два аккорда.

Фаготист читает «Вечернюю Москву». Судя мрачному выражению лица, он читает отдел оисшествий.

В комнатке, рядом с оркестром, играют в мино два человека. Вдруг они поднимаются,

вступление. Один из них сильно бьет в турец кий барабан. Другой ударяет в тарелки. Сделаı свое дело, они тотчас же уходят.

На сцену бегут Ларина и няня. Пробегаю мимо пожарного.

Татьяна смотрит через дырочку занавеса ; зал.

В уборной гримируется Говорков.

Василий Фомич в старомодном сюртуке галстуке, напоминающем махаона, торжественн разбивает яйцо о край стакана и сливае белок.

Говорков: Нет, Василий Фомич, это ни чем нельзя сравнить. Вот если бы я своей ма шиной задавил человека, ей-богу, мне не был бы так страшно, как сейчас.

Вас. Фомич *(проникновенно)*: Помни, Пє тя, с сегодняшнего дня ты профессиональны артист. Ты можешь волноваться, страдать, т можешь быть даже болен. Но петь ты обяза всегда хорошо. *(Протягивает ему стакан.)* Пей

На сцене Татьяна и Ольга поют дуэт «Сли хали ль вы».

Ложа бенуара, рассчитанная на шесть челс век. В ней сейчас не менее пятнадцати. Тес сгрудившись, взволнованные и бледные, здеı

За кулисами, у самого выхода на сцену, сто-
Говорков в костюме Ленского и пожилой ак-
) в костюме Онегина. В последнюю минуту
)ед выходом актер обнимает Говоркова и
эгка похлопывает его по спине.

Пожилой актер: Ну, смелей. Сразу же
этрите на дирижера. Пошли.

Он подталкивает Говоркова, и они выходят
сцену.

Наплыв.

Бревенчатая комната, какие бывают в зим-
х подмосковных дачах. За столом с книгой
дит Клава. Она увлечена чтением. Против нее
кресле сидит старушка в очках и дремлет.

На столе — репродуктор. Идет трансляция
вгения Онегина».

Голос Говоркова из репродуктора: «Медам, я
себя взял смелость привесть приятеля. Реко-
ндую. Онегин — мой сосед...»

Клава вскакивает.

Старушка просыпается и смотрит на нее со
рахом. Клава хватает ее за плечо.

Клава: Это он, бабушка, честное слово!
'о его голос. *(Замирает у репродуктора.)*

Василий Фомич за кулисами отбивает такт
гой. Только теперь видно, как он волнуется.

кутен в трубку тетрадью в руках.

Помреж: Поверьте мне, Василий Фоми этот споет. Он всем покажет. Я такого темб тридцать лет не слыхал.

Вас. Фомич: Да, да, да. Подождите, п дождите, что дальше будет... Еще ничего неи вестно.

На сцене Говорков начинает петь арию « люблю вас, Ольга». Он теперь спокоен. Правд вместо того, чтобы смотреть на свою партнерш он не спускает глаз с дирижера, но голос е звучит превосходно.

В ложе друзей пятнадцать пар глаз устре лены в одну точку.

В амфитеатре сидит дама с драконом. Т перь она расфуфырена в худшем смысле это слова. Она пихает своего соседа локтем.

Дама с драконом: Этот, который по Ленского, живет в нашей квартире. Ей-богу!

Клава у репродуктора. Она в пальто и б рете.

Бабушка: Ну, куда ты поедешь, на но глядя?

Клава: Тише. *(Слушает.)*

Говорков на сцене кончает арию. Аплоди менты.

Бабушка бежит за ней.

Бабушка: Ты что это выдумала? Никуда я тебя не пущу.

Клава *(со слезами):* Да перестаньте вы, бабушка, не мучьте меня. Ведь до города всего сорок минут. Я же на поезд из-за вас опоздаю, на восемь двадцать.

Убегает.

Улица маленького подмосковного городка. Зима.

Клава бежит по улице.

Затемнение.

Внешний вид Большого театра. Театральная площадь.

Тараканов дремлет в своем ЗИСе, поджидая пассажиров.

Перрон дачной станции. Клава ждет поезда.

В темноте возникает глаз электрички. Освещенный вагон останавливается перед Клавой. Она вскакивает на площадку.

Поезд гудит и трогается с места.

Сцена Большого театра. Говорков начинает арию «В вашем доме».

Оркестр. Арфистка забыла о своей книге. Книга валяется рядом с арфой. Арфистка внимательно слушает.

уголок, встал со своего места и смотрит на сцену.

Оркестрант, играющий на тарелках, застыл со своими тарелками в растопыренных руках.

К Василию Фомичу, стоящему за кулисами, подходит старик-рабочий со стулом.

Р а б о ч и й: Вы бы сели, Василий Фомич.

В а с. Ф о м и ч: После, после...

Р а б о ч и й: А ведь я помню, как вы это пели, Василий Фомич.

В а с. Ф о м и ч: Бросьте, Никита Иванович, я так никогда не пел.

В ложе друзей Говоркова. Первый шофер и Онегин стоят на одном стуле, слившись друг с другом, как Сиамские близнецы. То, что они сохраняют равновесие и не падают со стула, можно объяснить только чудом.

Говорков на сцене кончает арию. Аплодисменты.

Клава в вагоне поезда. Она нервничает. Глядит в окно.

В окне проносятся путевые огни. На горизонте возникает электрическое зарево столицы.

Конец антракта в Большом театре. Сейчас в ложе только мать и Люся.

Л ю с я: Не плачьте, мама. Люди смотрят. Спрячьте платок.

кении, как боксер в перерыве между раунда-
Пот стекает по его загримированному лицу. Василий Фомич обмахивает его полотенцем и (рит.

Г о в о р к о в: Если вы спросите меня сей-, счастлив ли я, я отвечу вам: я счастлив, не так, как если бы...

В а с. Ф о м и ч: Знаю, знаю... Если бы Клава ла здесь. Я слышал это от тебя тысячу раз. слышать не хочу. Нашел о чем говорить пе- выходом.

Клава выходит из дверей вокзала, сбегает по пеням, вскакивает в автобус.

Дирижер взмахивает палочкой. Занавес раз-гается.

Клава бежит под портиком Большого театра. Говорков выходит на сцену.

Клава распахивает какую-то дверь. Привратник преграждает ей дорогу. Она отталкивает и мчится вверх по лестнице.

Снова дверь, снова привратник.

К л а в а: Мне Говоркова.

П р и в р а т н и к: Нельзя на сцену.

Клава молча пробегает мимо него. Чем даль- Клава бежит, тем явственнее становятся ки оркестра.

«Куда, куда вы удалились».

Клава *(отчаянным шопотом):* Василий Фомич!

Вас. Фомич: Тише, тише. *(Обнимает ее за плечи.)*

Они замирают. Говорков начинает петь последнюю арию Ленского. Все женщины в первом ряду кажутся ему Клавами.

(Ария с начала до конца.)

Говорков кончает петь.

Овации.

У Василия Фомича и у Клавы по щекам катятся слезы. Клава делает попытку уйти. Василий Фомич удерживает ее за руку.

Вас. Фомич: Куда вы?

Клава: Домой.

Вас. Фомич: Ладно, пойдем. *(Уводит ее.)*

На сцену выходят Онегин и его секунданты. *Затемнение.*

Из затемнения. Занавес опускается.

В ложе друзей происходит чорт знает что.

Друзья обнимают друг друга. Бешено аплодируют. Им теперь так тесно в ложе, что они выпирают из нее, как опара из формы. Маленький Онегин с горящими глазами неистовствует больше всех. Он перегибается через барьер ложи все дальше и дальше. Наконец, верхняя

тотчас же вскакивает на ноги и продолжает ıть.

Говорков один раскланивается перед зана- ɔом.

Из оркестра ему аплодируют музыканты.

Затемнение.

Говорков под руку с Василием Фомичом дходит к дверям уборной.

Вас. Фомич: А какой я тебе лавровый нок приготовил!

Жестикулируя, он подводит Говоркова к две- уборной и распахивает ее.

Говорков видит Клаву.

Затемнение.

В театральном буфете. Идет пир горой. На оле батарея бутылок с так называемым «Те- ральным напитком». Друзья Говоркова сдви- ют бокалы.

Из театрального подъезда выходят Клава, асилий Фомич и Говорков.

Подходят к такси, стоящему у театра.

Вас. Фомич: Ну, друзья мои, вы меня из- ıните, но я вас оставлю. Дела, дела...

Говорков и Клава: Куда вы, Василий омич, голубчик?

доберусь. (*Убегает.*)

Говорков и Клава усаживаются в машину.

Шофер: Куда ехать?

Он оборачивается. Влюбленные узнают Тараканова. Тараканов узнает их.

Говорков: Прямо. (*Неопределенно машет рукой.*)

Тараканов громко вздыхает и трогает с места.

Автомобиль удаляется.

Евг. ПЕТРОВ и Г. МУНБЛИТ

ІТОН ИВАНОВИЧ СЕРДИТСЯ

Под громогласные звуки органа появляются ры:

АНТОН ИВАНОВИЧ СЕРДИТСЯ
(Музыкальная кинокомедия)

Действующие лица:

тон Иванович Воронов — органист, профессор консерватории.
талия Михайловна — его жена.
на — их дочь, виолончелистка. Сухая девушка 25 лет.
ма — их вторая дочь, певица 22 лет.
тя — их сын 12 лет.
ексей Мухин — композитор.
рафим Керосинов — композитор, жилец в квартире Воронова.
епан Степанович Скворешников — директор театра музыкальной комедии.
вига Валентиновна Теплицкая-Холодова — опереточная певица 47 лет.
ов Григорьевич Кибрик — ее муж, эпереточный комик.

Старички — друзья Антона Ивановича, ре жиссер, актеры, музыканты, подруги Сим профессора и ученики консерватории и т.

Небольшой концертный зал с органом в глу бине эстрады.

На органе играет Антон Иванович Вороно Исполняется фуга Баха.

Под заключительные ее аккорды аппар движется вдоль первых рядов зала, задержив ясь на особенно характерных лицах слушат лей. Это записные любители классической м зыки. Они сосредоточены и очень торжественн У многих закрыты глаза.

В конце первого ряда сидит семья Вороновы

Наталия Михайловна в черном шелковом пл тье с высоким воротником на пластинках из к тового уса. Она теребит платочек: на лице написано обожание.

Рядом с нею Дина. Она, как и мать, в чер ном. Сидит выпрямившись, устремив глаза в о ну точку.

Дальше, удобно развалившись в кресле, п коится Керосинов. Он прищурил один глаз, вы тянул ноги и, незаметно для окружающих, п чесывается под жилеткой.

По правую руку от него Сима. Она вним

Іоследним в ряду ерзает на приставном сту- младший отпрыск семьи Вороновых — Витя.
\нтон Иванович кончает играть.
\плодисменты.
\нтон Иванович раскланивается. Снятый сни- эн очень величественен в своем черном сюр- и золотых очках на фоне сверкающих кону- и труб большого органа.
Семья Вороновых и Керосинов поспешно вы- ются из зала, аплодируя на ходу.
\ртистическая комната. Антон Иванович вы- ıет платком лоб и шею. Вокруг небольшая ıпа пожилых людей — видимо, музыкантов. поздравляют его.
тарик в высоком воротничке: ıезное, очень серьезное исполнение! Пожа- Антон Иванович, теперь никто кроме вас не сыграет.
,ругой старик *(хлопая Антона Ивано- по плечу):* Стар золотник, да дорог!
.нтон Иванович: Вашими бы устами...
тарики дружно смеются.
артистическую комнату входят Наталия айловна, Дина, Сима, Витя и Керосинов.
[аталия Михайловна: Боже мой! мокрый!

вившаяся традиция) она помогает Антону Ив
новичу снять сюртук и надевает на него св
бодный домашний пиджак.

Антон Иванович *(отдавая себя в ра
поряжение жены):* Нет, уж что там ни говор
а старое — старится. Вот, рекомендую, на-дн
кончает консерваторию! *(Обнимает Симу.)* О
вам всем покажет. Моя гордость!

Сима: Нет, это ты наша гордость! *(Неж
целует отца.)*

Дина *(подходит с другой стороны):* У те
сегодня очень хорошо звучало адажио в п
мольной сонате.

Антон Иванович подставляет ей щеку. Пото
целует Витю.

В кадре появляется Керосинов. Он протяг
вает Антону Ивановичу руку.

Керосинов: Поздравляю последни
(Горько улыбается.) Такова моя роль — во вс
и всегда быть последним.

Антон Иванович: Ну, что вы, Керос
нов, как вам не стыдно! Вы у нас первый, а
последний. *(Старикам.)* Скромничает. Седьм
год вынашивает симфонию.

Керосинов: Девятый.

Капельдинер вносит пальто и калоши.

Антона Ивановича одевают всей семьей.

ипичные гаммы.

Из затемнения. Старомодные стенные часы, :азывающие девять.

Аппарат опускается. Теперь видна столовая, рая петербургская столовая, каких немного алось сейчас. Видно, мебель в ней не переевляли уже лет тридцать. Большой обеденный л, над которым висит лампа, переделанная керосиновой. Громоздкий буфет. Раскрашене тарелки на стенах. Тяжелые резные стулья круг стола. В углу комнаты — арфа, перед і — пюпитр. В другом углу — рояль, фисгарния и еще несколько пюпитров. Над фисгарнией громадный портрет Баха.

За столом Наталия Михайловна. Она заканзает приготовления к утреннему чаю.

С последним ударом часов отворяется дверь в столовую входит Антон Иванович.

Антон Иванович: Девочки встали?

Наталия Михайловна: Умываются. *эичит.)* Витя! *(Гаммы продолжаются.)* Витя!

Комната мальчика. Витя, уставившись в энку, играет гаммы в терциях.

Услышав голос матери, он кладет скрипку кровать, снимает с шеи подушечку, завязанюо тесемками, и идет к двери.

Витя: Мама! Если ты мне дашь три ру
ля... И тогда я возьму мои девять... Тогда
меня будет двенадцать. И когда я пойду наз
из консерватории...

Наталия Михайловна: Витя, я те
уже говорила, никаких белых крыс я в дом
пущу.

Витя: Ма-а...

Антон Иванович: Прежде всего нуж
сказать «доброе утро».

Витя: Доброе утро. *(Садится и ест.)*

Наталия Михайловна: Что же Си
Вечно опаздывает!

Дина: Она, конечно, причесывается. Ты
знаешь, мама, какое это для нее важное за
тие.

Все смотрят на дверь. Она открывается. В
дит Сима. Достаточно взглянуть на нее, св
лую, свежую после умывания, чтобы понять,
сердиться на нее невозможно. Это любим
семьи.

Сима: Доброе утро.

Наталия Михайловна: Витенька,
неси Керосинову завтрак. Он, видно, опять
ночь работал. *(Передает Вите подносик с
траком.)*

Сима: Я понимаю только одно: девять лет ловек пишет свою эту, как ее, зоологическую мфонию...

Дина *(дрожащим голосом):* Физиологичеую.

Сима: Все равно. Ты слышала хоть один кт из этой самой физиологической симфонии?

Дина: Ты рассуждаешь, как дикарь.

Антон Иванович: Не ссорьтесь, девоч. Ты пойми, Симочка, это очень тонкий, очень ложный процесс — сочинять музыку! К талан нельзя подходить с обычными мерками. Я рю в Керосинова.

Сима: Знаю, знаю, сейчас вы скажете мне, го он несчастный, скромный, гордый, взыскаельный, что он написал четыре тысячи страниц рагментов к первой части симфонии и сжег эти рагменты... Кстати, где он их сжег? В комнах у нас центральное отопление, в кухне газ. то-то не верю я в эти фрагменты.

Дина: Дура!

Наталия Михайловна: Девочки, перестаньте! Витя, ну, чего ты стоишь? Иди.

Витя с подносиком выходит из комнаты.

Коридор.

Там ужасный беспорядок. На полу валяют ся клочья нотной бумаги, покрытые каракулямі Стол загроможден какими-то рукописями грязной посудой. На подоконнике — пустые бу тылки.

Керосинов, одетый, в ботинках, лежит на п стели, уткнувшись лицом в подушку.

Витя *(трогая Керосинова за плечо):* Кер синов, завтрак!

Керосинов недовольно мычит.

Витя на цыпочках выходит из комнаты.

Снова столовая. Теперь тут царствует ми Входит Витя.

Идет к окну. На окне — аквариум с золот ми рыбками. Витя высыпает в воду корм мешочка. Смотрит в окно.

Витя: Сима! Этот опять здесь! Честное п онерское! И на том самом месте!

Сима страшно смущена. Все на нее смотря

Наталия Михайловна: Это что-то н возможное. Совершенно незнакомый человек я ляется к нам под окно каждое утро, как службу.

Дина: Знаешь, Серафима, я бы на тво месте так его отбрила!..

Сима: Оставьте меня в покое!

ворника возвращается.

Все, кроме Симы, встают и подходят к окну.

Антон Иванович *(протирая очки):* А ну-ка, ну-ка... *(Смотрит в окно.)*

Сверху — тротуар противоположной стороны улицы. Алексей Мухин угощает папиросами дворника. Дворник засовывает папиросу за ухо и начинает подметать улицу. Мухин некоторое время прохаживается взад и вперед. Потом поднимает голову.

Семейство Вороновых отшатывается от окна.

Дина: Если бы ко мне пристал кто-нибудь на улице, я бы сказала ему... *(Становится в позу.)* «Если вы не перестанете меня преследовать, я буду вынуждена позвать милицию!» Просто хулиганство какое-то!

Сима: Никакого тут нет хулиганства. Если хочешь знать, он даже ни разу не пытался заговорить. Просто идет за мной до самой консерватории и молчит.

Дина: А тебе, наверно, хотелось бы, чтобы он с тобой заговорил?

Сима *(сквозь слезы):* Вечно ты скажешь какую-нибудь гадость!

Дина: С тобой в последнее время невозможно разговаривать. *(Нервно натягивает чехол на виолончель, собираясь уходить.)*

Мухин возле уличного фонаря. Терпели
ждет.

Из подъезда выходит Дина с виолончелью
Проходя мимо Мухина, она пожимает плечами
Но Мухин не смотрит на нее.

Дверь подъезда снова открывается. Тепер
выходит Витя со скрипкой. Он старается н
смотреть в сторону Мухина, но, поровнявшис
с ним, не выдерживает, прыскает и убегает.

Мухин смущенно колупает краску на фона
ном столбе.

На улице появляется Антон Иванович. Он
черной шляпе с большими полями. В руках
него зонтик. Выйдя из подъезда, он смотрит
небо, убеждается в том, что открывать зонти
нет необходимости, потом замечает Мухина, вы
прямляется и важно шествует по тротуару.

Смущенный Мухин отворачивается от него
принимается внимательно изучать афишу на ст
не дома.

В это время из подъезда выходит Сим
Глядя себе под ноги, она быстро пересека
улицу.

Мухин не видит ее. Он снова поворачивает
и выжидательно смотрит на дверь. Потом ра
сеянно оглядывает улицу и вдруг замечает уд
ляющуюся Симу. Устремляется за ней.

жаса подносит пальцы к вискам.

Улица. Сима идет быстро, маленькими шага-
и, попрежнему глядя себе под ноги.

Стараясь итти с ней в ногу, метрах в деся-
 позади семенит Мухин.

Внезапно дорогу ему преграждает так назы-
емый хороший знакомый, из тех, какие попа-
аются на пути человека раз в году в самых
удобных для него случаях, и мучительно до-
ытывается у него, как он поживает.

Хороший знакомый: Кого я вижу!
ухин! Миша! *(Хватает его руку и с энтузиаз-
ом трясет ее.)*

Мухин: Меня зовут Алексеем и потом я
чень спешу. Понимаешь, в театр. Ты мне по-
звони, Ваня.

Хороший знакомый: Так я же не Ва-
я, чудак человек. Вечно ты меня с Блиновым
утаешь. Это он Ваня, а я Павел.

Мухин: А-а-а!.. *(Пытается вырвать руку.)*
еня, понимаешь, в театре ждут.

Он томится, переминается с ноги на ногу и
тоской поглядывает в ту сторону, куда ушла
има.

Хороший знакомый: Все сочиняешь?
 у меня, брат, мальчишка твои песни распева-

Вчера мы с женой сидим после обеда...

Мухин: Ну, счастливо! *(Могучим усилие вырывает руку и убегает. На бегу оборачивае ся и, показывая на ручные часы, кричит):* Ме ждут в театре!

Фойе Театра музыкальной комедии. Вокр рояля на креслах и диванах расположила труппа. Все в ожидании. Поглядывают на ч сы. Скучают. Яков Григорьевич Кибрик разгов ривает с директором театра Скворешниковы Маленький Кибрик, в клетчатых брюках и пи жачке с далеко высунутым из бокового карма платком, по уши погружен в громадное кожан кресло. Скворешников сидит рядом, в друг кресле. Вид у него чрезвычайно достойный. (время от времени причесывается, стараясь ра пределить небольшую прядь волос по всей л сине.

Кибрик *(досказывает конец анекдота):* Т гда бог говорит: отдайте ему его сто рублей пусть... *(Наклоняется к уху Скворешникова что-то шепчет.)*

Скворешников бурно хохочет. Причесывает

К ним подходит Теплицкая-Холодова. Кибр съеживается в своем кресле.

Теплицкая-Холодова: Что же з наш советский Оффенбах заставляет се

. Просто неприлично по отношению к труппе. Скворешников смотрит на часы. Часы показают одиннадцать.

Улица. Часы около автобусной остановки поывают одиннадцать.

Аппарат опускается. Небольшая очередь лю-, ожидающих автобуса. В очереди Сима. За — Мухин.

Мухин *(в пространство):* Как долго нет авуса!

Сима не оборачивается.

Мухин: Вам на какой номер?

Сима *(отрывисто):* На седьмой.

Пауза.

Мухин: Простите, вы не знаете, который ?

Сима *(не поднимая головы):* Не знаю.

Пауза.

Мухин: Простите, а седьмой номер разве сь останавливается?

Сима: Да.

Пауза.

Мухин: Простите, а седьмой номер куда т?

Сима неожиданно и резко поворачивает лицо к хину и принимает позу, преподанную Диной.

следовать, я буду вынуждена... буду вынуждена... ходить в консерваторию другой дорогой.

Мухин совершенно растерян.

Сима *(окончательно позабыв советы Дины):* Ну, подумайте сами, в какое положение вы меня ставите! Каждый день вы стоите под нашими окнами. Надо мной все смеются. *(Жалобно.)* Не ходите вы за мной. Неужели вы могли подумать, что со мной можно так вот бесцеремонно заговорить на улице?

Подходит автобус. Сима вскакивает на подножку. Автобус уходит.

Мухин остается на улице.

Снова в фойе театра. Та же группа людей вокруг рояля.

Теплицкая-Холодова: Нет, из этого ничего не выйдет! *(Поднимается с места.)* И вообще мне надоело ждать.

Скворешников: Он сейчас придет, Ядвига Валентиновна. Не волнуйтесь.

Теплицкая: Волноваться? Нет, в этом театре я уже давно разучилась волноваться *(Нервно открывает и закрывает сумочку.)* Когда тебя не ценят, когда с тобой не считаются...

Скворешников: Помилуйте, Ядвига Валентиновна, это вас-то не ценят!

Кибрик: Ядя, тебя ценит публика.

:лали чучело!

Скворешников: Помилуйте, Ядвига Ва-:нтиновна, кто же из вас делает чучело?

Теплицкая: Вы! Директор театра!

Скворешников: Но помилуйте... *(Огор-:нно причесывается.)*

Теплицкая: Вы заставляете меня петь... ужасном крепдешиновом платье... с ведрами в 'ках... Какую-то свинарку.

Кибрик *(кротко):* Доярку, Ядя.

Теплицкая: Тем более! На что это по-же! Примадонна оперетты выходит на сцену этим... с повойником.

Кибрик *(кротко):* С подойником, Ядя!

Теплицкая: Если бы это узнал Кальман, бы перевернулся в гробу.

Кибрик: Он жив, Ядя!

Теплицкая: Значит, он перевернется, ко-а умрет! Не перебивай меня, я, кажется, ясно ıражаюсь! И вот сейчас мы ждем какого-то ıльчишку, который что-то там насочинял, и ıять мне придется петь в тулупе и валенках, оя на льдине, и стрелять в белых медведей.

Скворешников: Публика требует со-еменный репертуар.

Теплицкая: Публика требует вот что!

оперетты «[illegible]».) Вот это музыка! *(Продолжает говорить, наигрывая.)* В первом акте я во всем зеленом: зеленое платье, зеленые чулки, зеленые туфли. Манто — белое. Второй акт — бальное платье, открытые плечи, страусовое перо. Манто — шиншиловое. В третьем акте на голове — диадема. Манто — соболье! Вот что такое оперетта! *(Вскакивает с места.)* А не какая-нибудь белиберда...

Кибрик: Ядя, тише, он идет...

Входит Мухин.

Мухин: Простите, я опоздал.

Скворешников *(здороваясь с ним):* Пустяки. Познакомьтесь: Ядвига Валентиновна Теплицкая-Холодова.

Теплицкая *(хватает руку Мухина и заглядывает ему в глаза):* Я так много о вас слышала. Мы с таким нетерпением ждем вашу оперетту!..

Мухин: Здравствуйте, Яков Григорьевич.

Кибрик: Здравствуй, Алеша, здравствуй, милый! *(Целует Мухина в губы, привстав на цыпочки.)*

Присутствующие пододвигают кресла ближе к роялю и рассаживаются.

Мухин *(раскрывает партитуру)*: Значит, так товарищи... Сначала я сыграю увертюру, а по-

ɒравурные аккорды вскоре сменяются мело-
й, которой предстоит стать основной мело-
й фильма.

Чаплыв.

Консерваторский класс. Два десятка учени-
сидят за столиками.

Антон Иванович Воронов с куском мела в
ах стоит у доски, разграфленной нотными
ɪейками. На доске — ноты.

Антон Иванович *(подняв выпачканный
ом палец):* Это и называется в музыке
трапункт. Всем понятно?

В кадре слышен невнятный гомон, из которо-
явствует, что всем понятно.

Антон Иванович: На этом сегодня за-
ɪчим.

Выходит из класса, сопровождаемый учени-
ɪи.

Идет по коридору, вежливо и важно раскла-
ɪаясь со встречными.

Останавливается у одного из классов, берет-
за ручку двери, прислушивается, потом опус-
т ручку ɪи, выпрямившись, начинает слушать
ɪмательно.

Слышен голос, поющий вальс Мюзетты из
ɛры Пуччини «Богема».

аторша.

По классу расхаживает учитель пения Андрей Аполлонович — старик с бодро закрученными кверху усами. Это подвижной и, очевидно, очень веселый человек. Он слушает пение, участвуя в нем всей своей коротенькой толстенькой фигурой. Когда Сима берет высокие ноты, он приподнимается на носки и как бы вытягивает ноту у себя изо рта длинным движением пальцев, сложенных щепотью.

Когда Сима кончает первую половину арии, учитель останавливает ее жестом.

Андрей Аполлонович: Теперь совсем хорошо, Симочка. На экзамене вы всех положите на обе лопатки. Мы правильно сделали, что выбрали эту арию. Голосом вы Мюзетта. Да! Но движения, жесты... Это же вальс. И этот вальс поет веселая французская девушка. Здесь нужна подвижность. Ведь я готовлю вас для сцены.

Сима: Я об этом думала, Андрей Аполлонович. Я часто думаю о том, какой мне хотелось бы быть на сцене... Ну, какая я буду на сцене... И вот Мюзетта. Это нельзя петь, не двигаясь.

Андрей Аполлонович: Так, так, так

Пианистка играет.

Теперь Сима поет совсем иначе. Она поет, щуя. Делает она это с необыкновенной живстью и изяществом. Это уже не та Сима, корая только что пела, опершись на рояль. Соршенно очевидно, что ее призвание в соединии голоса и танца.

Андрей Аполлонович увлечен. Он подпевает, итанцовывает, дирижирует.

Андрей Аполлонович: Так, так, так! елестно! Браввиссимо! Вот теперь вы себя, нанец, нашли!

Эти слова еще больше вдохновляют Симу, и а поет с настоящим артистическим блеском.

Внезапно дверь класса открывается и входит нтон Иванович. Увидев танцующую Симу, он изумлении останавливается. Он потрясен, как ог бы быть потрясен первосвященник, ставший идетелем святотатства в храме.

Под его взглядом Сима увядает. Движения становятся робкими, она останавливается и онец арии поет стоя у рояля и не поднимая лаз.

Антон Иванович медленно подходит к учителю пения и молча с ним здоровается. Потом поорачивается к Симе.

Антон Иванович: Тогда, деточка, иди домой без меня. Я немного задержусь. Нам нужно поговорить с Андреем Аполлоновичем.

Сима собирает ноты и выходит из класса вместе с аккомпаниаторшей.

Андрей Аполлонович: Прошу вас!

Старики садятся на стулья у рояля. Снять их следует крупным планом на фоне клавиатуры.

Антон Иванович: Это у вас «Бехштейн»?

Андрей Аполлонович: Да.

Антон Иванович: Прекрасный рояль. Да-а... Так вот что я хотел вам сказать, профессор. Вы сделали мою дочь певицей и, я думаю, хорошей певицей, может быть, даже очень хорошей. Но то, что я слышал и видел сегодня... Вы позволите говорить откровенно?

Андрей Аполлонович: Пожалуйста. Я прошу вас.

Антон Иванович: То, что я видел сегодня, меня глубоко огорчило. Видите ли, профессор, мы с вами, каждый в своей области, делаем одно дело — готовим учеников к великой миссии. *(Антон Иванович поднимает все еще выпачканный мелом палец.)* Нести людям музыку!

Андрей Аполлонович. Очень правильно, очень правильно!

Антон Иванович: Вот видите, вы говоите «правильно». Как же вы могли дать моей очери к выпускному экзамену петь эту... я даже не знаю, как назвать... шансонетку!

Андрей Аполлонович: Позвольте, профессор...

Антон Иванович: Нет, вы позвольте, профессор! Когда я слышу серьезную музыку, мне хочется встать и снять шляпу. А это... это музыка, которую можно слушать, развалясь на диване. Это даже нельзя назвать музыкой! Это акие-то танцы.

Андрей Аполлонович: Ну, знаете, профессор...

Антон Иванович: Ну, уж вы меня не перебивайте, профессор! Иоганн Себастьян Бах...

Андрей Аполлонович *(взвизгивает)*: Иоганн Себастьян Бах был веселый толстый человек!

Антон Иванович: Иоганн Себастьян Бах писал хоралы!!! А вы знаете, профессор, что такое хорал? Это молитва!

Андрей Аполлонович: Иоганн Себастьян Бах написал «Сарабанду»!!! А вы знаете,

Антон Иванович: Замолчите!..

Андрей Аполлонович: Танец! Танец! *(Отталкивает локтем Антона Ивановича и начинает играть «Сарабанду».)* Ну, что это? Что это?

Антон Иванович: Это шутка гения. Пустите! *(Отстраняет Андрея Аполлоновича.)* Вот где Бах! *(С яростью берет первые аккорды баховского хорала.)* А Бетховен! Он тоже был веселый толстый человек? Или это был гениальный страдалец, не понятый человечеством? Что это, по-вашему? *(С еще большей экспрессией, но с горестным видом играет начало «Патетической сонаты».)*

Андрей Аполлонович *(отстраняя Антона Ивановича плечом)*: А это что, профессор? *(Играет бравурное начало «Застольной песни» Бетховена и поет.)* «Постой, выпьем за Бетси еще, Бетси, нам грогу стакан, последний в дорогу. Бездельник — кто с нами не пьет». Что вы на это скажете, профессор? Это тоже шутка гения?

Антон Иванович: Бетховен написал это по заказу!

Андрей Аполлонович: И очень хорошо! Верди написал «Аиду» тоже по заказу.

Антон Иванович: Верди! Этот шарман-
:!
Андрей Аполлонович: Как вы смеете,
фессор?
Антон Иванович: Нет, как вы смеете,
фессор?
Андрей Аполлонович: Вы, профессор,
сный сектант! *(Ударяет кулаком по верхним
вишам рояля.)*
Антон Иванович: А вы, профессор,—
гороховый! *(Ударяет кулаком по нижним
вишам рояля.)*
Некоторое время они молчат, оглушенные,
уганные тем, что они наговорили друг дру-
Андрей Аполлонович поправляет воротничок,
тон Иванович вытирает лоб платком.
Андрей Аполлонович *(тихо):* Если
вы не были отцом моей любимой ученицы...
Антон Иванович: Если бы вы не были
ителем моей любимой дочери...
Андрей Аполлонович: Хорошо, оста-
л это, оставим.
Антон Иванович: Оставим, оставим.
Андрей Аполлонович: Оставим...
ак, что же вам от меня угодно?
Антон Иванович: Мне угодно сообщить

Андрей Аполлонович: Боже!

Антон Иванович: Да. Камерную певиц с очень серьезным, строгим репертуаром. Ба Гендель, Глюк, Скарлатти, Гайдн — вот какой нее будет репертуар!

Андрей Аполлонович *(проникновен но):* Поймите вы, изувер, что вы погубите ваш дочь! У Симочки легкий, грациозный, весель талант. Каждый звук ее голоса, каждое движ ние — это радость. А вы хотите сделать из не воблу! Не нужно доказывать мне, что Гендел или Бах великие музыканты: я знаю это не х же вас. Все мои ученики поют Генделя и Бах Но призвание Симочки — это легкий жанр. Сл шите? Легкий жанр!

Антон Иванович *(содрогаясь):* Не пр износите при мне этих слов. Легкий жанр! Я знаю такого жанра. Его нет в природе. А ес в природе плохая, пошлая музыка. И незаче называть ее заграничным словом «жанр». Гл пости это все!

Андрей Аполлонович: Профессор В ронов, мне вас жаль!

Фойе Театра музыкальной комедии.

Мухин с увлечением поет и играет главну мелодию своей оперетты. Мы ее слышали уже

ли поет неважно, но со вкусом и вырази-
:льно.

Скворешников, откинувшись на спинку крес-
і и мечтательно полузакрыв глаза, причесы-
ıется.

Кибрик тоже увлечен арией. Он даже слегка
ıрижирует ногой, заложенной за ногу.

Теплицкая-Холодова, раскрыв сумочку, вни-
ательно рассматривает себя в зеркальце.

В фойе теперь довольно много народа. Иным
:хватило стульев, и они стоят. Музыка нравит-
я всем. Некоторые из слушателей начинают
эдпевать.

Возле входных дверей на стуле сидит ка-
эльдинер, на которого возложена обязанность
икого не пускать в фойе. Он держит рукой
уть приоткрытую дверь и, время от времени
лядя в щель, прикладывает палец к губам.

За дверью — человек пятнадцать служащих
:атра. Они внимательно слушают и подпевают.

В конце коридора уборщица подметает пол.
[ачинает подпевать ту же мелодию.

Наплыв.

Сцена театра. Монтер, стоя на высокой лест-
ице, ввинчивает лампочки в софит. Он подхва-
ывает и напевает все ту же мелодию.

кистью малюет на холсте венецианское окн
Мелодию подхватывает и он.

Наплыв.

«Прилипчивую» мелодию подхватывает теа
ральный парикмахер, расчесывая кудлатый па
рик.

Снова фойе. Мухин играет финал оперетты
Последние аккорды. Он захлопывает партитур

Мухин: Ну, вот и все. *(Залпом выпивае
стакан остывшего чая.)*

Пауза.

Вдруг раздаются аплодисменты. Слушател
поднимаются с мест и окружают автора.

Скворешников *(трясет руку Мухина*
Спасибо, Алексей Петрович. От всей труппы -
спасибо!

Кибрик: Дай я тебя поцелую, Алешеньк
Ты даже сам не понимаешь, что ты написа.
(Целует Мухина.)

Теплицкая: Прелестно, прелестно! *(П
жимает руку Мухина.)*

Скворешников: Ну, а теперь займемс
делом. *(Обращаясь к присутствующим.)* Прош
остаться только членам художественного совет.
Прошу вас, товарищи.

Члены художественного совета рассаживаю

·еров.

Скворешников: Ну, как, товарищи, мне кется, все ясно?

Кибрик: Позволь-ка мне, Степа! Что много орить! Прелестная музыка. Я тебе прямо ска-, Алеша, откровенно скажу — ты написал ге-альную вещь. Но спеть ее в таком виде нель-
(Разводит руками.)

Скворешников: Почему? Не понимаю.

Кибрик: Очень просто. Ты, Алеша, так на-сал партию героини, что ее не сможет спеть одна певица в нашем театре. Даже такая дающаяся,— вы простите, что я так говорю о ей жене,— даже такая выдающаяся вокали-ка, как Ядя.

Теплицкая: Это просто невозможно. Тут кая адская тесситура... Четыре раза верхнее ... *(Показывает на рояле.)* Может быть, това-щ автор предполагал, что эту арию будет ть Галли-Курчи или Тотти Даль-Монте! Четы- раза верхнее до!..

Кибрик: А у Яди самая высокая нота—фа.

Теплицкая: Положим, у меня самая вы-кая нота — соль, но... не будем об этом гово-ть. Кажется, и так ясно.

Скворешников: Позвольте, позвольте,

горе какое! Сделаем ниже. На сколько там выше, чем нужно?

Дирижер: На четыре тона. *(Кисло.)* Эт конечно, можно транспонировать.

Скворешников: Ну, и прекрасно. Алесей Петрович сделает нам это в одну минут и мы можем начать репетировать.

Мухин *(очень спокойно):* Нет, я не соглсен. Я не буду транспонировать эту партию.

Все потрясены.

Кибрик: Алеша, ты сошел с ума.

Скворешников: Это все делают.

Мухин: И очень печально. Настоящие мзыканты этого не делают и никогда не буд делать.

Кибрик: Опомнись, Алеша! Это же — опретта. Это же легкий жанр!

Мухин: Терпеть не могу этого слова. Лекий жанр! Пристанище для халтурщиков! Нуно делать серьезно все, в каком бы жанре ни писал. Музыка есть музыка!

Кибрик *(воздевая ручки к небу):* Кто з говорит! Бетховен? Бах? Римский-Корсаков?

Мухин: Это говорит их ученик — Мух Я не хочу, чтобы мои учителя за меня крпели.

ı Ядя не сможет петь твоей оперетты?

Мухин: Ну, что же делать, споет кто-нибудь другой.

Теплицкая *(величественно поднимаясь с места):* Ах, так! *(Направляется к двери.)*

Скворешников: Ядвига Валентиновна!

Кибрик: Ядя! *(Идет за ней. У двери оборачивается, пожимает плечами, разводит руками.)*

Дверь за Теплицкой с треском захлопывается. Кибрик вздрагивает. Потом со страхом следует за женой.

Члены художественного совета остолбенело смотрят им вслед.

Мухин еле заметно улыбается.

По коридору стремительно несется Теплицкая. За ней, еле поспевая, бежит Кибрик.

Теплицкая: Теперь мне все ясно. Ты с ним заодно.

Кибрик: Ядя!

Теплицкая: Я, слава богу, тридцать пять лет Ядя!

Кибрик: Положим, сорок семь...

Теплицкая: Негодяй!

Кибрик: Ну, послушай, Ядя...

Кибрик: Кто она?

Теплицкая: Эта самая оперетта твоего Мухина, этого пачкуна!

Кибрик: Какой же он мой? Ядя...

Теплицкая: Ты думаешь, я не понимаю?

Кибрик *(испуганно)*: Что ты понимаешь?

Теплицкая: Ты думаешь, я не понимаю, что тебе нравится роль, которую для тебя написал этот уголовный тип?

Кибрик: Ядя, ну какой же он уголовный тип?

Теплицкая: Ах, ты его защищаешь!

Кибрик: Ладно, ладно, уголовный тип, только успокойся.

Теплицкая:- Так вот. Завтра весь ваш художественный совет будет ползать у моих ног и умолять, чтобы я взяла роль. И я...

Кибрик *(кротко)*: И ты согласишься, Ядя.

Теплицкая: Никогда!

Кибрик: А ты подумала, что они могут найти другую певицу?

Теплицкая: В нашем театре, слава богу, уже давно нет других певиц.

Кибрик: Ядя! Они могут найти певицу в другом месте.

Теплицкая: Что? В другом месте? Ну,

ь не приходить домой! *(Хватает Кибрика за и тащит его за собой вниз по лестнице.)*

ойе. Члены художественного совета поки- свои удобные кресла. Они стоят у рояля.

Скворешников: Нет, Алексей Петрович, ничего не придумаешь. Придется поклонить- ножки нашей Ядвиге Валентиновне.

Мухин: Как хотите. Только я не изменю ей партитуре ни одной ноты.

Скворешников: Но тогда мы не смо- поставить вашу оперетту.

Мухин: Что ж делать! *(Берет с рояля пар- ру.)*

Члены худ. совета *(нестройным хором):*

– Ну, что вы, Алексей Петрович!

– Нельзя же так!

– Давайте подумаем хорошенько!

Скворешников: Голубчик мой! Вы меня ите в безвыходное положение. *(Нервно при- вается.)* Поверьте, нам всем очень нравится а оперетта.

Мухин: Тогда найдите певицу.

Скворешников: Легко сказать, найдите ицу! Где я вам ее найду?

Мухин: Не знаю. Это дело ваше, хозяй- е.

еще разик попробовать в консерватории? Поискать среди молодежи. А? Ведь невозможно работать. *(Оглядывается на дверь.)* Три года назад я ей транспонировал на два тона, в прошлом году на три, а теперь — слышали — она требует на четыре. Если так пойдет дальше — придется скоро понижать ей партию на целую октаву.

Скворешников: Что я могу сделать, если молодежь не идет в оперетту? Все их в оперу тянет. Попробуем, конечно, поискать еще. Но репетировать мы начинаем завтра же. Предлагаю так и решить.

Затемнение.

Из затемнения. Сима на небольшом возвышении поет арию с драгоценностями из оперы «Фауст».

Стол экзаменационной комиссии. За столом — профессора консерватории. Среди них Андрей Аполлонович, немного взволнованный и торжественный.

Несколько поодаль от стола сидят Скворешников и дирижер театра оперетты. В то время, как Сима поет, они переглядываются, одобрительно покачивают головами и всем своим видом показывают, что они нашли, наконец, то, что искали.

:нты. Председатель приподнимается и стро-
ядит назад.

р е д с е д а т е л ь: Прошу не забывать, что
происходит экзамен.

има робко выходит из зала.

коридоре ее сразу же окружают ученики,
ающие своей очереди.

юва в экзаменационном зале.

р е д с е д а т е л ь *(поздравляя Андрея
лоновича):* Отличная ученица. Прелестный
ій талант.

н д р е й А п о л л о н о в и ч: Да? Вы так
эте? Это очень приятно.

р е д с е д а т е л ь *(поворачивается к залу):*
кто у нас следующий?

ндрей Аполлонович идет к двери.

эрогу ему преграждают Скворешников и
кер.

к в о р е ш н и к о в: Вы были правы. Это
ю то, что нам нужно.

н д р е й А п о л л о н о в и ч *(пропуская их
:д):* Вам предстоит нелегкая задача. Ее ува-
:ый папаша разорвет вас на мелкие кусоч-
І я снимаю с себя всякую ответственность.
с предупредил.

оридор. Андрей Аполлонович, сопровождае-
Скворешниковым и дирижером, сквозь тол-

плечи.

Андрей Аполлонович: Ну, Симочка, все прошло великолепно. От всей души поздравляю. Теперь вы артистка.

Сима: Можно, я вас поцелую, Андрей Аполлонович?

Андрей Аполлонович: Можно и нужно. *(Разглаживает усы, целует ее.)*

Сима: Я была такая неумелая, такая глупая, когда я пришла к вам... Это все вы, Андрей Аполлонович!

Андрей Аполлонович *(смущенно):* Ну, ну, ладно об этом. Моя роль окончилась. Сейчас, Симочка, начинается роль... Вот... Познакомьтесь. Дирижер Театра музыкальной комедии, мой старый друг Степан Степанович Скворешников. Он вам собирается сделать страшное предложение. Очень страшное! Такое страшное, что я даже ухожу, чтобы не слышать.

Пятится от нее, шутливо вытянув руки.

Скворешников и дирижер с достоинством пожимают руку Симы.

Затемнение.

Из затемнения. Комната Мухина. Рояль, диван, портрет Баха.

Мухин сидит у стола, заставленного фотографическими принадлежностями. С очень грустным

Шестой симфонии Чайковского. Вынимает
ханночки фотографию, с которой капает

а фотографии, расплывчатой и туманной, в
ом смысле слова любительской, изображена
, выходящая из подъезда.

родолжая насвистывать все ту же трагиче-
мелодию, Мухин подходит к книжному
у и налепляет снимок на стекло, где уже
ется десяток таких же фотографических
носков.

н внимательно разглядывает их. Здесь Си-
идущая в толпе пешеходов, Сима, сидящая
тобусе, Сима, разговаривающая на улице с
і-то девушкой, Сима со своим папой Анто-
Ивановичем, Сима со своим братом Витей.

ухин берет с полки книгу, садится в крес-
начинает читать. Тотчас же бросает кни-
быстро выходит из комнаты.

ухин в передней надевает пальто и шля-
Берется за ручку двери. Потом отпускает
у, снимает пальто и шляпу и плетется об-
в комнату.

адится за рояль. Торопливо проигрывает не-
ько тактов из мелодии, которую только что
истывал. Неожиданно вскакивает, захлопы-

гах на столе. Движения его становятся все более нервными и торопливыми, бумаги летят на пол. Он роется в ящиках письменного стола, в книжном шкафу, становится на стул, заглядывает на шкаф и, внезапно слезая со стула, замечает то, что искал. Это потрепанная телефонная книга, которая подложена под ножку шатающегося стола.

Мухин вытаскивает телефонную книгу, стол накреняется, фотографические принадлежности в беспорядке лезут одна на другую и из ванночки льется вода.

Но Мухин не замечает этого. Он лихорадочно листает телефонную книгу.

Крупно: палец Мухина ползет по столбику фамилий и останавливается на фамилии Воронов А. И.

Столовая в квартире Вороновых. Семья заканчивает утренний чай.

Сима: Витя, ты еще не кормил своих рыбок?

Витя подходит к окну и насыпает рыбкам корм, по обыкновению разглядывая улицу.

Сима не спускает с него глаз. Она напряжена.

Наталия Михайловна переглядывается с Антоном Ивановичем. Они немного озабочены.

дывает палец к губам.

Звонит телефон. Сима подходит к нему. Бе- трубку.

Сима: Слушаю.

Комната Мухина. Мухин, вжав голову в пле- испуганно кладет на рычаг телефонную бку.

Столовая Вороновых.

Сима: Слушаю. Алло! Алло!

Вешает трубку. Как бы гуляя по комнате, равляется к окну. Стараясь сделать это не- етно, смотрит на улицу.

Улица сверху.

Дворник метет мостовую. Кроме него на ули- никого нет.

Голос Наталии Михайловны: Си- ка, может быть, еще стаканчик?

Голос Симы: Нет, спасибо.

Наталия Михайловна *(грустно глядя Симу)*: Может быть, молока?

Сима: Спасибо.

Наталия Михайловна: Спасибо — да спасибо — нет?

Сима *(через силу улыбаясь)*: Спасибо — нет. *(девает шляпу.)*

Сима: Так. По одному делу. *(Выходит из столовой.)*

Комната Симы. Она входит и, косясь на дверь, берет из-под подушки сверток нот. Прячет его под пальто.

Это видит заглянувший в дверь Керосинов.

Сима снова появляется в столовой.

Антон Иванович: Может быть, ты меня подождешь?

Сима *(испуганно)*: Нет, я спешу, папа. *(Выходит из комнаты.)*

Антон Иванович: М-да. *(Подходит к окну и смотрит на улицу.)*

Сверху: Сима выходит из подъезда. Оглядываясь по сторонам, переходит на противоположный тротуар.

Комната Мухина. Он сидит за столом и лихорадочно пишет. Бросает перо, вскакивает, перечитывает написанное.

Крупно: листок нотной бумаги, на котором написано:

«Глубокоуважаемая Серафима Антоновна! Не удивляйтесь тому, что я знаю Ваше имя. Только что я хотел позвонить Вам, но не решился. Не удивляйтесь, что я знаю номер Вашего телефона. Все это потому, что я не могу о Вас

ужасно глупо. Мне стыдно было повсюду
гь за Вами. Мне стыдно писать Вам. Но
мне делать?»

Іухин строго смотрит на себя в зеркало и
іенно рвет письмо. Горько усмехается.

вонит телефон.

Іухин вздрагивает. Потом с какой-то непо-
ой надеждой берет трубку.

Іухин *(взволнованно):* Слушаю. *(С внезап-
равнодушием.)* А! Здравствуйте. Нет, я не
ду. Занят. Так. Одно дело. Что? Да ну? И
твительно хорошо поет? Ладно, я, пожалуй,
ду. Что? Сейчас? Постараюсь.

абинет директора Театра музыкальной ко-
іи.

Скворешников *(в трубку):* Значит, мы
м.

Вешает трубку. Напевая и причесываясь, вы-
іт из комнаты.

Іолутемная сцена Театра музыкальной коме-
Идет репетиция. На сцене Сима и Кибрик.
ку, за столиком режиссер. В углу сцены не-
іько актеров, ждущих выхода.

Репетиция идет под рояль. Дирижер стоит
м с пианистом, отсчитывая такт рукой.

Сима и Кибрик поют дуэт. Кибрик вял и не-

Сима напряжена и взволнована. Она пое всерьез, полным голосом.

Режиссер: Ну, нельзя так, Яков Григорь евич! Ничего ж не слышно!

Кибрик: Что я могу сделать? *(Показыва ет на Симу.)* Она меня уводит. Я не чувству роли. Это нельзя так петь.

Дирижер: Не выдумывай, Яша, она отлич но поет.

Кибрик: Поет-то она отлично, но мне о этого не легче. Я не в ритме, я не чувству нерва. *(Симе.)* Вы понимаете, детка, что такс каскад?

Сима: Н-нет, я не понимаю, то есть я по нимаю...

Кибрик: Видите, дорогая моя, искусств поиски, образ — все это очень хорошо... для Ху дожественного театра! Но не для оперетты. оперетте все, как в арифметике. Все точно изв стно. Если вы хотите сложить двадцать восе и четырнадцать, то нечего умничать. Все рав будет сорок два. Вы улавливаете мою мысль?

Сима: Н-нет... то есть...

Кибрик: Когда героиня — вы — поете ду с комиком — со мной — это должен быть ка кад — это опять-таки арифметика. Как двадца

мою мысль?

Сима *(стараясь уловить)*: Н-не совсем.

Кибрик *(оборачиваясь к режиссеру)*: Ну, я могу сделать?

В кадре появляется Скворешников.

Скворешников: Погоди, погоди, Яша, я -то тоже не улавливаю. Ты что, собственно, ешь?

Кибрик: Я хочу, чтобы моя партнерша зна- что такое каскад.

Скворешников: И прекрасно. И покажи Надо в конце концов помогать молодым.

Кибрик: Как же я могу один показать? г, если бы с Ядей...

Скворешников и дирижер переглядываются.

Кибрик *(глядя в темный зал)*: Ядя, ты сь?

Молчание.

Скворешников: Ядвига Валентиновна? жет быть, поможете?

Голос Теплицкой из темноты: Ме- здесь нет. И потом я устала. *(Идет по мост- и через оркестр.)*

Кибрик поспешно снимает пальто и калоши.

Кибрик *(пианисту)*: Давайте «Жрицу огня».

выход.

Пианист начинает играть.

Кибрик и Теплицкая с шумом и грохотом и‹ полняют каскадный дуэт. Это действительно ч: стая арифметика. Здесь все как надо — верч ние юбкой, одновременное дрыгание то левой, ' правой ногой, точно установленные и узаконе ные веками опереточные улыбки. Одним слово весь несложный набор приемов, рассчитанны на безошибочное покорение публики. Кончает этот фейерверк классическим «уходом»: мален кий Кибрик прыгает на руки своей доволь мощной супруги. Обольстительно улыбаясь, не без труда, она уносит его за кулисы. Н прощание он дрыгает ножкой, а она дела ручкой.

Все присутствующие на сцене дружно см ются и аплодируют.

Кибрик *(Симе):* Теперь вы улавливаете?

Сима: Да, только я, наверное, не смо так... сделать.

Теплицкая: Что вы, милая, это же т просто!

Сима: Нет, я этого не смогу.

Скворешников: И не нужно. *(Кибри и Теплицкой.)* Понимаете, Ядвига Валентинов это было прелестно, но-о... все это из дру

бы вам сказать, м-м-м,— принципиально но- (*Причесывается.*) Вы улавливаете мою ль?

`еплицкая: Вот это «м-м-м» вы называ- мыслью?

Скворешников (*просто*): Поймите меня, бушка, если мы так вот будем трактовать музыку, автор нас просто растерзает. Разве его не знаете?

Геплицкая: Не знаю и не хочу знать!

Резко поворачивается и уходит в зрительный

,

Кибрик: Степа, ты растоптал душу арти- и.

Скворешников (*испуганно*): Что ты го- ишь? Неужели растоптал?

Кибрик: Конечно, растоптал.

Скворешников: Ай-ай-ай, как нехорошо училось!

Фойе. С высоко поднятой головой, размахи- сумочкой, бежит Теплицкая. Навстречу ей г Мухин. Он вежливо снимает шляпу. Она выше задирает голову и проходит, не гля- на него.

Снова на репетиции. Режиссер показывает е мизансцену.

арию, глядя в окно. Видите стул... в дан...
случае стул — это окно. А в конце, на слов
«он ушел», вы поворачиваетесь прямо на публ
ку и выходите на авансцену. Значит, начали!

Пианист играет вступление.

Фойе. Мухин, держа шляпу в руке, с нед
умением смотрит вслед Теплицкой. Потом г
жимает плечами и входит в зрительный зал.

Аппарат следует за ним. Далеко на сце
стоя боком, так что лица ее не видно, по
Сима.

Мухин ощупью, на цыпочках, движется
проходу. Когда он доходит до шестого ря
его хватает за руку Скворешников и усажива
рядом с собой.

Скворешников: Ну?

Мухин: Тс-с! Тише... Очень хорошо. Г
вы ее раздобыли? Кто такая?

Скворешников: Тс-с. Потом, потом.

Оба с наслаждением слушают.

Сима поет с блеском, свободно и точно. I
нечно, в этом театре такого пения никогда
слышали.

Актеры и рабочие сцены восхищенно с
шают.

Подойдя к концу арии, Сима, как учил

...сцену.

'хин внезапно хватает руку Степана Сте-
ича и сжимает ее. Он узнал Симу.

сцене. Сима кончает арию.

жиссер: Что ж, дело идет, Серафима
ювна! Сейчас вы свободны. Завтра прихо-
в десять. Только у нас, знаете, как — опо-
на двадцать минут... Это вам не консерва-
. *(Кричит куда-то в сторону.)* Балет, на
!

партере.

кворешников *(наклоняется к Мухину)*:
емте, пойдемте, я вас с ней познакомлю.

ухин *(испуганно)*: Что вы, Степан Степа-
!

кворешников: Да идемте же! *(Тянет
а собой.)*

ухин *(вырывается)*: Пустите. Зачем это?
адо.

кворешников: Вам не понравилось?

ухин: Нет, очень понравилось. Но как-то
... Не нужно, я вас очень прошу!

кворешников: Да ну вас! *(Идет на
.)*

а сцене. Сима направляется к мостикам,
цим в партер. Вокруг — предрепетиционная
: становятся на свои места танцовщицы и

декорации.

В кадре появляется Скворешников.

С к в о р е ш н и к о в: Устали, голубушка? Трудно у нас? Пойдемте, пойдемте, я вас познакомлю с автором.

С и м а: Он здесь?

С к в о р е ш н и к о в: Здесь, здесь. В восторге от вашего голоса.

С и м а: Правда? Где он?

С к в о р е ш н и к о в: Да вон, в партере.

Сима, щурясь, смотрит в темный зал.

Партер. В полутьме, съежившись, сидит Мухин.

Подходят Скворешников и Сима.

С к в о р е ш н и к о в: Познакомьтесь. Алексей Петрович Мухин, некоторым образом автор. Серафима Антоновна Воронова.

Мухин вскакивает. Сима протягивает ему руку и вдруг узнает его.

Теперь в кадре — лица Симы и Мухина, снятые крупно.

М у х и н *(глотая слюну)*: Как ваше здоровье?

С и м а *(тоже очень взволнованная, но не потерявшая самообладания)*: Спасибо. Я здорова.

М у х и н: Я вас как-то не узнал, когда вы

Сима: Да?

Мухин: Да.

Сима: Ну, конечно, здесь так темно.

Мухин: Нет, ведь вы были на сцене. А м светло.

Сима: Да. Верно. Я как-то сразу не сооб-зила.

Скворешников слушает этот разговор с край-м удивлением.

Мухин *(горячо):* Знаете, мне очень нравит- в театре, когда идет репетиция. Пустой тем-й зал. Люди на сцене в пиджаках. Обрывки узыки...

Сима *(тоже горячо):* Да, мне тоже очень авится. Даже больше чем во время спектак-. Когда зал пустой и темный — это так тор-ественно. Знаете, как в соборе. А как страш-, когда стоишь на сцене и смотришь в зри-льный зал!.. Ужас!..

Мухин: Или когда сидишь и слушаешь ою музыку. Простите, я вас кажется перебил?

Сима: Нет, нет, что вы. Это очень инте-сно.

Мухин: Когда сидишь и слушаешь свою узыку, она звучит, как чужая. Сидишь и ду-аешь...

ются спиной к Скворешникову и идут к выходу. Начавшаяся музыка балета заглушает их голоса.

Скворешников глядит им вслед в полном недоумении.

Скворешников: Алексей Петрович! Серафима Антоновна!

Они не слышат. Они, собственно говоря, ничего сейчас не слышат. Удаляясь от аппарата, они оживленно жестикулируют, заглядывают друг другу в глаза, останавливаются на секунду, потом снова двигаются дальше.

Скворешников сокрушенно глядит им вслед.

Сима и Мухин — у выхода из зала. Он пропускает ее вперед.

Над их головами, над самой дверью, в центре гипсового, вызолоченного орнамента, толстенький амур натягивает тетиву лука.

Затемнение.

В темноте — звонок.

Из затемнения. Передняя в квартире Вороновых.

Звонит звонок над входной дверью.

Вбегает Сима в фартучке. На ходу снимает его и поправляет волосы перед зеркалом.

а дверью стоит совершенно мокрый Мухин. шляпы у него течет. Воротник пальто под-

Сима: Боже! Алексей Петрович! Неужели й дождь?

Мухин *(входя в переднюю и отряхивая ую шляпу):* Симочка, сколько раз вы обе- и называть меня просто по имени.

Сима *(хлопоча вокруг него):* Раздевайтесь ее, несчастный вы человек!

Мухин *(вешает пальто и снимает калоши):* е рано?

Сима: Нет, это очень хорошо. Я вас позна- лю с нашими. Только помните, папа до сих не знает, что я служу в театре.

Мухин: Но ведь рано или поздно...

Сима: Лучше пускай поздно. Мне страшно ать о том, что будет, когда папа узнает.

Мухин *(достает из кармана пальто короб- конфет):* Я еще не поздравил вас с днем денья. Вы сегодня такая...

Сима: Ладно, идемте в комнату. *(Берет хина под руку и ведет.)*

Мухин *(останавливается у самой двери):* ючка, я давно хотел у вас спросить. Ну,

Сима: А как вы думаете? Каждое утро мой братик Витя кричал на всю квартиру: «Сима, этот опять пришел».

Мухин *(упирается):* Я не пойду.

Сима: Они хорошие. Ничего вам не будет. *(С нежностью.)* Алеша!

Столовая. Антон Иванович расставляет пюпитры возле рояля. Наталия Михайловна хлопочет вокруг парадно накрытого стола. Ей помогает Витя. Он несет блюдо с заливной рыбой.

Входят Сима и Мухин.

Сима: Вот. Тот самый Алексей Петрович Мухин.

Антон Иванович: А-а-а, таинственный незнакомец! Ну-ка, ну-ка.

Наталья Михайловна *(протягивает Мухину руку):* Вы мне казались более полным. И как будто ниже ростом.

Витя: Мама, это потому, что мы смотрели на него с третьего этажа.

Наталья Михайловна: Витя!

Мухин: Я, кажется, рано пришел...

Комната Керосинова. Он лежит в ботинках на кровати и читает растрепанную толстую книгу. Слышен стук в дверь. Керосинов вскакива-

Крупно: обложка книги «Приключения Роболя».

Керосинов *(садится за стол, придвигает ебе нотную бумагу, выводит на ней скрипич. ключ и, приняв томное выражение, кричит):* дите!

Входит Дина.

Дина: Простите, я помешала. Вы пишете?

Керосинов *(мрачно):* Я всегда пишу. Сей. набрасываю тему третьего пароксизма.

Дина *(робко подходит к столу):* Я дав. хотела у вас спросить... Почему вы называ. части своей симфонии пароксизмами? Физио. ическая симфония в четырех пароксизмах. Я понимаю. Почему не назвать просто — часть вая, часть вторая...

Керосинов: Чтобы понять — надо услы. ть. И не один раз, а тридцать.

Дина: Ах, как мне хотелось бы послушать!

Керосинов *(мрачно):* Что ж, года через а я, может быть, сыграю вам первый вари. т.

Дина: Керосинов, вы необыкновенный чело. к!

Керосинов *(скромно):* Я занимаюсь ис. сством, Дина. Я подвижник искусства. Не

моздящейся на столе и на полу.) Конечно, я мог бы писать по заказу, я мог бы быть богатым или, как это там называется, знаменитым!.. *(Горько смеется.)* А сейчас я всем в тягость, всем чужой, никому неизвестный маленький человечек.

Дина *(укоризненно):* Разве вам плохо у нас?

Керосинов: Да, мне плохо у вас.

Дина *(чуть не со слезами):* Но почему, почему?

Керосинов: Я ем чужой хлеб. Вы не знаете, как горек чужой хлеб для артиста! Да, Диночка, мне остается только одно — уйти.

Дина: Вы не чужой, Керосинов! Вы не чужой. Мы любим вас, как родного. Вы же знаете, как папа вас любит. Когда вы в последний раз хотели уйти, он чуть не заболел!

Керосинов: Хм, папа! Антон Иванович любит меня, как бездомного шелудивого пса. Что ж, спасибо и за это. Но вот ваша сестричка Сима!.. Вы думаете, я не знаю, что она зовет меня Керосин Серафимов и называет мою симфонию зоологической.

Дина: Керосинов! Ну, подумайте, что вы

Керосинов: Что ж, шутите! Смейтесь над Керосиновым! Топчите его ногами! Вы можете себе это позволить с человеком, который обязан вам быть благодарным! И в силу этой благодарности должен быть бессловесным!

Дина: Ну, хорошо, не будем, не будем об этом говорить. Идемте скорее. Там уже, наверное, все собрались.

Керосинов: Опять концертик? Опять эти Глюки, Бахи, вся эта закоснелая, отжившая дребедень!

Дина: Тише! Ради бога! Если бы папа услышал, как вы говорите о Бахе, он умер бы от огорчения.

Керосинов: Не беспокойтесь, ему я этого не скажу.

Дина: Ну, хорошо. Вы не любите классиков. Но ведь вы не любите и новых композиторов.

Керосинов: Музыку надо изобретать, а не сочинять. А этого никто никогда не умел.

Дина: Ну, а вы? Разве вы не изобретаете?

Керосинов: Не будем говорить о Керосинове! Стоит ли говорить о человеке, у которого нет трех рублей на покупку папирос.

Дина: Керосинов, как вам не стыдно! По-

лей.

Керосинов *(горько):* Тридцать рублей! Низко ты пал, Керосинов!

Дина *(суетливо):* Возьмите пятьдесят. Возьмите, возьмите, не стесняйтесь, я сегодня получила за урок.

Керосинов *(небрежно):* Мерси. *(Прячет деньги в карман.)*

Столовая. Здесь теперь, кроме Антона Ивановича, Наталии Михайловны, Симы, Вити и Мухина, двое из тех старичков, которых мы видели на концерте, и несколько подруг Симы.

Старички сидят за пюпитрами. Один свинчивает кларнет, другой возится с фаготом. Антон Иванович листает ноты, сидя за фисгармонией. Наталия Михайловна настраивает арфу.

Входят Дина и Керосинов.

Антон Иванович: Дина! Витя! Не заставляйте себя ждать!

Дина и Витя берут свои инструменты.

Слушатели рассаживаются. Наступает тишина.

Антон Иванович: Сегодня мы сыграем крайне редко исполняемое, но замечательное произведение Гайдна — секстет, опус семьдесят четвертый.

Антон Иванович: Да, я позволил сеое
у вольность. Впрочем, это несущественно.
[одымает палец и быстро опускает его.)

Начинается музыка. Исполняется коротенькая
.сть из гайднского секстета.

По мере приближения к концу лицо Антона
вановича мрачнеет.

Неожиданно он прерывает играющих.

Антон Иванович: Нет, так дальше иг-
ıть нельзя. Витя опять не выучил своей пар-
ıи!

Витя: Папа, я учил.

Антон Иванович: Если бы ты учил, то
ıял бы только что не си-бемоль, а чистое си.
ам бекар. Если ты хочешь быть настоящим му-
ıкантом, ты должен учиться, а не спорить. Те-
ерь мы из-за тебя не сможем сыграть до кон-
а. Давайте лучше послушаем Симу. Спой нам,
имочка, арию Эвридики из глюковского «Ор-
ея».

Сима: Что ж, садись за рояль. Где ноты?

Антон Иванович переходит к роялю и начи-
ает рыться в нотах.

Антон Иванович: Ничего не понимаю.
ıще вчера я их видел на этом месте. Как

Сима: А ты сыграй наизусть.

Антон Иванович *(смущенно):* Не возьмусь, не возьмусь. Тут важна каждая нотка. Ах, какая жалость! Любимая моя вещь. Может быть, вы возьметесь, Керосинов?

Керосинов: Вы знаете, Антон Иванович, я обожаю Глюка. Н-но... моя голова сейчас занята другим.

Антон Иванович *(похлопывая Керосинова по плечу):* Все симфония! *(Обращаясь к присутствующим.)* Он у нас труженик!

Мухин *(Симе):* Если позволите, Серафима Антоновна, я бы попробовал.

Антон Иванович: Вы хорошо знаете Глюка?

Мухин: Я бы этого не сказал, но я его очень люблю. *(Садится за рояль, пробегает пальцами по клавиатуре, потом, сосредоточившись начинает аккомпанемент.)*

Сима поет.

На лице Антона Ивановича написано бла женство. Он переглядывается со старичками отсчитывает такт головой.

Все внимательно слушают, кроме Керосино ва, который алчно смотрит на графинчик с вод кой, окруженный тарелками с закуской.

:ся, присутствует... Одним словом, попросим
іего Керосинова сыграть что-нибудь из его
фонии.

Керосинов *(мрачно):* Легко сказать—что-
удь из симфонии! Бессонные ночи, одинокие
зы, незавершенные мысли... Нет, это нельзя
осить на суд публики прежде времени.

Антон Иванович: Но в кругу друзей,
орые ждут с таким нетерпением...

Дина: Керосинов, ну, пожалуйста, ну, умо-
), вас — сыграйте хоть один пароксизм!

Мухин *(наклоняясь к Симе, шопотом):* По-
у пароксизм? Что это значит?

Сима *(тоже шопотом):* Не спрашивайте. Это
едия нашей семьи.

Дина: Керосинов! Сыграйте! Ну, сыграйте.

Керосинов: Не просите меня. Это не-
ко.

Сима *(звонко):* Почему нечутко? Вы же са-
на-днях за обедом говорили, что ваша сим-
ия почти закончена. Я очень хорошо помню.
сказали, что первый пароксизм у вас назы-
ся «судороги», второй «конвульсии»...

Дина: Перестань сейчас же!

Сима: Третий «спазмы» или что-то в этом
, а четвертый, кажется, «колики».

одну страничку.

Керосинов *(поднимаясь с места):* На
мной издеваются. Я понимаю, что означают э
намеки: «сказал за обедом»! Меня попрека
здесь куском хлеба!

Антон Иванович: Успокойтесь, голу
чик. Как вам это могло притти в голову?
ее не поняли.

Керосинов: Я все понял. И я ухожу
этого дома. Дождь мне не помешает. Пере
чую где-нибудь под мостом.

Все обступают Керосинова. Говорят вмест

Антон Иванович: Вы этого не с
лаете!

Наталия Михайловна: Как это мо
но ночью! В дождь!

Дина: Папа, она должна извиниться пе
Керосиновым!

Антон Иванович: Симочка, я очень
бя прошу. Извинись перед ним. Ты была
справедлива.

Мухин *(шопотом):* Извинитесь, Симочка,
по-моему, не совсем нормальный человек. Та
надо жалеть.

Сима *(тоже шопотом):* Вы его не знае

л. (Громко.) Керосинов, я больше не буду.
еросинов (с видимым удовольствием):
шо. Я остаюсь.
эловкое молчание.
нтон Иванович (пытаясь поднять на-
ние): Ну, давайте продолжать наш концерт.
щаясь к Мухину.) Ведь вы, кажется, тоже
озитор?
узин: Да, я композитор.
нтон Иванович: Может быть, вы сы-
re?
Іухин: Если это может доставить удо-
ствие...
се: Просим! Просим!
Іухин (садится за рояль): Я вам сыграю
лоей последней музыкальной комедии. Из
него акта. У меня там есть вальс-бостон.
нтон Иванович (подскочив в кресле):
вы сказали?
Іухин: Вальс-бостон.
нтон Иванович вздрагивает и поднимает
и.
Іухин, не замечая этого, играет нечто до
едней степени синкопическое. Мелодия так
га и в то же время так элегантна, что по-
огу захватывает слушателей.
дин из старичков, может быть, сам не со-

Дурной пример оказывается заразительным другой старичок тянется за фаготом, Витя по немногу подбирает мелодию на скрипке и даж Сима, вначале боязливо поглядывая на отца принимается подпевать с закрытым ртом.

Лицо Антона Ивановича мрачнеет все больше Он обводит взглядом свое музыкальное воинст во, которое, по его мнению, явно переходит н сторону врага, и, наконец, встречается с сочув ственным взглядом Керосинова.

Керосинов пожимает плечами и закатывае глаза с видом крайнего возмущения.

Наталия Михайловна с тревогой следит з происходящим.

Мухин, улыбаясь, переглядывается с Симо Он взглядом приглашает ее быть смелее.

Сима, продолжая петь с закрытым ртом тоже улыбаясь, отрицательно качает голово Потом — эх, была не была! — подходит к ро лю, становится лицом к собравшимся и начин ет петь полным голосом. Как говорится в ан лийской пословице: чепец заброшен за мел ницу.

Пение окончено. Гости дружно аплодирую но под леденящим взглядом Антона Иванови скоро конфузятся и замолкают. Ужасная пау

с грохотом захлопнув за собой дверь, ает в своем кабинете.

аталия Михайловна и Сима с расстроенны- ицами бегут за ним.

кабинете.

ітон Иванович неподвижно сидит в кресле. одят Наталия Михайловна и Сима. Ната- Михайловна сразу направляется к шкафчи- остает пузырек с лекарством и капает в н.

и м а: Что с тобой, папа?

ітон Иванович молчит.

а т а л и я М и х а й л о в н а: Выпей.

ітон Иванович пьет лекарство. Пауза.

и м а: Папочка, объясни мне, наконец...

н т о н И в а н о в и ч: Я хочу, чтобы этот ек ушел из моего дома.

а т а л и я М и х а й л о в н а: Антоша, поду- что подумают...

н т о н И в а н о в и ч: Я хочу, чтобы этот ек ушел из моего дома.

оловая. Опечаленные гости теснятся возле , за которым все еще сидит Мухин. В іте шумно.

е р о с и н о в *(нагло развалясь в кресле)*: а, да, слышали! Все эти Шопены, Чайков-

...ечками, все эти обрезки, переделанные в симфонии, вся эта музыкальная карамель должна быть выметена поганой метлой!

Мухин: Видите ли, когда вы ругали меня, я молчал. Но если, как вы изволили выразиться, вымести Шопена, Чайковского и Грига, что же останется? Ведь вы, я слышал, свою физиологическую симфонию еще не закончили!

Керосинов: Останется Бах! И частично Гайдн!

Мухин: А Вагнер?

Керосинов: На помойку!

Мухин: А Глинка?

Керосинов: Туда же!

Мухин: А Шуберт? А Россини? А Берлиоз? А Бородин?

Керосинов: Всех на помойку!

Мухин: Ну, а это? (*Раздраженно поворачивается к роялю, играет музыкальную фразу.*)

Керосинов: Галиматья! На помойку!

Мухин: Так вот, к вашему сведению, это был Бах. А вы болтун и невежда!

Мухин поднимается и ищет глазами хозяев чтобы проститься. На Керосинова он уже больше не смотрит.

Керосинов: Проходимец! Гнать таких надо!

кпуганно щебеча, надевают шляпки и бо-

дин из старичков *(горестно взирая етронутые закуски и бутылки):* Молодые ! Молодые люди! Нехорошо! Вот и рас-ли торжество! Ай-й-яй-яй!

ухин идет навстречу Симе и крепко жмет уку.

ухин: Не огорчайтесь, Симочка. Все уля-я, все будет хорошо. *(Идет к выходу.)*

има идет за ним. В тот момент, когда Му-уже вышел в переднюю, а Сима поровня-с развалившимся в кресле Керосиновым, держивает ее за руку.

еросинов: Откуда вы выкопали этого ?

има: Я запрещаю вам говорить так о мо-рузьях! Слышите!

еросинов: Месяц постоял под окнами и друзья! Быстро, быстро!

има поворачивается и дает Керосинову кую пощечину.

ости дружно кидаются к выходу.

ходит Наталия Михайловна.

аталия Михайловна *(с гостеприим-улыбкой):* Куда же вы? Посидели бы еще!

Из затемнения. Кулисы театра музыкальной комедии. День премьеры.

На сцене устанавливают декорации, что-то прибивают, несут мебель. Опускается большой, пестро расписанный задник. Из оркестра доносятся звуки настраиваемых инструментов.

Кабинет Скворешникова. Он сидит в кресле. По кабинету мечется Мухин. Пьет воду.

Мухин: Так я вас очень прошу, Степан Степанович: придут ее мать, сестра и брат...

Скворешников: Я уже распорядился. Их посадят в директорскую ложу. Да вы не волнуйтесь, Алексей Петрович. Я вам ручаюсь за успех.

Мухин: Откуда вы взяли, что я волнуюсь? *(Пытается налить воды из графина в стакан.)* Почему у вас в кабинете никогда нет воды?

Скворешников: Потому что вы за последние полчаса выпили уже два графина! *(Бурно хохочет, причесывается.)*

Уборная Кибрика. Он сидит перед зеркалом в костюме старого морского волка. Парикмахер — весьма пожилой мужчина — наклеивает ему усы неслыханной длины и пышности.

Кибрик: Длиннее нет, Васенька?

Парикмахер: Куда ж длиннее, Яков Григорьевич?

арикмахер выходит, сталкиваясь в дверях
еплицкой-Холодовой.

еплицкая: Так вот. Ты пойдешь сейчас
кестр и скажешь Самуилу Марковичу, что
просила эта ваша, как ее, Симочка, пере-
ему, Самуилу Марковичу, чтобы он тран-
ировал ей конец арии во втором акте на
тона.

ибрик: Ниже?

еплицкая: Выше.

ибрик *(вскакивает):* Выше? Она просила?
ри тона выше?

еплицкая: Идиот! Это я тебе говорю,
она просила.

ибрик: А она?

еплицкая: Идиот! Она ничего не знает.

ибрик *(всплескивает руками):* Ядя, будет
дал. Она сорвется.

еплицкая: Наконец, понял!

ибрик: Я не пойду.

еплицкая: Что?! Что ты сказал?! Ты
йдешь?! *(Отрывает ему один ус.)* Если ты
с же не сделаешь то, что я тебе сказала,
шь сегодня домой не приходить.

ибрик *(закрывая рукой второй ус):* Ядя!
скажет общественность! Она же нас за-
ит!

роже жены.

Кибрик: Хорошо, Ядя, я иду. Только не кричи на меня.

Пятясь, выходит в коридор. Здесь он принимает достойный вид и, раскланиваясь со встречными хористами и статистами, идет в оркестр. Спускается по лестнице. Звуки настраиваемых инструментов становятся все слышнее.

Кибрик входит в небольшую комнату рядом с оркестром. Отсюда видны оркестранты и одна ложа бенуара.

За столом — дирижер, во фраке и белом галстуке, перелистывает партитуру, делая в ней какие-то пометки карандашом.

Кибрик: Здравствуй, Самуил, здравствуй, голубчик. Что это ты сегодня такой бледный?

Дирижер: Зарепетировался. Что ты хочешь? Последнюю неделю гнал по две оркестровых репетиции в день.

Кибрик: Да! Совсем забыл! Тут Воронова, Серафима Антоновна, просила тебе передать, чтобы ты транспонировал ей конец арии во втором акте на три тона.

Дирижер: Ниже?

Кибрик: Выше.

Дирижер *(подскакивает на стуле):* Выше? Но ведь это же будет си-бемоль!

иришер (подозрительно): А почему у те-
с оторван? Ой, Яша! И глаза бегают.

ибрик: Оторван? Что ты говоришь? По-
приклею. *(Убегает.)*

ирижер некоторое время смотрит ему вслед,
м хватает партитуру и устремляется к вы-
.

абинет Скворешникова. Слышен звонок.

Іухин *(встревоженно):* Это какой звонок?
ий? *(Пьет воду.)*

кворешников: Первый, первый, успо-
есь.

ходит дирижер.

Дирижер: Алексей Петрович, Серафима
иовна просила транспонировать ей конец
второго акта на три тона.

Іухин *(удивленно):* Ниже?

Дирижер: В том-то и дело, что выше!

Іухин *(опускаясь на диван):* Но ведь это
си-бемоль?

кворешников: Ничего себе дебютант.
А кто ее нашел? Я! *(Причесывается.)*

Іухин: Ну, раз она просит...

Дирижер раскрывает партитуру, и они по-
ляют в ней что-то карандашом.

сывает в партитуру несколько нот.

Столовая в квартире Вороновых. Антон Иванович в кресле читает газету.

Входит Наталия Михайловна в шляпе и в том самом парадном платье, в котором мы видели ее на концерте в начале картины.

Антон Иванович *(смотрит на нее поверх очков):* Ты куда собралась?

Наталия Михайловна *(смущенно):* У Лихачевых заболел мальчик, и Настасья Андреевна просила меня зайти. К ужину я вернусь. Ты не беспокойся.

Целует Антона Ивановича в лоб, поправляет на столе скатерть и, оглядываясь на мужа, уходит.

Входит Витя. Он в новом костюмчике и шелковом пионерском галстуке.

Витя: Папа, у нас сегодня костер... Я приду к ужину.

Антон Иванович: Мама знает?

Витя: Знает.

Антон Иванович: Ну, иди.

Витя поспешно шмыгает в переднюю.

Дина в шляпе и жакетке входит в комнату Керосинова. Он, по обыкновению, лежит в ботинках на кровати. При входе Дины прячет под подушку книгу.

шал.

Керосинов: По какому поводу такие ридские тайны?

Дина: Дайте честное слово, что вы не скажете папе.

Керосинов: Слово Керосинова не может ть нечестным!

Дина *(ломая руки):* Керосинов! Сима сегоя дебютирует в оперетте!

Керосинов *(радостно):* В оперетте? Докаась ваша Симочка! Я говорил, я говорил!

Дина: Я очень боюсь за папу. Тише. Проите меня.

Дина и Керосинов на цыпочках идут по коору.

В оркестре театра. Концертмейстер со скрипй подмышкой ходит от пюпитра к пюпитру, ся в ноты поправки.

Теплицкая смотрит на это из ложи над оротром.

Она довольна.

В ложу напротив входит семейство Вороних. Мухин усаживает их у барьера. Сам садитсзади.

Дирижер появляется за своим пультом. Наается увертюра.

вает глаза.

Антон Иванович *(кричит):* Дина! *(Молчание.)* Дина! *(Молчание.)*

Входит Керосинов.

Керосинов: Дина ушла.

Антон Иванович: Как, и Дина ушла?

Керосинов *(значительно):* Да. И Дина.

Антон Иванович: Что это вы так странно на меня смотрите?

Керосинов: Нисколько не странно. Просто я удивляюсь, как вы не видите, что творится у вас под самым носом.

Антон Иванович: Не понимаю, о чем вы говорите? Что-нибудь случилось с Диной?

Керосинов: С Диной? С Диной ничего не может случиться. Вот ваша младшая дочь...

Антон Иванович: Голубчик, не сердитесь вы на нее. Вы погорячились, она погорячилась... Стоит ли вспоминать?

Керосинов *(горько):* Я слишком горд, чтобы обращать вимание на пощечины! Но я не могу спокойно смотреть, как обманывают вас, человека, которому я всем обязан.

Антон Иванович *(встревоженно):* В чем дело? Говорите!

Керосинов: Что там говорить, все равно

\нтон Иванович (вскакивает с кресла атает Керосинова за отворот пиджака): Вы кете, наконец?

\еросинов: Да что там говорить! Просто а дочь, носящая знаменитое имя Воронова, единственного в стране исполнителя серь й музыки, выступает в эту минуту... Ну, где вы думали?

\нтон Иванович *(с ужасом):* В опере?!

\еросинов: В оперетке!

\нтон Иванович *(хрипло).* Вы лжете!

\еросинов: Керосинов никогда не лжет. мте! *(Ведет Антона Ивановича.)*

За кулисами театра. Идет второй акт. Слыш пение и музыка.

В кулисах стоит Сима. К ней подходит Му-

Мухин: Страшно?

Сима: Теперь уже не так. В первом акте ела, как под водой: ничего не понимала, ни не видела. А вам страшно?

Мухин: Очень. И чем дальше, тем страш-

Сима: А у меня сейчас главная ария, и я его.

Сима: Что я просила? Не понимаю.

Мухин: Транспонировал конец арии.

Сима: Я ничего не понимаю. Тут какая-то ошибка.

Мухин *(ужасно испуган)*: Боже мой!

Подбегает помощник режиссера.

Помреж: Серафима Антоновна, ваш выход.

Сима *(идя на сцену, оборачивается)*: Скорее! Как вы там исправили?

Мухин: Конец арии. На три тона вверх. Там теперь си-бемоль.

Он хочет еще что-то добавить, но Сима уже на сцене. Мухин бросается к выходу в коридор.

Директорская ложа. Впереди — Наталия Михайловна, Дина и Витя. За ними — сияющий Скворешников. Дверь в ложу открывается. Мухин за рукав вытаскивает директора в коридор

Коридор. Мухин что-то горячо говорит директору. Музыка заглушает его слова. Оба как сумасшедшие бегут вниз по лестнице.

Мухин и Скворешников появляются у двери ведущей в оркестр.

Скворешников становится на четвереньки и как собака, ползет между оркестрантами к дирижерскому пульту.

Продолжая дирижировать, Самуил Маркович итает ее.

Крупно корявыми буквами выведено: *«Не адо три тона выше. Оставьте, как было».*

Дирижер перекладывает палочку из одной уки в другую и, вынув из бокового кармана арандаш, пишет ответ и передает записку Сковорешникову.

Скворешников, полный лысый человек, полет обратно с запиской в зубах.

Скворешников и Мухин читают записку.

Крупно на той же бумажке ответ дирижера: *«Поздно!»*

Скворешников и Мухин в ужасе глядят друг а друга.

Улица. Антон Иванович без пальто и шляпы ежит по тротуару. Керосинов догоняет его со шляпой, пальто и зонтиком. Одевает Антона Ивановича.

Антон Иванович устремляется дальше, размахивая зонтиком. Керосинов остается на тротуаре и смотрит ему вслед.

Сцена театра, снятая из директорской ложи, де сидят Наталия Михайловна, Дина и Витя.

Сима начинает петь арию, как показывал ей ежиссер на репетиции, глядя в окно. Только

Зрительный зал, снятый из той же ложи. Он полон. Люди, освещенные отблеском рампы, внимательно слушают.

Теплицкая-Холодова, не сводя глаз со сцены, приподнимается в кресле.

Кибрик стоит в кулисах, прислонившись к кирпичной стене, на которой укреплен большой термометр. Кибрик с волнением ждет конца арии.

Дирижер за своим пультом. Его самочувствие сейчас похоже на то, какое должен испытывать машинист на несущемся паровозе с испорченными тормозами.

В глубине оркестра притаились насмерть перепуганные Мухин и Скворешников. В руке Скворешникова зажат гребешок. Мухин зажмурил глаза.

В фойе театра. Сюда доносится пение. Мимо оторопевших капельдинеров, в шляпе и пальто, с зонтиком в руках, медленно проходит Антон Иванович. Он идет вытянувшись, с высоко поднятой головой. Капельдинеры расступаются перед ним.

Антон Иванович открывает боковую дверь в зал. На сцене Сима. Она поворачивается к зрителям и идет на авансцену. Теперь голос ее на-

Антон Иванович стоит, расставив ноги, с зон-
иком за спиной, в боковом проходе, у самой
иректорской ложи, почти касаясь плечом Вити,
эторый высунулся, чтобы лучше видеть.

Наступает решительный момент. В оркестре
оследние аккорды перед каденцией. Сима с
эгкостью поет сложную фиоритуру. Новые ак-
орды, на этот раз на три тона выше. Фиориту-
а повторяется в новой тональности. Голос Си-
ы поднимается все выше.

Кибрик на прежнем месте — в кулисах. Пле-
ом он прислонился к термометру. По мере то-
о, как голос Симы поднимается вверх, столбик
тути в термометре (это надо показать крупно)
оже лезет вверх.

Теплицкая в ложе. С каждой новой нотой ее
лаза все больше круглеют.

Дирижер роняет палочку и хватается за го-
ову.

Оркестранты, привстав за своими пюпитрами,
мотрят на сцену.

Скворешников и Мухин, обнявшись, как две
иротки, в оцепенении смотрят на сцену.

Крупно: рука Скворешникова сжимает гре-
ешок.

кающая чистая нота стремительно летит в зал.

Рука Скворешникова ломает любимый гребешок.

Мухин прижимает к груди другую руку Скворешникова.

Кибрик вытягивается у своей стены. Термометр падает на пол.

Антон Иванович стоит с каменным, ничего не выражающим лицом.

Крупно: Сима продолжает держать ноту.

Дирижер взмахивает рукой. Но звуки оркестра покрываются аплодисментами.

Аплодирует зал.

Аплодируют музыканты, стуча смычками по своим инструментам.

Аплодирует пожарный за сценой.

Мухин и Скворешников целуются.

Скворешников хочет причесаться, но в руке у него крошечный кусочек гребешка. Директор смотрит на него с бессмысленным, счастливым лицом.

Теплицкая-Холодова бурно аплодирует в своей ложе. На лице у нее страданье.

Теплицкая *(снимает перчатки и аплодирует еще яростнее)*: Ах, дрянь! Ах, какая дрянь!

Сима неумело раскланивается.

Внезапно Витя поворачивается и видит отца. Он толкает локтем мать.

Наталия Михайловна и Дина тоже замечают Антона Ивановича.

Он смотрит на них в упор. Потом резко поворачивается и выходит из зала.

Сима, счастливая, с капельками пота на лбу, идет за кулисы.

Кибрик *(раскрывая объятия):* Иди, я тебя поцелую! Ты даже сама не знаешь, как ты поешь! *(С видимым удовольствием целует Симу.)*

За кулисы врываются Скворешников и Мухин.

Мухин *(Скворешникову):* Ах, если б я мог быть таким нахалом, как этот Кибрик!

Капельдинеры вносят корзины с цветами.

Улица. По мостовой быстро идет Антон Иванович.

Крупно: лицо у него попрежнему каменное. Оно ничего не выражает. Внезапно Антон Иванович начинает напевать мелодию, которую только что слышал. Громко отплевывается. Убыстряет шаги. Но мелодия его преследует. Он снова, против воли, напевает ее. Опять отплевывается. Оглядывается по сторонам, сжимая кулаки.

ускоряет шаги, как бы желая скрыться от музыки. Он почти бежит. Но звуки настигают его всюду.

У ворот сидит парочка. «Он» напевает все ту же мелодию, аккомпанируя себе на гитаре. «Она» склонилась на его плечо.

Антон Иванович отшатывается от них. Перебегает на другую сторону улицы.

Сворачивает за угол.

Навстречу ему, отбивая шаг, марширует взвод красноармейцев. Они поют все ту же песню. Несколько деформированная в соответствии с требованиями военного дела, она все же прекрасно звучит.

Антон Иванович бежит вверх по лестнице. В ушах у него звучит музыка.

Он открывает дверь.

В пустой освещенной квартире гремит все та же проклятая мелодия.

Бросив на пол пальто, шляпу и зонтик, Антон Иванович вбегает в столовую и с яростью выдергивает из штепселя шнур радиоприемника.

Тишина.

Шатаясь, Антон Иванович идет в кабинет, бросается на диван и накрывает голову подушкой.

Стук в дверь.

Антон Иванович *(приподнимается на зане):* Войдите.

В комнату входит высокий, полный мужчина, толстым веселым лицом, в атласном камзоле, этлых обтянутых панталонах, чулках и туфк с пряжками. На голове у него громадный іудренный завитой парик. Фигура человека эгка просвечивает.

Пораженный Антон Иванович идет навстре· гостю.

Гость отвешивает церемонный старинный поон.

Антон Иванович вглядывается в его лицо.

Антон Иванович: Иоганн Себастьян ах!!

Бах: К вашим услугам, маэстро.

Антон Иванович: Как вы сюда... Впром, какой глупый вопрос! Садитесь, пожалуйа.

Бах садится в кресло. Антон Иванович пододвигает себе другое и тоже садится.

Бах *(оглядывая комнату):* Очень, очень ми·). У вас квартира при церкви?

Антон Иванович: Простите... Как при эркви?

органист. А органисты...

Антон Иванович: А-а-а, я вас понял, маэстро! Я, видите ли, даю концерты!

Бах: В церкви?

Антон Иванович: Нет, в консерватории.

Бах: Кто же вас там слушает?

Антон Иванович: Публика.

Бах *(недоверчиво)*: И платит деньги?

Антон Иванович: Конечно.

Бах: Как вы, должно быть, счастливы, что не играете в церкви. Правда, казенная квартира с дровами; но маленькое жалованье, и каждый день надо писать хоралы. Нет, вы положительно счастливец!

Антон Иванович: Как, маэстро! Вы хотите сказать, что вы не любили писать хоралы!

Бах: Не то, чтобы не любил. Некоторые я писал даже с удовольствием. Но, скажу вам правду, эта сухая церковная музыка никогда меня не привлекала.

Антон Иванович *(всплескивая руками)*: Но ведь у вас есть гениальные хоралы! Возьмите хотя бы опус сто двадцать восьмой.

Бах: Что-то не помню.

Антон Иванович напевает.

Бах: А-а-а, этот? Что ж! Посредственное сочинение. Вообще говоря, я всегда мечтал о

Антон Иванович *(с ужасом):* Оперу?

Бах: Оперетту! Кажется, это у вас так называется? У меня был чудный сюжет. Понимаете, один герцог, проезжая мимо реки, увидел прелестную пастушку. Уж не помню, что там было дальше, но это было очень смешно. *(Хохочет, тряся животом, вытирает слезы.)* Очень, очень смешно!

Антон Иванович *(подхалимским голосом):* Конечно, если бы это написали вы, это было бы гениально! Но вот у нас в этом жанре такое пишут, что сердце кровью обливается. Ну, посудите сами, что это такое? *(Напевает преследовавшую его мелодию Мухина.)*

Бах *(повторяя мотив):* Недурно. По-моему, недурно! *(Снова напевает.)* Просто хорошо. Талантливо.

Антон Иванович: Нет, воля ваша, маэстро, но это не музыка.

Бах: Почему не музыка? Нет, это музыка. Легкая музыка.

Антон Иванович *(запальчиво):* Для меня не существует легкой музыки! Когда я слушаю настоящую музыку, мне хочется встать и снять шляпу...

Бах: Вот вы какой!

нужно благоговеть.

Б а х: Эге, батенька, да вы опасный сектант. *(Рассердившись.)* Дать волю таким, как вы, и от музыки останутся одни псалмы да хоралы! Вздор какой! Снять шляпу! Нет, нет, вы сектант. Неужели вы не можете понять, что людям нужна музыка и та, от которой плачут, и та, которая вызывает смех. Но обязательно талантливая. Непременно талантливая. А остальное все ерунда!

А н т о н И в а н о в и ч *(робко)*: Маэстро, но я всю жизнь доказывал, что лучшее из того, что вы сочинили, это хоралы!

Б а х: И напрасно вы это делали. Жизнь доказала другое. Что из моих сочинений играют сейчас? *(Загибает палец.)* Фуги, прелюдии, сонаты, концерты, ну, конечно, скрипачи любят «Чакону». Моих хоралов никто не играет.

А н т о н И в а н о в и ч: Я их играю.

Б а х: Гм... В таком случае удивляюсь, за что публика платит вам деньги. Я бы на вашем месте сейчас их не играл. Скучно.

А н т о н И в а н о в и ч: У меня просто голова идет кругом!

Б а х *(встает с кресла и кладет ему руку на плечо)*: А вы не будьте таким нетерпимым. Не создавайте себе в музыке идолов. Уверяю вас

Антон Иванович *(упавшим голосом):* ...ужели я упрям?

Бах *(с отеческой кротостью):* Как осел. *(Исчезает.)*

Наплыв. Антон Иванович спит в той же позе, какой его застал неожиданный гость.

Вскакивает с дивана и протирает глаза. Потом встает и идет в столовую.

Там горит свет. В открытую дверь видна передняя, где на полу все еще валяются пальто, шляпа и зонтик.

Антон Иванович идет в переднюю и аккуратно развешивает на вешалке вещи.

Потом возвращается в столовую и останавливается перед портретом Баха. Некоторое время смотрит на него.

Осторожно снимает с портрета какую-то соринку.

Антон Иванович: Так вот вы какой, Иоганн Себастьян Бах? Веселый толстый человек!

Улица. У подъезда дома Вороновых. Подъезжает такси, из которого высаживаются Наталия Михайловна, Дина, Сима, Витя и ...ухин.

Автомобиль отъезжает.

Мухин: По-моему, пойти, коллективно стать на колени и все ему рассказать.

Сима: Как ты думаешь, мама? А? Может быть, попробуем?

Наталия Михайловна: Нет, дети, вы не знаете моего Антона Ивановича. Он очень упрям. Не то, что Алексею Петровичу,— мне страшно сейчас итти к нему. Ведь он же видел нас в театре!

Сима: Знаешь, мама, мы сделаем так. Пошлем Витю вперед, — он его больше всех любит, на него он не будет очень сердиться. А потом пойдем все. А? Как будто ничего не произошло.

Витя: Стойте здесь. Когда будет уже можно, я вас позову. *(Убегает.)*

Все входят в парадное.

Витя бежит вверх по лестнице. Остальные стоят внизу, задрав головы.

Витя осторожно открывает дверь. Слышны тихие звуки фисгармонии.

Стоящие внизу переглядываются. Потом пожимают плечами. Потом медленно идут наверх. Аппарат следует за ними. Звуки усиливаются.

Подталкивая друг друга вперед, все входят в квартиру. Музыка становится еще громче.

Входят в столовую. Столбенеют.

из оперетты Алексея Петровича Мухина. Он -своему украшает мелодию, находя в ней но- іе, органные оттенки. Подпевает. Раскачи- ется.

Витя неосторожно двигает стулом.

Антон Иванович испуганно оборачивается. жакивает. Захлопывает крышку фисгармонии. отом начинает суетливо застегивать пиджак все пуговицы.

Пауза. Все стоят потупившись.

А н т о н И в а н о в и ч *(косясь на портрет ıха):* Да-а-а... Так-с... Вы, конечно, думаете, о старый упрямец будет топать ногами, кри- ıть «вон из моего дома» и пить лекарство? *(ивает на Наталию Михайловну, которая уже ержит в руках аптекарский пузырек и стакан водой. Пауза.)* Нет, ничего этого не будет. И ждите. *(Строго смотрит на Симу.)* Дочь Ан- на Ивановича Воронова поет в оперетке! *(Под- ıмает палец.)* Ну, иди сюда, примадонна!

Сима довольно робко подходит к отцу.

Антон Иванович обнимает ее и целует.

А н т о н И в а н о в и ч *(тыча пальцем в Му- ина):* Этого... я тоже должен поцеловать?

С и м а: Да. Тоже.

Антон Иванович обнимает Мухина.

Дина: Подождите, подождите, Керосинов.

Керосинов *(грубо):* Что надо?

Дина: Это вы сказали папе, что Сима поет в оперетте?

Керосинов: Сказал. И я этим горжусь.

Дина: Ну и негодяй же вы, Керосинов!

Керосинов: Ах, так? *(Пауза.)* Я ухожу из этого дома!

Все молчат.

Керосинов: Слышите? Вы! Мещане! Я ухожу, чтобы никогда не возвращаться в этот дом!

Молчание.

Керосинов *(косясь на Антона Ивановича):* Пускай ночь, пускай вьюга. Пойду — сдохну под забором. *(Пауза.)* Как пес. *(Пауза.)* Пусть пропадает талант! *(Машет рукой.)* Ухожу!

Сима: Что ж вы не уходите?

Керосинов: И уйду!

Сима: И уходите.

Керосинов: И уйду. Завтра утром.

Сима: Почему же утром? Уходите сейчас. Сейчас ночь. Вьюги, правда, нет, но дождик может пойти. Прекрасный случай умереть под

лышите вы? Мещане!

Антон Иванович *(взвизгивает):* Пошел он!

Керосинов исчезает за дверью.

Наталия Михайловна дает разволновавшемуся ıнтону Ивановичу выпить лекарство.

Антон Иванович *(выпивает лекарство и устым стаканом показывает на дверь, за котоой скрылся Керосинов):* Это тоже было мое прямство.

Затемнение.

Из затемнения. Тот самый консерваторский ал, в котором происходил концерт в начале :артины.

Антон Иванович исполняет на органе совре:енную очень сложную и эффектную фугу.

В зале, в разных местах можно узнать всех ɩействующих лиц этой картины. Здесь и учи·ель пения Андрей Аполлонович с лихо закру:енными усами, и солидный Скворешников, ко·орый причесывается новым гребешком, и рос:ошная Ядвига Валентиновна со своим малень:им Кибриком и, разумеется, вся семья Воро·овых, в которую теперь с полным правом мож·о включить сидящего рядом с Симой Мухина.

одного Керосинова. Впрочем, это неудивительно.

Антон Иванович берет последний аккорд.

Аплодисменты.

Антон Иванович раскланивается. Потом протягивает руки вниз и вытаскивает на подмостки смущенного, упирающегося Мухина.

Они раскланиваются, взявшись за руки. Снятые снизу, они очень величественны на фоне сверкающих труб и конусов большого органа. Диафрагма.
